

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 12 раз в год

Выпуск
1 (141)

2015

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации и рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

- 7 *В.М. Юрьев,
В.Г. Бабаян* Устойчивость как производная сложности социально-экономических систем
- 15 *О.В. Голосов,
И.Н. Дрогобыцкий* Совместимость моделей организационного управления
- 20 *Е.А. Ветрова* Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества
- 25 *Л.Н. Андрианова* Международные стандарты результативности инвестирования: требования к оценке деятельности доверительных управляющих на рынке ценных бумаг
- 32 *Л.В. Овешникова* Основные аспекты решения проблем развития региональной инфраструктуры

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

- 38 *Е.А. Алисов* Модель углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов направления подготовки «Педагогическое образование» в условиях сетевого взаимодействия
- 46 *А.А. Скворцов* Эволюция и внедрение дистанционных образовательных технологий в учебный процесс студента в наукоемкой образовательной среде
- 55 *А.Ю. Курин,
А.Н. Попов* Актуальность формирования информационной компетенции социального работника: основные понятия и обоснование

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- 61 *А.М. Фетисов* Формирование готовности будущих специалистов адаптивной физической культуры к профессиональной деятельности по дисциплине «Плавание»
- 68 *К.С. Дунаев,
А.М. Федосеев* Коррекция техники плавания способом кроль на груди с использованием видеосъемки

- 72 *А.Д. Гонеев* Интегрированный подход в проектировании профессиональной подготовки бакалавров к работе в условиях инклюзивного образования
- 77 *Е.А. Уваров, Алави Хайдар М. Алави* Взаимодействие физических и потребностно-мотивационных составляющих в двигательной активности студенческой молодежи: экспериментальное обоснование
- 83 *С.В. Шпагин, В.А. Китманов* Вариативность тренировочных нагрузок различной интенсивности в комплексно-оздоровительной программе с женщинами пенсионного возраста

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 89 *В.В. Канищев, Е.В. Баранова, Н.А. Жиров* Результаты моделирования историко-географического районирования (на материалах юга Центральной России XVII–XVIII вв.)
- 109 *Н.М. Селиверстова* Социально-экономическая программа российского поместного дворянства в период подготовки крестьянской реформы
- 120 *М.А. Коломейцева* Становление школьного образования в крестьянских поселениях на Дону в пореформенный период
- 127 *Д.А. Шувалов* Деятельность тамбовских дворян Давыдовых в учреждениях образования и культуры в конце XIX – начале XX в.
- 133 *В.Д. Орлова* Родственные, деловые и соседские связи предпринимательских семей городов Тамбова и Моршанска в XIX в.
- 145 *Н.В. Рябикина* Торговые дома Тамбовской губернии в конце XIX в.
- 152 *М.К. Акользина* Моршанские купцы Тюлюкины в XIX в.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ТАМБОВЩИНЫ

- 158 *А.Г. Айрапетов* Тамбов – Толна: области-побратимы. 1971–1989 (по материалам российских архивов)

ДЕРЖАВИНОВЕДЕНИЕ

- 168 *Н.С. Цинцадзе* Деятельность Г.Р. Державина в системе местного управления Российской империи (1785–1788 гг.). Первая часть. Губернаторство в Олонецкой губернии

ИНФОРМАЦИЯ

- 177 *Л.И. Шишкина, К.Д. Гордович* Российско-украинский диалог филологов

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

АННОТАЦИЯ ЖУРНАЛА

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. э. н., проф. В.М. Юрьев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. э. н., д. психол. н., проф., И.В. Грошев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф., И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. э. н., проф. В.И. Абдукаримов, д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов, д. эконом. н., проф., Н.Г. Багаутдинова (г. Казань), д. эконом. н., проф., Г.П. Журавлева (г. Москва), д. пед. н., проф., И.Ф. Исаев (г. Белгород), д. ист. н., проф. В.В. Канищев, д. ист. н., проф., С.Г. Кашенко (г. Санкт-Петербург), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко, д. эконом. н., проф. Л.В. Лысяк (г. Днепропетровск, Украина), д. эконом. наук, проф. В.Д. Мамонтов, д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис, д. ист. н., проф., С.А. Нефедов (г. Екатеринбург), д. пед. н., проф., А.Г. Пашков (г. Курск), д. пед. н., проф., Л.С. Подымова (г. Москва), д. ист. н., проф. В.В. Романов, д. эконом. н., проф. О.А. Степичева, д. пед. н., проф. П.В. Сысоев, д. ист. н., проф., А.С. Туманова (г. Москва), д. эконом. н., проф., Е.В. Харченко (г. Курск), д. пед. н., проф., М.С. Чванова, д. пед. н., проф. И.А. Шаршов.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50435 от 3 июля 2012 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге агентства «Роспечать».

Редакторы Т.Н. Савушкина, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Ю.С. Поветкина.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2015. – Вып. 1 (141). – 184 с. – ISSN 1810-0201.

Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 22,31. Тираж 1000 экз. Заказ № 1081. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2015.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

The journal is on the official list of scientific periodicals in the Russian Federation and recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations

CONTENTS

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMICS

- 7 *V.M. Yuryev,
V.G. Babayan* Stability as derivative of complexity of Socio-Economic systems
- 15 *O.V. Golosov,
I.N. Drogobysky* Compatible models of organizational management
- 20 *E.A. Vetrova* Social business as a factor of socioeconomic development of the society
- 25 *L.N. Andrianova* International investment performance standards: requirements for the evaluation of asset management in the securities market
- 32 *L.V. Oveshnikova* Main aspects of deciding problems of development of regional infrastructure

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 38 *E.A. Alisov* Model of deepened pro-oriented practice of undergraduates of direction of preparation "Pedagogical education" in terms of net interaction
- 46 *Скворцов*
- 55 *A.Y. Kurin,
A.N. Popov* Actuality of formation of information competence of social worker: basic notions and evidence

EXPERIENCE OF ORGANIZATION OF MODERN EDUCATION

- 61 *A.M. Fetisov* Formation of preparation of future specialists of adaptive physical culture to professional activity of discipline "Swimming"
- 68 *K.S. Dunaev,
A.M. Fedoseev* Correction of Technique of swimming by way crawl on a breast with a method of video filming
- 72 *A.D. Goneev* Integrative Approach in Designing Bachelors' Professional Training for Inclusive Education
- 77 *E.A. Uvarov,
Alavi Haidar M. Alavi* Interaction of physical and interest and motivation components in movement activity of student's youth: experimental disclosing
- 83 *S.V. Shpagin,
V.A. Kitmanov* Variability of training loads of different intensity in the complex wellness programs to women of retirement age

SOCIAL HISTORY OF RUSSIA

- 89** *V.V. Kanishchev,
E.V. Baranova,
N.A. Zhiron* The results of modeling of historical and geographical regionalization (on materials of south-central Russia in 17th–18th centuries)
- 109** *N.M. Seliverstova* Socio-economical program of Russian local noble people in peasant reform preparation period
- 120** *M.A. Kolomeytseva* Development of school education in peasant settlements on the Don in the post-reform period
- 127** *D.A. Shuvayev* Activity of Tambov noble family Davydovs in institutions of education and culture at the end of 19th – beginning of 20th century
- 133** *V.D. Orlova* Related, business and neighbor's relationship of business families of Tambov and Morshansk in 19th century
- 145** *N.V. Ryabikina* Trade houses of Tambov province in the end of 19th century
- 152** *M.K. Akolzina* Merchant family of Tyulyukins from Morshansk in 19th century

CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS OF TAMBOV

- 158** *A.G. Airapetov* Tambov – Tolna: Twin Cities area. 1971–1989 (based on Russian archives)

THE STUDIES OF DERZHAVIN

- 168** *N.S. Tsintsadze* Activity of G.R. Derzhavin in system of local governance of Russian Empire (1785–1788). First part. Governorship in Olonetsk province

INFORMATION

- 177** *L.I. Shishkina,
K.D. Gordovich* Russian-Ukrainian dialogue of philologists

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

SUMMARY

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Economics, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev (Deputy Editor-in-chief), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova (Series Managing Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Economics, Professor V.I. Abdulkarimov, Doctor of History, Professor A.G. Airapetov, Doctor of Economics, Professor N.G. Bagautdinova (Kazan), Doctor of Economics, Professor G.P. Zhuravleva (Moscow), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev, Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (Saint-Petersburg), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko, Doctor of Economics, Professor L.V. Lyusyak (Dnipropetrovsk, Ukraine), Doctor of Economics, Professor V.D. Mamontov, Doctor of History, Professor Y.A. Mizis, Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow), Doctor of History, Professor V.V. Romanov, Doctor of Economics, Professor O.A. Stepicheva, Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoev, Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow), Doctor of Economics, Professor E.V. Kharchenko (Kursk), Doctor of Pedagogy, Professor M.S. Chvanova, Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-50435 from 3 July, 2012.

Subscription index in the catalogue of the Rospechat agency is 83371.

Editors: T.N. Savushkina, M.I. Filatova.

English texts editor Yu.S. Povekina.

Computer layout T.Yu. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2015. – Issue. 1 (141). – 184 p. – ISSN 1810-0201.

Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 22,31. Тираж 1000 экз. Заказ № 1081. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2015

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2015.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 330.101.22+332.012.23

УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ПРОИЗВОДНАЯ СЛОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

© Владислав Михайлович ЮРЬЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, ректор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, e-mail: rector@tsu.tmb.ru

© Вилен Гургенович БАБАЯН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат химических наук,
старший научный сотрудник института фундаментальных
исследований, e-mail: kaf-mei@yandex.ru

В теориях сложноорганизованных систем идет постоянно пересмотр понятий «развития и устойчивости». Многомерные материалы, называемые композитными, отличаются более высокой устойчивостью, чем однородные. В социально-экономических системах эта многомерность обеспечивается профессиональным составом, компетенцией и сбалансированностью блоков – рынок, государство, религия и массовое сознание. Усложнение этих блоков повсеместно происходит с разрастанием городов-мегаполисов. Мир входит в новое состояние, где понятие реальности прочитывается иначе, а страна – это не территория, а люди. Происходит мутация межгосударственных отношений, синергичная методология становится общепринятой, создается свободная, живая, полноценная, богатая и имеющая высокое общественное признание научная, интеллектуальная, аналитическая среда с элементами гностицизма. В настоящее время на фоне нарастания агрессии нужна мобилизация общества, необходимо решать задачи глобальной безопасности и создания многополярного мира, а его создать невозможно без идеи развития государства и идеологии, без которой государство теряет смысл, а сама обоснованность сохранения его суверенитета становится не так ясна, т. к. деморализует народ. То, что произойдет завтра, зависит от того, насколько верно элита сможет оценить настоящий момент.

Ключевые слова: мегаполис; сложные системы; гибкость и устойчивость; компетенции.

Статью было решено начать с гипотезы. Суть гипотезы – наше понимание устойчивости социально-экономических систем (СЭС), которое переключается с формализацией понятий сложность СЭС и сложность человека. В эту тему основательно вписываются бурные дискуссии, идущие в мировом сообществе в последние годы, связанные с вопросами о войне и мире, конфликтах цивилизаций, сцепленными с этикой, моралью и даже теологией. На эти вопросы принято смотреть сквозь геополитические очки, часто делая отсылки к работам американского стратегического исследователя С. Манна, выполняемые по заказам службы безопасности США [1; 2]. В России практически независимо ведутся такого же рода работы, из которых в

открытом доступе известны работы президента Фонда стратегических исследований А. Неклесса [3]. В краткой формулировке наша гипотеза выглядит так: *чем сложнее СЭС, тем она устойчивее* [4]. Сложные системы обладают большей конформационной подвижностью и гибкостью, отзываясь на внешние вызовы адекватными им перестройками.

Заметим, что понятия «сложные СЭС» и «сложный мир» можно считать синонимами. Предложенная нами структурная формула СЭС дополняет качественную картину: СЭС формируются в виде 4-х блоков – *рынок, государство, религия, массовое сознание*. Каждый блок заполняется по мере исторического развития соответствующими профессио-

нальными сегментами, образуя когнитивную матрицу. Предлагаемая нами матрица имела размерность 4×8 , т. е. в каждом блоке располагалось по 8 соответствующих профессиональных сегментов (табл. 1).

Заметим, что в цитированной работе А. Неклесса «Сложный человек в сложном мире» есть определение СЭС или мира как совокупности «неокоorporаций» – сообществ, «действующих в сложном окружении и реализующих профессиональное разнообразие как гибкость и эффективность». Очевидно, что историческое развитие мировых цивилизаций сопровождается постоянным увеличением разнообразия профессиональных сегментов, т. е. их количества в каждом блоке. Соответственно, историческое развитие человечества на планете Земля сопровождается усложнением СЭС, особенно заметным по мегаполисам разных стран.

Следуя предложенной гипотезе, мы должны утверждать, что устойчивость мегаполисов выше, чем устойчивость малых городов, особенно моногородов. Более того, мы должны утверждать, что т. н. «самоорганизованная критичность» возникала во все времена, и в настоящее время ее появление не становится более частым или более опасным. Последнее, кажется, противоречит убежденности С. Манна: «Мы должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, когда это соот-

ветствует нашим национальным интересам (например, при уничтожении саддамовского государства, наш национальный интерес приоритетней международной стабильности). В действительности, сознательно это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем СМИ через частный сектор» [1]. Но вот он же в другом месте утверждает: «Многие сложные системы естественным образом эволюционируют до критической стадии (самоорганизованная критичность). Однако сложные системы никогда не достигают равновесия, а пребывают в метастабильном состоянии. Понятие «новый мировой порядок» трудно представим. Непредсказуемые трансформации приводят к постоянным изменениям в международной обстановке. При этом вся система сохраняет устойчивость» [2]. Считаем целесообразным добавить следующее из цитируемой статьи: «Люди крайне нуждаются в стабильности, и один из путей, которым мы можем удовлетворить эту потребность, является поиск парадигм. Успешная модель, если она будет создана, будет охватывать военную стратегию, торговлю, финансы, идеологию, политическое устройство, религию, экологию, массовые коммуникации, здравоохранение и меняющиеся гендерные роли».

Таблица 1

Когнитивная матрица СЭС

Рынок 1	Сельское хозяйство	Промышленность. Строительство	Энергетика	Образование	Медицина	Наука	Транспорт. Связь	Банковская система
Государство 2	Налоговые органы	Полиция	Судебные органы	Органы юстиции	Нелегальная деятельность	Армия	Секретные службы	Партийные и профсоюзные органы
Религия 3	Церковь	Мечеть	Синагога	Буддизм	Иные мировые религии	Синтоизм	Шаманизм	Атеизм
Массовое сознание 4	Мода	Праздники. Развлечения	Музыка. Художественная деятельность	Отдых	Семья. Воспитание детей	Телевизор. Телефон. Интернет	Кино. Театр	Спорт. Физическая культура

В последней фразе уже содержатся те идеи, которые мы закладываем в свое понимание СЭС, но хотелось бы внести корректировки – «непредсказуемые трансформации» изменяют, прежде всего, саму СЭС, а уж потом, возможно, и международную обстановку. И все-таки пора бы внимательнее присмотреться к С. Манну, которого многие отечественные публицисты заносят в категорию чуть ли не «ястреба». Чего стоят, например, его вполне актуальные в настоящее время заявления: *«Неуместные комментарии рождаются из страха перед хаосом. Мы должны стремиться к активным изменениям в обществах, находящихся в конфликте. Ни один исход урегулирования не бывает справедливым для всех. Право часто не применяется в сегодняшних реалиях, которые основаны на конфликте»*.

А. Неклесса перечисляет пять методологических революций, которые совершены в социальных науках в XX в. учеными разных специальностей: кибернетика (Н. Винер), самоподдерживающееся развитие (Л. фон Берталанфи), системная динамика (Дж. Форрестер), хаососложность (И. Пригожин, Э. Лоренц), синергичная методология (Г. Хакен). То, что представляется хаотическим, может оказаться чрезвычайно сложной и невероятно гибкой организацией, а организация мира не есть некоторая фатальность, надвигающаяся с неизбежностью рока. «В суете мы как-то забываем, что будущее есть результат синтеза (диалога) промысла и человеческих усилий». В этих словах, без сомнения, слышна роль религии в развитии сложного человека, «формировании инновационной методологии познания и действия в ситуациях вероятного приближения мира к социальной сингулярности» (А. Неклесса). Вопрос, который ставят в сложившихся обстоятельствах, звучит иногда так: «Что такое экономика?» (Г. Клейнер) [5] или даже: «Как мыслить наиболее эффективным образом?».

Представляет интерес тот факт, что 20 июля 2010 г. на заседании Комитета конгресса США по науке и технологии состоялись слушания, в ходе которых обсуждались состояния экономической науки и надежности ее инструментария. «Приглашенные на слушания Нобелевский лауреат по экономике Р. Солоу и профессор В. Чери признали, что представителям макроэкономического

мейнстрима нечего сказать по существу проблемы кризиса, а состояние макроэкономики внушает беспокойство...» [6]. К этому можно добавить замечание академика В. Маевского (в цитируемой статье): «Отсутствие убедительной, вооруженной формальным инструментарием альтернативы – самый мощный бастион, который надежно защищает господствующую макроэкономическую теорию от критиков».

На этом фоне часто возникают вопросы об источниках успешного развития Китая в последние 30 лет. Некоторые российские авторы утверждают, что в прошлом «китайское общество в большой мере было сконцентрировано на формировании нравственного идеала, превалировавшего над свойственными западной культуре техницизмом и нацеленностью на покорение природы» [7]. Другой российский автор, цитируя видного китайского экономиста, профессора Шанхайского университета, Лина заявляет: «Принципиальное отличие Европы от Китая состоит в том, что уже в XVIII в. на Западе эксперимент стал носить не случайный, а регулярный характер. И причина, не позволившая китайцам сменить метод проб и ошибок на контролируемый эксперимент, связана со слабостью математических знаний» [8]. Заметим, что европейская наука уже с XVI в. сделала упор на необходимость опытной проверки любого умозаключения (после глубоких дискуссий в XIII в. на тему «что есть истина?»). Это позволило сначала физикам и химикам обнаружить, что естественный мир устроен радикально иным образом, чем он представлялся ранее. В понимание мира было быстро внесено много нового, как и в сложную организацию сознания, что было бы недоступно логике классического ученого, утверждавшего – «что логично, то и истинно» (Аристотель).

Надо сказать, что в XIX в. был совершен подобный переворот в социальных науках усилиями, прежде всего, К. Маркса, настаивавшего на экспериментальных проверках справедливости привычных форм присвоения прибыли. И вообще, после многочисленных ошибок, совершенных малоопытными диктаторами-революционерами в XX в. в экономике СССР и других стран, использовавших плановую экономику после Второй мировой войны (Китай, Корея, страны Вос-

точной Европы), стало понятно, что «развивающиеся страны, осуществляя модернизацию «закрыв глаза» на свои сравнительные преимущества, создают значительное количество нежизнеспособных хозяйственных единиц, претендующих на постоянную правительственную помощь» [8]. В той же работе автор замечает, что сами китайские специалисты предпочитают скромнее отзываться о своих достижениях, называя свою модель развития «нестабильной, несбалансированной, нескоординированной и неустойчивой».

С этой точки зрения недооцененными в отечественной науке оказались исследования Мюнхенского университета и фонда Бартельсмана, периодически проводящих оценки результатов «трансформации» развивающихся стран. Публикуя последние результаты работы Фонда Рейтинг-2010, журнал «Свободная мысль» сообщает, что отечественная наука недостаточно знакома с методологией Фонда, и это является упущением. «Цели, задачи и ориентиры внутри- и внешнеполитической стратегии России формулируются на основе закрытой внутриведомственной экспертизы без опоры на данные международных исследований и независимой оценки», – заявляет редакция [9]. Следует отметить, что исследования проводились по

128 странам; 50 стран, в которых, по мысли разработчиков, процессы демократических рыночных преобразований завершены, в Рейтинг не включались. Рейтинг определялся исходя из комбинаций двух показателей – Индекса состояния и Индекса управления. Индекс состояния образуется, исходя из двух критериев: политической трансформации (5 показателей) и экономической трансформации (7 показателей). Индекс управления составлялся исходя из пяти показателей. Ниже приводится содержание этих показателей с указанием результатов, полученных для России (табл. 2).

Результаты итогового Рейтинга-2010 для группы БРИК и ряда близких исторически к России стран приведены в табл. 3.

Для целей данной работы важно подчеркнуть, что Рейтинг-2010 заслужил, по мнению редакции «Свободная мысль», репутацию одного из самых надежных средств оценки уровня социально-экономического развития и осуществляет роль компаса для правительственных организаций. Из приведенной выше сравнительной табл. 3 бросается в глаза и вызывает недоумение, что две великие страны – Россия и Китай – по результатам далеко отстают от европейских стран.

Таблица 2

Критерии Рейтинга-2010

№ п/п	Показатели	Результаты России
Критерий политической трансформации		
1	Государственная состоятельность	8,0
2	Политическое участие	5,3
3	Верховенство законов	4,3
4	Прочность демократических институтов	5,0
5	Политическая и социальная интеграция	3,8
Критерий экономической трансформации		
1	Уровень социально-экономического развития	6,0
2	Создание рынка и обеспечение конкурентоспособности	6,0
3	Валютная и ценовая стабильность	8,5
4	Уважение прав частной собственности	4,0
5	Уровень всеобщего благосостояния	6,0
6	Эффективность экономики	8,0
7	Устойчивость развития	4,5
Критерий эффективности управления		
1	Управленческий потенциал	4,0
2	Эффективность использования ресурсов	4,3
3	Достижение консенсуса	4,4
4	Международное сотрудничество	3,0
5	Уровень сложности	4,0

Думается, однако, что авторы-разработчики действовали здесь без особых пристрастий. Нас, естественно, интересовало, как можно связать полученные в этом исследовании результаты с той моделью устойчивости, которую мы анонсировали: чем сложнее СЭС, тем она устойчивее. Очевидно, что, по мысли разработчиков Рейтинга-2010, место, занимаемое в Рейтинге, должно коррелироваться с устойчивостью СЭС. Опыт Украины-2014 этот тезис не подтверждает.

Интересно также, что разработчики приводят свои выводы и рекомендации по каждой стране. Выводы для России выглядят так: чрезмерная концентрация власти в руках президента; вмешательство в работу средств массовой информации; ограничения гражданских прав и свобод при полном равнодушии общества к политике; российскому обществу не хватает демократических традиций; во главу угла ставится стабильность. Любопытно, что общий вывод по всем странам таков: эпоха демократии в настоящее время закончилась.

Если использовать нашу четырехблочную модель СЭС, формируемую «профессиональными сегментами», то стабильность

будет трудно отличить от стагнации, т. к. признаком развития является пополнение и совершенствование профессионального состава блоков, повышение плотности коммуникационных связей. Все это частично связано с концентрацией власти в руках президента, и ни в одной стране мира это не является удивительным. Появление новых профессиональных групп определяется возможностями получения вместе с образованием высокой компетенции. Вот уже почти 20 лет в России обсуждаются, правда, без особых результатов, проблемы подготовки кадров для новых отраслей промышленности и новых направлений наук. Крупнейший социолог XX в. Т. Парсонс, глубоко вникший в социологию профессиональных групп, признавал, что только «сбалансированность капиталистической экономики и традиционных профессий может гарантировать устойчивый нормативный социальный порядок» [10]. С этой точки зрения, наша когнитивная карта (табл. 1) должна рассматриваться как абстрагированная от конкретной страны карта СЭС, которая отражает и даже указывает на тенденции развития, не конкретизируя путей достижения новых равновесных состояний,

Таблица 3

Результаты итогового Рейтинга-2010

№ п/п	Страна	Место, занимаемое по индексу состояния	Место, занимаемое по индексу управления
1	Азербайджан	86	95
2	Армения	62	85
3	Белоруссия	96	110
4	Болгария	14	14
5	Бразилия	17	5
6	Венгрия	8	20
7	Грузия	52	42
8	Индия	26	17
9	Казахстан	76	72
10	Китай	88	64
11	Латвия	13	13
12	Литва	7	10
13	Молдавия	61	79
14	Монголия	46	26
15	Польша	10	19
16	Россия	65	107
17	Румыния	16	25
18	Словакия	6	8
19	Таджикистан	118	115
20	Туркмения	115	119
21	Узбекистан	120	124
22	Украина	37	66
23	Эстония	4	3

ни долей акторов, необходимых в конкретном сегменте [11]. Распределения такого рода пока не известны. Зато известно, что после всяких катаклизмов в СЭС возникают проблемы нехватки или избытка тех или иных профессионалов. Всякий человек, начиная со средней школы, так или иначе решает вопросы своего профессионального будущего. Так как положение РФ в данном историческом отрезке все-таки нельзя признать равновесным по разным обстоятельствам, в т. ч. по технологическим соображениям, существует тенденция к формированию новых профессиональных групп, также как и интерес государства в их поддержке.

Отметим, что использование индексов состояния и управления Бартельсмана (см. выше) не позволяет ответить на вопросы полноценности профессионального оформления исследуемой СЭС. Наша модель и когнитивная карта легко воспринимается при опросах уже на уровне студентов 2-х курсов. Например, на вопросы о необходимости дополнительных инвестиций в те или иные сегменты, в 2009 г. отметили сельское хозяйство, образование, медицину, науку, а в 2012 г. повторный опрос с более жесткими ограничениями указал вновь на сельское хозяйство и образование в блоке «рынок». Важно не сбрасывать со счетов такую важную вещь, как присущую всем СЭС склонность многих акторов к нелегитимной деятельности. Многие исследователи связывают российские бытовые трудности с избыточно бюрократизированной системой управления, которая уже захлестнула систему образования и здравоохранения. Известно, что большинство крупных российских экономистов (Р. Гринберг, В. Мау, А. Аузан) основной упор при анализе перспектив развития страны делают на недостатках предпринимательского духа, низком уровне человеческого капитала. Поэтому при обсуждении темы связи структуры СЭС с ее устойчивостью нельзя отойти от темы коррупции, причем не в узком ракурсе взяточничества, злоупотребления служебным положением, а более глубоком, проанализированном в статье «Коррупция в России: классификация и динамика» [12]. «Коррупция становится источником коррупции; коррупция – гигантская институциональная ловушка; коррупция как наркотик вызывает привыкание; коррупция – угроза националь-

ной безопасности; коррупция обуславливает деградацию человеческого капитала; коррупция разрушает сферу права; коррупция формирует аномальную экономику», – все это выводы цитируемой статьи. Удивительно, но в критериях Фонда Бартельсмана обнаружено только косвенное указание на существующую в СЭС нелегитимную деятельность. В российской печати этот вопрос является уже предметом исследования филологов РАН, которые предложили называть нелегальные организации, образующие достаточно «сложную структурированную систему связей», «липовых» с точки зрения закона», антигражданским обществом [13]. Любопытно, что великий Гегель гражданское общество называл «царством нужды и рассудка». Но вряд ли современники полностью согласятся с таким определением. Что касается ожиданий профессионального усложнения и совершенствования российской СЭС, то наши опросы указывают на необходимость развития блока «рынок», а также блока «массовое сознание» (в сегментах отдых, спорт, семья и воспитание детей), в блоке «государство» ожидаемо предполагалось развитие сегмента «армия» и подавление нелегальной деятельности.

Финансирование блока «массовое сознание» пока не имеет ясных решений. Речь идет о том, что в сложноорганизованных системах ждать по-старинке помощи от государства, – значит не понимать роли государства. Оно может координировать, согласовывать интересы различных сегментов, но в основе модернизации лежит принцип самоорганизации, самоподдержки, использования собственного человеческого капитала. Многие исследователи считают, что в России крайне мала роль профессиональных союзов, НКО, местных органов самоуправления, всяких домовых комитетов. Модернизация СЭС предполагает появление новых факторов роста, новых профессионалов, – инноваторов, создающих завтрашний день. Требуется придать второе дыхание прежнему полубытовому смыслу слова «профсоюз». Опыт СССР и КНР до Дэн Сяопина показал, что линейное упрощение СЭС делает их уязвимыми. «Если все время идти прямо, далеко не уйдешь» (С. Экзепюри, «Маленький принц»). Надо согласиться с Г. Клейнером, что «именно сейчас целесообразно поставить

задачу создания своеобразной натурэкономки – новой базовой общеэкономической теории, основанной на целостном видении экономического пространства-времени как вмещалища экономических систем» [14]. Уместны в данной ситуации слова нобелевского лауреата по физике 2004 г. Ф. Вильчека, связанные с обсуждением скрытых механизмов работы нейронных сетей: «Если вы не делаете ошибок, вы решаете слишком простые задачи, а это большая ошибка» (журнал «Esquare»). Такие скрытые механизмы могут существовать в разных сложноорганизованных системах. В СЭС в таком качестве могут служить, по-видимому, сегменты блоков «массовое сознание» и «религия», редко фигурирующие в официальных отчетах разных рейтинговых агентств и не замеченные в Рейтинге-2010 фонда Бартельсмана.

Между тем, в Великобритании почти все сегменты блока «массовое сознание» – мода, праздники, развлечения, музыка, отдых, кино, телевидение, театр, физическая культура и спорт – относят к деятельности, называемой креативной экономикой. В США, правда, к этой деятельности относят также всю науку, дизайн, программирование, индустрию развлечений и даже техники, которые имеют оборот около 200 млрд долл. США с большой перспективой и высокой занятостью (около 13 млн). Эта тема крайне слабо изучена в отечественной науке.

Продолжая тему сложности СЭС, заметим, что в политологии понятия «однополярности», «двуполярности» или «многополярности» в мировом масштабе обычно связывают или с гегемонией США, или с сожалениями об утрате противовеса США в виде СССР, иногда представляя нынешний мир все-таки многополярным. Причем об этой многополярности стали говорить, даже обсуждая тему ЕС. Представляется, что такой подход не лишен перспектив, а такие страны-системы, как ЕС, Китай, Индия, Бразилия, США и Россия могут рассматриваться как многомерные образования с ядрами-мегаполисами, вокруг которых существуют более простые образования с менее сложной структурой. Применительно к России эти мегаполисы более или менее четко определяются, если ориентироваться на систему Федеральных округов. Учитывая российские инфраструктурные проблемы, взаимодействие ме-

жду ядрами ограничено. Так как во всех округах постоянно меняется ситуация, меняются инструментари, правила игры, сама среда, иерархия ресурсов, их должны связывать «нестандартные операторы» (А. Неклесса).

В связи с такими представлениями о мировой многополярности есть смысл обратиться к принципу Парето [4]. Примеры распределения Парето многими представляются как аномалии, мешающие ясному видению мира. Общество пока не признало, что в нем действуют распределения Парето и что оно останется таковым. «Вероятно, мы просто пытаемся надеть на «корову» Парето «седло» Гаусса. Спустя сто лет после открытия «предсказуемого несоответствия» мы должны начать все-таки его предвидеть» (К. Ширки, журнал «Esquare»). Наша тема связана с принципом Парето, т. к. мегаполисы-ядра составляют ту самую 20 %-ую часть символической СЭС, в которой находится 80 % всех богатств. Нередко представители периферии выражают свое недовольство большой разницей в материальном положении в центре и провинции. Но чаще всего тот же провинциал и трех дней не пожелает прожить, например, в московской суеде. Да и получить достойную работу многие коренные москвичи не могут. Эти места уже заняты агрессивными и компетентными представителями провинции.

Учитывая, что СЭС для крупных стран-цивилизаций – это агломерация из многих центров-ядер, проводить сравнения таких стран с «одноядерными», как это делается Фондом Бартельсмана, едва ли можно считать корректными. Но и расчеты тенденций развития российских СЭС также приобретают новые интересные стратегические взгляды.

1. Манн С. Реакция на хаос / Вашингтонский институт обороны. Вашингтон, 1998. URL: <http://www.intelros.ru/?newsid=175> (дата обращения: 15.11.2014).
2. Манн С. Теория хаоса и стратегическая мысль (“Chaos theory and strategic though”) // Параметры. 1992. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA528321> (дата обращения: 15.11.2014).
3. Неклесса А.И. Сложный человек в сложном мире // Сайт С.П. Курдюмова. 2009. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/slozhnyj-chelovek-v-slozhnom-mire/> (дата обращения: 15.11.2014).

4. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Принцип Парето: «порядок» и «хаос» в социально-экономической системе // *Философия хозяйства*. 2014. № 2.
5. *Клейнер Г.* Ритмы эволюционной экономики // *Вопросы экономики*. 2014. № 4.
6. *Маевский В., Малков С.* Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // *Вопросы экономики*. 2014. № 4.
7. *Лопаткин Г.* Экономическая культура Востока: Китай // *Вопросы экономики*. 2014. № 3.
8. *Мальцев А.* Прошлое и будущее китайской экономики // *Вопросы экономики*. 2014. № 5.
9. *Индексы трансформации Фонда Бартельсмана-2010* // *Свободная мысль*. 2010. № 7.
10. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследования // *Социс*. 2009. № 8.
11. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г., Гладышева А.В.* Стационарные состояния как временные рамки устойчивости социально-экономических систем // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*. Тамбов, 2013. Вып. 1 (117). С. 20-26.
12. *Левин М., Сатаров Г.* Коррупция в России: классификация и динамика // *Вопросы экономики*. 2012. № 10.
13. *Мотрошилова Н.* О современном понятии гражданского общества // *Вопросы философии*. 2009. № 6.
14. *Клейнер Г.* От рассвета к расцвету // *Вопросы экономики*. 2009. № 8.
3. *Neklessa A.I.* Slozhnyy chelovek v slozhnom mire // *Sayt S.P. Kurdyumova*. 2009. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/slozhnyj-chelovek-v-slozhnom-mire/> (data obrashcheniya: 15.11.2014).
4. *Yur'ev V.M., Babayan V.G.* Printsip Pareto: "poryadok" i "khaos" v sotsial'no-ekonomicheskoy sisteme // *Filosofiya khozyaystva*. 2014. № 2.
5. *Kleyner G.* Ritmy evolyutsionnoy ekonomiki // *Voprosy ekonomiki*. 2014. № 4.
6. *Maevskiy V., Malkov S.* Perspektivy makroekonomicheskoy teorii vosproizvodstva // *Voprosy ekonomiki*. 2014. № 4.
7. *Lopatkin G.* Ekonomicheskaya kul'tura Vostoka: Kitay // *Voprosy ekonomiki*. 2014. № 3.
8. *Mal'tsev A.* Proshloe i budushchee kitayskoy ekonomiki // *Voprosy ekonomiki*. 2014. № 5.
9. *Indeksy transformatsii Fonda Bartel'smana-2010* // *Svobodnaya mysl'*. 2010. № 7.
10. *Mansurov V.A., Yurchenko O.V.* Sotsiologiya professiy. Istoriya, metodologiya i praktika issledovaniya // *Sotsis*. 2009. № 8.
11. *Yur'ev V.M., Babayan V.G., Gladysheva A.V.* Statsionarnye sostoyaniya kak vremennye ramki ustoychivosti sotsial'no-ekonomicheskikh sistem // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Tambov, 2013. Vyp. 1 (117). S. 20-26.
12. *Levin M., Satarov G.* Korruptsiya v Rossii: klassifikatsiya i dinamika // *Voprosy ekonomiki*. 2012. № 10.
13. *Motroshilova N.* O sovremenном ponyatii grazhdanskogo obshchestva // *Voprosy filosofii*. 2009. № 6.
14. *Kleyner G.* Ot rassveta k rastsvetu // *Voprosy ekonomiki*. 2009. № 8.

Поступила в редакцию 1.12.2014 г.

UDC 330.101.22+332.012.23

STABILITY AS DERIVATIVE OF COMPLEXITY OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

Vladislav Mikhailovich YURYEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Rector, Honored Worker of Science of Russian Federation, e-mail: rector@tsu.tmb.ru

Vilen Gurgenevich BABAYAN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Chemistry, Senior Research Worker of Fundamental Researches Institute, e-mail: kaf-mei@yandex.ru

In theories of complexly organized systems always goes the review of concepts development and stability. Multidimensional materials called composite differ in great stability than congeneric. In socio-economic systems this multidimensionality is provided by the professional composition, competence and blocks' balance – market, state, religion and mass mind. Complication of these blocks commonly occurs with the growth of the cities – megalopolises. The world enters to the new state where the definition of reality is read differently and the country is not the territory but people. Mutation of interstate relations is going Synergetic methodology becomes common, free, lively, full, rich and having high social recognition scientific, intellectual, analytic, environment with the elements of Gnosticism. Nowadays, against the background of growing aggression there is need in mobilization of society there is need in deciding problems of global security and creation of multipolar world and it is unable to create it without idea. The ideas of development of the state and ideology without which the state loses any importance and the very validity of the preservation of its sovereignty becomes less clear, since demoralizes people. What will happen tomorrow depends on how right the elite can access the ongoing moment.

Key words: megalopolis; complex systems; flexibility and stability; competences.

УДК 33(094)

СОВМЕСТИМОСТЬ МОДЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ

© Олег Викторович ГОЛОСОВ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор,
главный ученый секретарь, e-mail: troveo@mail.ru

© Иван Николаевич ДРОГОБЫЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор,
заместитель главного ученого секретаря, e-mail: dinind@mail.ru

Несмотря на то, что организационное управление как наука существует уже целый век, ученые до сих пор не выработали единой содержательной модели его предмета. Обычно предлагается некий перечень функций, ролей, факторов или позиций, который с той или иной степенью детализации описывает то, что делают менеджеры, или то, что влияет на их работу. Таких перечней существует много, но редко какой из них сопровождается моделью или теорией, которая бы увязывала эти перечни в единое целое и помогала менеджерам лучше выполнять свою работу. Таким образом, задача синтеза адекватной модели организационного управления и интерпретирующей ее теории остается открытой. Не претендуя на истину в последней инстанции, предпринята попытка собрать воедино наиболее популярные взгляды на природу организационного управления и на этой основе попытаться найти странственные координаты, в пределах которых надо совершенствовать искусство и науку выработки, принятия и реализации управленческих решений. Общая неудовлетворенность текущим состоянием дел в организационном управлении является красноречивым свидетельством того, что у него отсутствует надежная теоретическая база и периодические нападки менеджеров на ИТ-специалистов с обвинениями в несостоятельности современных информационных технологий, поддерживающих процессы выработки и реализации управленческих решений, не имеют под собой никаких оснований. «Корень зла» следует искать в методологии, инструментарии и технологии организационного управления.

Ключевые слова: моделирование; функции управления; роли менеджера; позиции менеджера; факторы управления; парадигма управления.

Существующие и ранее описанные модели – функциональная, ролевая, факторная, позиционная – имеют единую основу [1; 2]. Рассмотренные здесь четыре локальные модели организационного управления имеют единую основу – собственно самоуправление [3; 4]. Разумно предположить, что на этой основе они могут быть интегрированы в единую системную модель (рис. 1), которая в концентрированном виде содержала бы всю теоретико-методологическую базу современного организационного управления. Однако попытки такой интеграции успеха не имели. Стремление найти взаимно однозначное соответствие между элементарными составами различных локальных моделей также не увенчалось успехом. Такое состояние дел позволяет усомниться в целостности доминирующей ныне парадигмы организационного управления.

Как известно, парадигму организационного управления составляют его информационная природа, идеология менеджера-оди-

ночки и повелительный характер деятельности [1; 2]. На этой парадигме сформировалась и совершенствуется современная теория управления. По существу она представляет собой свод предписаний (*что надо делать*) гипотетическому менеджеру, полагая, что тот наделен неограниченными возможностями. Другими словами, теория современного управления декларирует, что надо делать, не утруждая себя обоснованием того, *почему* это следует делать, и описанием технологии реализации предписанного решения.

Вообще говоря, проекция теории в практику – самое слабое место организационного управления. Если информационную природу управления никто отрицать не собирается, то идеология менеджера-одионочки и повелительный (приказной) характер управления слабо согласуются с нынешними реалиями. Даже беглое знакомство с содержимым табл. 1, в которую сведены основные требования к современному менеджеру, позволяет

усомниться, что подготовка такого специалиста вообще возможна.

Повелительный и однонаправленный характер управления, когда менеджер безапелляционно указывает сотруднику / подразделению / организации, что делать, также рудимент современной теории управления. Тем не менее востребованность общества в квалифицированных менеджерах высока и «свято место пусто не бывает». Ввиду отсутствия (или игнорирования) квалифицированных менеджеров многие руководящие посты в хозяйствующих субъектах и органах власти замещают случайные люди.

Организационное управление постоянно сталкивается с дилеммами, не поддающимися какому-либо более-менее убедительному разъяснению в рамках нынешней теории [5]. Например, теория управления не в состоянии объяснить, каким образом воссоздается порядок из хаоса в мультиразумных организациях, члены которой обладают реальной возможностью выбора (наряду с выбором самой организации); как сбалансировать интересы целеустремленных систем в иерархии «общество – хозяйствующий субъект – человек»; как применительно к любому хозяйствующему субъекту найти «золотую середину»

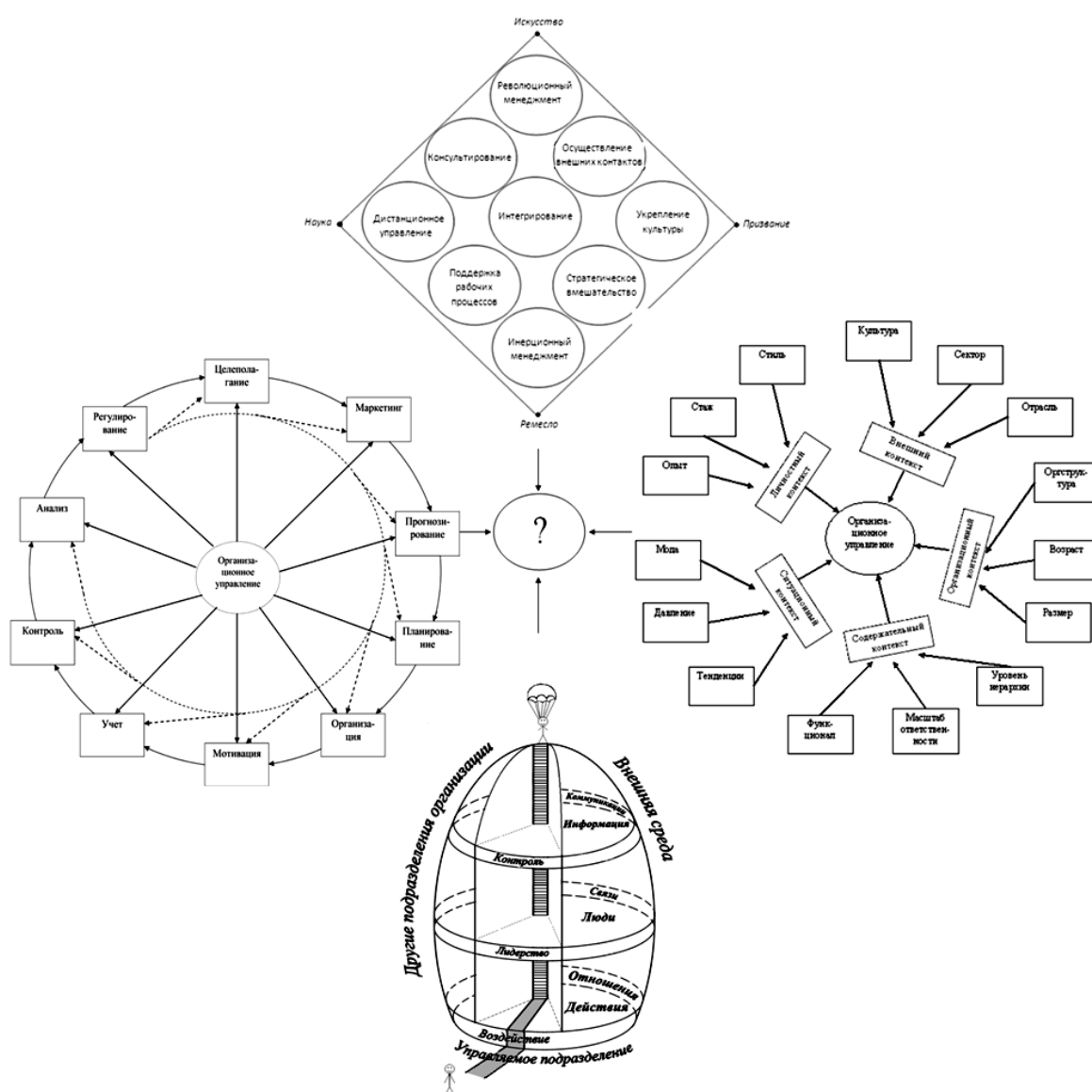

Рис. 1. Интеграция локальных моделей организационного управления

между централизацией и децентрализацией, коллективизмом и индивидуализмом, интеграцией и дифференциацией и т. п. Есть подозрение, что существующая система понятий, ценностей, концепций и традиций организационного управления утратила состоятельность и исчерпала свой потенциал.

Необходимо переосмысление текущего состояния управленческой науки, формирование ее новой парадигмы, способной обеспечить свежий взгляд на предмет организационного управления и конструирование обоснованных управленческих решений.

Новой парадигме организационного управления потребуется и его новое определение. Не секрет, что в настоящее время организационное управление простирается далеко за границы объекта управления [6; 7]. Современные корпорации активно влияют не только на свое непосредственное окружение

(транзакционную среду), но и предпринимают значительные усилия, чтобы обеспечить желательную трансформацию контекстуальной среды (законодательной и исполнительной власти). В этой связи новое определение должно быть универсальным, конструктивным и свободным от оценочных суждений.

Новая парадигма должна узаконить командный (коллективный) характер современного управления. Давно известно, что успешное функционирование и развитие подразделения / организации обеспечивают не отдельные личности, а комплементарные команды разностилевых и взаимодополняющих друг друга менеджеров. Следовательно, выстроенная на новой парадигме теория должна содержать методологию формирования таких команд, диагностики их состояния и реформирования на всем жизненном цикле подразделения / организации.

Таблица 1

Книжные требования к менеджеру

№ п/п	Требования к менеджеру	Насколько этому можно научить в вузе		
		нельзя	отчасти	абсолютно
1	Объединять всех сослуживцев на достижение целей		+	
2	Формировать сбалансированную комплементарную управленческую команду		+	
3	Оценивать эффективность собственной деятельности и деятельности подчиненных			+
4	Слушать и слышать не только о чем говорят сотрудники, но и о чем умалчивают	+		
5	Осознавать необходимость изменений и осуществлять их осмысленно и избирательно		+	
6	Не бояться брать на работу и двигать по карьерной лестнице одаренных и амбициозных людей	+		
7	Уважать стиль управления не похожих на себя людей	+		
8	Поощрять творческий подход к делу		+	
9	Достигать консенсуса при принятии решений		+	
10	Конструктивно критиковать		+	
11	Быть яркой неординарной личностью, способной воодушевлять людей на трудовые свершения	+		
12	Делегировать полномочия		+	
13	Заниматься повышением квалификации своих подчиненных		+	
14	Дипломатично разрешать конфликты (уважать интересы людей и щадит их самолюбие)		+	
15	Щедро делиться информацией (не утаивать ее с целью укрепления личной власти)	+		
16	Соблюдать этические правила		+	
17	Обладать аналитическим складом ума	+		
18	Синтезировать обоснованные управленческие решения		+	
19	Быть нацеленным на результат			+
20	Поддерживать и развивать хорошую корпоративную культуру		+	
21	Развивать кадровый потенциал компании			+

Как только на экономической арене появились мультиразумные социокультурные организации, очень остро встала проблема разрешения конфликтов. Это является логическим следствием того, что части целого (активные элементы организации) получили возможность выбора [8]. Следовательно, еще одним постулатом новой парадигмы организационного управления должно стать признание конфликта неотъемлемой частью управленческой деятельности. Такое признание поставит на повестку дня разработку методов и средств разрешения и трансформации конфликтов.

По нашему мнению, новая парадигма организационного управления помимо информационной природы управления должна учитывать его энергетическое начало. Исходя из того, что в общем случае энергия определяется как способность влиять на что-то, естественно предположить, что управление также имеет энергетическую природу. На интуитивном уровне все понимают, что управление требует больших затрат энергии. Какая это энергия, как ее измерить, в каких соотношениях она находится с информацией, знаниями и пониманием – на эти и другие сопутствующие им вопросы должна ответить теория, выстроенная на новой парадигме организационного управления.

Как только энергия станет полноправным участником управленческого процесса, это сделает возможным применение к его исследованию всего энергетического арсенала современной физики, в т. ч. закона сохранения и превращения энергии [9]. В первую очередь он понадобится для количественного измерения управленческой энергии на главных направлениях ее расходования: в созидательной деятельности и в улаживании конфликтов.

Не исключено, что приведенный здесь перечень основных постулатов новой парадигмы организационного управления далеко не полный [10]. Тем не менее, он позволяет представить себе ее контуры, в общих чертах прикинуть содержание новой теории организационного управления, которую еще предстоит синтезировать. Процессы отказа от устаревших и вводящих в заблуждение концепций организационного управления, с одной стороны, и активного приобретения но-

вых знаний – с другой, уже запущены. Есть основания предполагать, что в обозримой перспективе они увенчаются успехом.

1. *Дрогобыцкий И.Н.* Организационное управление: системный подход к синтезу новой парадигмы. Saarbrücken, 2012.
2. *Hales C.* Does it matter what managers do // Business strategy review. 2001. № 12 (2). P. 50-58.
3. *Голосов О.В., Дрогобыцкий И.Н.* Модели организационного управления // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 187.
4. *Герчикова И.Н.* Менеджмент. М., 1995.
5. *Глухов В.В.* Менеджмент. СПб., 2006.
6. *Минцберг Г.* Действуй эффективно: лучшая практика менеджмента. СПб., 2001.
7. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб., 2005.
8. *Hill L.A.* Becoming the boss // Harvard business review. 2007. Vol. 85 (January). P. 49-56.
9. *Дрогобыцкий И.Н.* Ролевая модель менеджмента // Управленческие науки. 2013. № 3 (8). С. 60-67.
10. *Минцберг Г.* Действуй эффективно: лучшая практика менеджмента. СПб., 2001.

1. *Drogobyskiy I.N.* Organizatsionnoe upravlenie: sistemnyy podkhod k sintezu novoy paradigmy. Saarbrücken, 2012.
2. *Hales C.* Does it matter what managers do // Business strategy review. 2001. № 12 (2). P. 50-58.
3. *Golosov O.V., Drogobyskiy I.N.* Modeli organizatsionnogo upravleniya // Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2014. T. 187.
4. *Gerchikova I.N.* Menedzhment. M., 1995.
5. *Glukhov V.V.* Menedzhment. SPb., 2006.
6. *Mintsberg G.* Deystvuy effektivno: luchshaya praktika menedzhmenta. SPb., 2001.
7. Strategicheskiy menedzhment / pod red. A.N. Petrova. SPb., 2005.
8. *Hill L.A.* Becoming the boss // Harvard business review. 2007. Vol. 85 (January). P. 49-56.
9. *Drogobyskiy I.N.* Rolevaya model' menedzhmenta // Upravlencheskie nauki. 2013. № 3 (8). S. 60-67.
10. *Mintsberg G.* Deystvuy effektivno: luchshaya praktika menedzhmenta. SPb., 2001.

Поступила в редакцию 27.10.2014 г.

UDC 33(094)

COMPATIBLE MODELS OF ORGANIZATIONAL MANAGEMENT

Oleg Viktorovich GOLOSOV, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Chief Scientific Secretary, e-mail: troveo@mail.ru

Ivan Nikolaevich DROGOBYTSKY, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Deputy Chief Scientific Secretary, e-mail: dinind@mail.ru

Despite the fact that the organizational management as a science has been around for a century, scientists still have not developed a single conceptual model to its subject matter. Usually offered a list of functions, roles or positions factors that with varying degrees of detail describe what managers do, or what influences their work. There are many such lists, but rarely any of them accompanied by a model or theory that would link these lists together and help managers do their jobs better. Thus, the problem of synthesis of an adequate model of organizational management and its interpretive theory remains an open one. Without claiming to be the ultimate truth, in this article an attempt to bring together the most popular views on the nature of organizational management, and on this basis, try to find the spatial coordinates within which it is necessary to perfect the art and science of developing, adopting and implementing management decisions. General dissatisfaction with the current state of affairs in the organizational management is eloquent testimony to the fact that it does not have a reliable theoretical basis and periodic attacks managers at IT professionals with accusations of inconsistency of modern information technologies to support the process of development and implementation of management decisions, have no basis. "The root of evil" should be found in the methodology, tools and techniques of organizational management.

Key words: modeling; control functions; the role of manager; manager positions; management factors; management paradigm.

УДК 330.341

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

© Екатерина Александровна ВЕТРОВА

Российский государственный университет туризма и сервиса,
п. Черкизово, Пушкинский район, Московская область,
Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления, e-mail: EAVetrova@yandex.ru

В настоящее время в России бурно развивается такое явление, как социальное предпринимательство. Определяющее значение приобретают устойчивость и измеримость достигнутых социальных результатов. Социальный предприниматель меняет инфраструктуру общественной системы. Социальное предпринимательство рассматривается как фактор создания новой экономической инфраструктуры. Обоснована необходимость формирования законодательского механизма регулирования социального предпринимательства. Сформированы признаки и особенности современного социального предпринимательства в России. В настоящее время социальное предпринимательство призвано для решения социальных проблем на базе бизнеса, которые зачастую невозможно решить стандартными механизмами вмешательства государства или же через некоммерческие организации. Приводятся формы поддержки со стороны государства социальных предпринимателей. Изучается опыт функционирования социального предпринимательства в России. Для развития социального предпринимательства в России необходимо создание обширной законодательной базы, регулирующей социальное предпринимательство; увеличение роли государства в финансировании социальных проектов на начальных этапах; информирование общественности и органов власти о роли и деятельности социальных предпринимателей.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; социально ориентированные некоммерческие организации; социальный эффект; инфраструктура; микрофинансирование; государство.

В настоящее время в России активно развивается социальное предпринимательство, которое расширяет границы бизнес-структур за счет внедрения социально-незащищенных слоев населения с целью решения социальных задач. Российское социальное предпринимательство возникло в конце XIX в. Прообразом можно считать Дом трудолюбия, основанный отцом Иоанном Кронштадтским. Это был центр трудоустройства, учебно-воспитательной работы и благотворительности. Впоследствии такие дома – биржи труда стали особенно популярны, но после революции 1917 г. были закрыты.

Социальное предпринимательство – это деятельность, направленная на обеспечение занятости инвалидов, матерей, имеющих детей в возрасте до трех лет, выпускников детских домов, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы, при условии, что среднесписочная численность указанных категорий граждан среди работников компаний социального бизнеса составляет не менее 50 %, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25 %.

Социальным предпринимательством в России занимается только около 1 % компа-

ний. Для увеличения доли социального предпринимательства необходимо создать условия для развития предпринимательства в социальной сфере, это позволит создать новые технологии производства, новые рабочие места. Такими условиями могут стать поддержка социальных предпринимателей, упрощение процедур регистрации и ведения деятельности, внедрение современных механизмов финансирования, развитие институтов государственно-частного партнерства в социальной сфере.

Особую актуальность вопросы социального предпринимательства приобрели в результате реализации программ диверсификации экономик моногородов России. Социальное предпринимательство в данных территориальных образованиях обладает рядом специфических особенностей, ключевым образом обусловленных сутью монотерриторий [1; 2].

Выделяют следующие признаки социального предпринимательства:

1) социальный характер, т. е. решение социальных проблем;

2) инновационный подход, т. е. применение инновационных подходов в создании продукта;

3) масштаб деятельности, т. е. возможность расширения границ и создание подобных институтов;

4) финансовая устойчивость, т. е. решать социальные проблемы за счет доходов, получаемых от собственной деятельности.

Социальное предпринимательство повышает экономическую эффективность, вводит в оборот ресурсы, которые ранее в таком качестве не использовались. Причем это касается неиспользуемых не только материальных, но и человеческих ресурсов, например, социально исключенных групп. Работая с бедными или обделенными слоями населения, бизнес может не только получать прибыль, но и расширять рынок и создавать огромное число новых потребителей. Для этого необходимо наладить сотрудничество бизнеса и местной власти.

Социальное предпринимательство имеет следующие особенности:

- социальное назначение организации, т. е. социальный эффект является заранее запланированным и ожидаемым результатом. Такие предприятия изначально создаются для достижения социально значимых целей, проявляющихся в создании рабочих мест, обучении и т. д.;

- предпринимательское новаторство, которое может быть реализовано путем использования новой идеи или новой комбинации ресурсов для решения социальной проблемы;

- достижение устойчивой самоокупаемости за счет получения дохода от продажи результатов деятельности, а также за счет грантов и благотворительных пожертвований [3, с. 34-36].

В настоящее время социальное предпринимательство призвано для решения социальных проблем на базе бизнеса, которые зачастую невозможно решить стандартными механизмами вмешательства государства или же через некоммерческие организации. Так, основными направлениями деятельности социального предпринимательства в мире являются:

1) создание новой продукции на основе переработки отходов производства;

2) создание молодежных организаций, ориентированных на активный образ жизни;

3) создание организаций по микрокредитованию малого бизнеса;

4) предоставление услуг малоимущим семьям;

5) создание предприятий для предоставления мест длительно безработным.

В России особую роль при создании социально ориентированных предприятий играет роль получения дохода от продажи товаров и услуг, т. к. гранты не могут обеспечить стабильное существование предприятия. Кроме того, практически отсутствует инфраструктура поддержки социальных предприятий.

В настоящее время социальные инициативы бизнеса рассчитаны на реализацию в основном за счет государственных ресурсов. Хотя существует и корпоративная социальная ответственность. Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» под «социальным предпринимательством» понимает исключительно некоммерческие организации, и государственная поддержка направлена только на такие организации.

Органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими следующих видов деятельности [4]:

- социальная поддержка и защита граждан;

- подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

- оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам;

- охрана окружающей среды и защита животных;

- охрана и, в соответствии с установленными требованиями, содержание объектов (в т. ч. зданий, сооружений) и террито-

рий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;

- оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;

- профилактика социально опасных форм поведения граждан;

- благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества;

- деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности [5; 6].

Приоритетными направлениями для социального предпринимательства в России принято считать следующие:

- профилактика социального сиротства;
- поддержка материнства и детства;
- социальная адаптация инвалидов и их семей;

- повышение качества жизни людей пожилого возраста;

- развитие дополнительного образования, научно-технического и художественного творчества, массового спорта, деятельности детей и молодежи в сфере краеведения и экологии;

- развитие межнационального сотрудничества.

Социальное предприятие предполагает экономическую эффективность частного бизнеса с ориентацией на удовлетворение наиболее острых общественных нужд с высоким уровнем культуры обслуживания клиентов.

Формами поддержки социальных предпринимателей со стороны государства являются:

- 1) субсидии (в размере 600 тыс. руб. – это максимальный размер субсидии федерального бюджета на одного субъекта социального предпринимательства, обеспечившего софинансирование расходов в размере не

менее 15 % от суммы получаемой субсидии; в размере 300 тыс. руб. – это максимальный размер гранта начинающим субъектам малого предпринимательства, относящимся к социальному предпринимательству, на одного получателя поддержки, обеспечивающего софинансирование расходов в размере не менее 15 % от размера получаемого гранта;

- 2) образовательные услуги субъектам социального предпринимательства;

- 3) предоставление инфраструктуры [7];

- 4) центры инноваций социальной сферы, т. е. самостоятельное юридическое лицо, которые относятся к инфраструктуре поддержки субъектов социального предпринимательства, одним из учредителей которых является субъект РФ или муниципальное образование [8].

В России выделяют несколько видов моделей социального предпринимательства:

- 1) производство товаров;

- 2) предоставление социально значимых услуг и работ, в т. ч. для отдельных категорий граждан.

В настоящее время в России действует несколько организаций, целью которых является поддержка социального предпринимательства. Так, в 2007 г. был создан фонд региональных социальных программ «Наше будущее», поддерживающий отечественных социальных предпринимателей. Основными направлениями деятельности фонда являются: развитие и продвижение социального предпринимательства в России, прямые инвестиции в социальное предпринимательство, а также благотворительность. Эта организация ежегодно проводит Всероссийский конкурс социальных проектов, по результатам которого выдает долгосрочные беспроцентные займы. Еще одной организацией является межрегиональная общественная организация «Достижения молодых» – Junior Achievement Russia, основной целью которой является развитие и распространение программ обучения школьников и учащейся молодежи основам экономики и предпринимательства через партнерство между бизнесом и образованием.

Примерами социального предпринимательства в России могут быть такие проекты, как проект «Другая жизнь» в г. Нижний Новгород, который направлен на решение задач социализации и психологической реабилита-

ции детей-сирот. «Другая жизнь» предполагает включение детей-сирот в городские программы творческого развития. Или же АНО «Катаржина», созданное социальным предпринимателем, занимается разработкой и производством инвалидных колясок активного типа, а также спортивных инвалидных колясок. При этом 50 % сотрудников предприятия сами являются инвалидами.

Для развития социального предпринимательства в России необходимо создание обширной законодательной базы, регулирующей социальное предпринимательство; увеличение роли государства в финансировании социальных проектов на начальных этапах; информирование общественности и органов власти о роли и деятельности социальных предпринимателей; увеличение количества инновационных социальных проектов за счет поддержки социальных центров инноваций. Все эти мероприятия будут способствовать развитию социального предпринимательства и наращиванию поддержки крупного бизнеса и органов государственной власти социально-ориентированных проектов.

1. Kryukova E.M., Razumovskiy S.L., Vetrova E.A. Mono-Town in the System of Economic Notions of the Russian Federation // World Applied Sciences Journal (Education, Law, Economics, Language and Communication). 2013. № 27. P. 162-166.
2. Ветрова Е.А., Крюкова Е.М. Проблемы квалификации мер принуждения в регулировании межбюджетных отношений в области приостановления (сокращения) финансовыми органами предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 11 (127). С. 63-67.
3. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Москвитская. М., 2011.
4. Ветрова Е.А. Основные особенности поддержки малого предпринимательства на муниципальном уровне в России // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 12 (128). С. 49-52.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: федеральный закон от 5.04.2010 г. № 40-ФЗ. Доступ из

справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

6. Kryukova E.M., Makeeva D.R. Analysis of World and Russian Best Practices of Strategic Development of Mono-Towns // World Applied Sciences Journal (Education, Law, Economics, Language and Communication). 2013. № 27. P. 167-171. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.35
7. Vetrova E.A., Atamanova M.A., Kulakova T.V. The replacement strategy for monotowns in Russia: From industry branches towards tourism on the example of Baikal // Life Science Journal. 2014. № 11 (12s). P. 929-933.
8. Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 г. предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: приказ Министерства экономического развития РФ от 24.04.2013 г. № 220. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Kryukova E.M., Razumovskiy S.L., Vetrova E.A. Mono-Town in the System of Economic Notions of the Russian Federation // World Applied Sciences Journal (Education, Law, Economics, Language and Communication). 2013. № 27. P. 162-166.
2. Vetrova E.A., Kryukova E.M. Problemy kvalifikatsii mer prinuzhdeniya v regulirovanii mezhibyudzhethnykh otnosheniy v oblasti priostanovleniya (sokrashcheniya) finansovymi organami predostavleniya mezhibyudzhethnykh transfertov (za iskl'yucheniem subventsiy) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 11 (127). S. 63-67.
3. Sotsial'noe predprinimatel'stvo v Rossii i v mire: praktika i issledovaniya / отв. ред. А.А. Москвитская. М., 2011.
4. Vetrova E.A. Osnovnye osobennosti podderzhki malogo predprinimatel'stva na munitsipal'nom urovne v Rossii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 12 (128). S. 49-52.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: федеральный закон от 5.04.2010 г. № 40-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Kryukova E.M., Makeeva D.R. Analysis of World and Russian Best Practices of Strategic

- Development of Mono-Towns // World Applied Sciences Journal (Education, Law, Economics, Language and Communication). 2013. № 27. P. 167-171. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.35
7. Vetrova E.A., Atamanova M.A., Kulakova T.V. The replacement strategy for monotowns in Russia: From industry branches towards tourism on the example of Baikalsk // Life Science Journal. 2014. № 11 (12s). P. 929-933.
8. Ob organizatsii provedeniya konkursnogo otbora sub"ektov Rossiyskoy Federatsii, byudzhetai kotorykh v 2013 g. predostavlyayutsya subsidii iz federal'nogo byudzheta na gosudarstvennuyu podderzhku malogo i srednego predprinimatel'stva sub"ektami Rossiyskoy Federatsii: prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 24.04.2013 g. № 220. Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy "Konsul'tantPlyus".
- Поступила в редакцию 17.11.2014 г.

UDC 330.341

SOCIAL BUSINESS AS A FACTOR OF SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

Ekaterina Aleksandrovna VETROVA, Russian State University of Tourism and Service, settlement Cherkizovo, Pushkin District, Moscow region, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of Economics and Management Department, e-mail: EAVetrova@yandex.ru

Currently, Russia is a booming phenomenon of social entrepreneurship. Determining the significance of sustainability and achieved measurable social outcomes. Social entrepreneur changes the public infrastructure system. Social entrepreneurship is seen as a factor of creation of new economic infrastructure. The necessity of forming a legislative mechanism for the regulation of social entrepreneurship is justified. Features and characteristics of modern social entrepreneurship in Russia are formed. Currently, social entrepreneurship aims to solve social problems on the basis of the business that are often not addressed by the standard mechanisms of state intervention or through non-profit organizations. Forms of support from the state social entrepreneurs are adduced. The experience of the functioning of social entrepreneurship in Russia is studied. For the development of social entrepreneurship in Russia needs to create an extensive legislative framework regulating social entrepreneurship; increasing the state's role in financing social projects in the initial stages; informing the public and authorities about the role and activities of social entrepreneurs.

Key words: social entrepreneurship; socially oriented non-profit organizations; social impact; infrastructure; microfinance; state.

УДК 339.7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ: ТРЕБОВАНИЯ К ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ¹

© Людмила Николаевна АНДРИАНОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг»,
e-mail: agni-10@yandex.ru

На развитых финансовых рынках давно и успешно применяются единые международные стандарты оценки эффективности управления инвестиционными портфелями – Global Investment Performance Standards (GIPS). Они признаны мировым инвестиционным сообществом как стандарты, обеспечивающие полноту и прозрачность информации о результатах управления активами. Для соответствия данным профессиональным стандартам инвестиционные фирмы на ежегодной или ежеквартальной основе публикуют отчетность по эффективности инвестиций с обязательным представлением заключения аудиторской фирмы о соответствии указанной отчетности стандартам GIPS. Основной единицей представления эффективности управления активами является композит. Объективность и прозрачность результатов управления средствами клиентов является необходимым условием для выстраивания долгосрочных отношений с инвесторами. На российском фондовом рынке впервые такой отчет был представлен по результатам 2005 г. известной управляющей компанией паевыми инвестиционными фондами. Однако до настоящего времени подобная практика не получила широкого распространения, что является негативным фактором современного российского финансового рынка, тем более с учетом проекта формирования в России международного финансового центра.

Ключевые слова: международные стандарты результативности инвестирования; инвестиционная фирма; инвестиционный портфель; доверительный управляющий; композит; доходность.

Развитие института доверительного управления имуществом на российском фондовом рынке объективно требует стандартизации и прозрачности отчетности в этой сфере, прежде всего, для оценки качества управления портфелями ценных бумаг. В мировой практике действуют международные стандарты результативности инвестирования – GIPS (Global Investment Performance Standards), включающие в себя этические и профессиональные нормы представления эффективности инвестиционной деятельности в контексте портфельного менеджмента. Данные стандарты основаны на принципах полного раскрытия и честного представления информации о результатах управления активами.

Впервые GIPS были введены в США в 1999 г. по инициативе института CFA (Chartered Financial Analyst). За поддержание и модернизацию стандартов отвечает Совет по инвестиционной деятельности (Investment Performance Council – IPC), действующий как

глобальный комитет, основной целью которого является внедрение стандартов GIPS во всех странах, чтобы любые инвестиционные фирмы, в первую очередь институциональные инвесторы, могли представлять отчеты о своей деятельности в формате стандартов. Соответствие стандартам выступает своего рода паспортом для входа на международный рынок управления инвестициями. Главный посыл GIPS исходит из того, что инвестиционная практика и регулирование в разных странах различаются. Упорядочение инвестиционных стандартов в рамках GIPS позволяет сравнивать результаты деятельности управляющих инвестициями независимо от их географического положения, облегчает диалог между управляющими и их клиентами на предмет достижения тех или иных результатов, включая прогнозируемые. Рассмотрим практические аспекты применения стандартов GIPS, которые могут быть использованы российскими управляющими компаниями.

Целями и задачами внедрения стандартов GIPS являются:

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2014.

- достижение повсеместного принятия стандарта для расчета и представления результативности инвестирования в неискаженном и сравнимом формате, обеспечивающем полное раскрытие информации;
- обеспечение корректности и последовательности данных об инвестиционной деятельности для отчетности, хранения, изучения и представления конечным потребителям;
- содействие честной глобальной конкуренции среди инвестиционных фирм на всех рынках и снятие барьеров на пути вступления в этот процесс новым компаниям;
- поощрение идеи и укрепление саморегулирования в сфере инвестиционной деятельности и доверительного управления в международном масштабе [1].

Стандарты GIPS характеризуются и как минимальный набор требований представления результативности инвестиций, и как базовый стандарт, дающий возможность использования мирового опыта в конкретной стране и могущий быть дополненным местными регулятивными нормами. В любом случае данный стандарт предлагает инвестиционным фирмам включать в отчеты о своей инвестиционной деятельности дополнительную информацию с целью облегчения понимания этих отчетов потребителями – существующими и потенциальными клиентами этих фирм.

Стандарты GIPS обязывают управляющих включать все реально находящиеся под управлением портфели в группы, т. е. композиты, определенные по сходству стратегий и целей инвестирования, и обязывают представлять GIPS-совместимые результаты не менее чем за 5 лет или за всю историю фирмы, если она существует менее пяти лет.

Стандарты GIPS состоят из требований, которым должны следовать инвестиционные фирмы, чтобы заявлять о соответствии стандартам, а также положений, носящих рекомендательный характер. Содержательно стандарты состоят из следующих разделов, отражающих основные элементы представления информации о результативности инвестирования: 0) основные принципы соответствия стандартам; 1) исходные данные; 2) методология расчетов; 3) построение композитов; 4) раскрытие информации; 5) представление результатов и отчетность; 6) инве-

стиции в недвижимое имущество; 7) прямые частные инвестиции.

Остановимся подробнее на ключевых принципах каждого из указанных разделов.

Основные принципы соответствия стандартам. Данный раздел содержит требования к компании, которым она должна удовлетворять, претендуя на соответствие стандартам GIPS. Ключевыми требованиями здесь являются определение границ компании (статус обособленного хозяйствующего субъекта, к которому стандарты должны применяться в целом), документирование правил и процедур, применяемых в компании, и постоянная поддержка соответствия стандартам, включая случаи их обновления, декларируя об этом в форме заявления о соответствии стандартам GIPS.

К основным обязательствам компании стандарты относят приложение усилий для обеспечения доступа к презентации всем заинтересованным лицам (потенциальным клиентам) и предоставление по запросу списка композитов с их описанием.

Содержание раздела «Исходные данные» направляет на поддержание и сохранение полноты данных и информации, необходимых для обеспечения представления результатов инвестирования и выполнения требуемых расчетов, а также их рыночную ориентацию, а именно все расчеты должны базироваться на рыночной стоимости активов в строгом соответствии с международными стандартами бухгалтерской отчетности. Компании должны оценивать портфели по состоянию на дату каждого большого внешнего потока средств, а также на конец календарного месяца или последний рабочий день месяца. Эталоны (бенчмарк) и композиты должны создаваться или подбираться заблаговременно, а не после окончания периода, за который составляется отчетность.

Обеспечение аккуратности и последовательности исходных данных способствует фактическому соответствию стандартам и закладывает основу для полного, справедливого и сравнимого представления результатов инвестирования. При этом стандарты GIPS содержат рекомендации, позволяющие инвестиционным фирмам выстроить такое основание.

Построение композитов и методология расчетов. Композит представляет собой объ-

единение нескольких портфелей в группу (может быть и один портфель), которая отражает отдельную инвестиционную стратегию. Портфели в данной группе имеют близкое соотношение риска и ожидаемой доходности, а также схожие цели инвестирования. Композит является основной единицей представления эффективности управления инвестиционными портфелями. Доходность композита – это взвешенная по активам средняя доходность всех входящих в него портфелей [2]. Согласно стандартам, построение взвешенных по активам композитов исключительно важно для справедливого представления результатов, их последовательности и сравнимости для различных периодов времени и между различными управляющими.

Методология расчетов стандартов GIPS раскрывает вопросы расчета базовых характеристик при построении денежного потока и определении совокупной доходности для инвестиционного портфеля [3]. Управляющие должны использовать метод полной доходности с учетом взвешенных по времени ставок, приведенных к внешним денежным потокам. Доходности за отдельные периоды должны быть геометрически связанными, а внешние потоки – трактоваться единообразно.

Стандарты требуют использовать определенные методы расчетов как для портфелей, так и для композитов. Наиболее значимыми и объективными, согласно экспертному мнению, являются метод взвешивания по начальной рыночной стоимости активов и метод начальной рыночной стоимости плюс взвешивание по денежным потокам.

В соответствии с методом взвешивания по начальной рыночной стоимости композитная доходность может быть рассчитана по следующей формуле:

$$Rk = \sum_{i=1}^n \frac{BMVi \times Ri}{BMVg}, \quad (1)$$

где Rk – композитная доходность; $BMVi$ – рыночная стоимость i -го портфеля на начало расчетного периода; Ri – ставка доходности i -го портфеля, полученная из формулы 2; $BMVg$ – совокупная рыночная стоимость всех инвестиционных портфелей, включенных в композит на начало периода.

Взвешивание доходностей конкретных портфелей, входящих в состав композита,

осуществляется с использованием оценки активов на начало расчетного периода. При этом для периодов до 1 января 2010 г. управляющие компании рассчитывают композитные доходности ежеквартально, а для периодов начиная с 1 января 2010 г. – на ежемесячной основе.

Переоценка портфеля и расчет промежуточных доходностей осуществляются каждый раз, когда происходит движение внешнего денежного потока. Этот метод «текущей или настоящей» взвешенной по времени ставки доходности позволяет достигнуть наибольшей точности при расчетах ставки доходности. Для этой цели используется следующая формула:

$$Ri = (EMVi - BMVi) / BMVi, \quad (2)$$

где $EMVi$ – рыночная оценка инвестиционного портфеля на конец i -го промежуточного периода без учета движения внешних денежных потоков, но включая накопленный доход за период; $BMVi$ – рыночная оценка инвестиционного портфеля на начало текущего промежуточного периода, которая включает в себя: накопленный доход и все денежные потоки на конец предыдущего периода. При расчете данной величины все поступления в портфель берутся со знаком плюс, а все выводы активов из портфеля – со знаком минус. При этом поступления денежных средств включаются в BMV , если они доступны для инвестирования к началу промежуточного периода, а их вывод из портфеля отражается в BMV , если эти денежные средства были уже недоступны для инвестирования к началу данного периода.

Для расчета доходности за весь период доверительного управления все доходности, полученные за промежуточные периоды, суммируются геометрически по следующей формуле:

$$Rg = [(I + R1) \times (I + R2) \dots (I + Rn)] - 1, \quad (3)$$

где Rg – общая доходность за период; $R1, R2 \dots Rn$ – доходности портфелей за 1-й, 2-й... n -й промежуточные периоды соответственно [4].

Разработана также формула определения композитной доходности, когда управляю-

шая компания формирует более одного инвестиционного портфеля.

В разделе **«Раскрытие информации»** определен перечень информации, которую следует раскрывать. При этом необходимая к раскрытию информация должна рассматриваться как статическая, т. е. она не должна изменяться от периода к периоду. В частности, это информация о соответствии стандартам GIPS в целом, о принятых политиках и методике расчетов параметров, включая существенные изменения в них, информация по ставкам вознаграждения за управление портфелем со схожими стратегическими и / или инвестиционными целями за период не менее 5 лет. Следует раскрывать все значительные события, которые могут помочь клиенту истолковать исторические данные о результатах инвестирования.

Раскрытие информации позволяет управляющим в процессе отчета о своей деятельности показывать реальные цифры, сделать более доступным к пониманию значение рассчитываемых количественных показателей и дать конечному пользователю презентации должный контекст, в котором следует понимать результаты инвестиционной деятельности. Если инвестиционная фирма применяет GIPS в ситуации, которая прямо не описана в стандартах или допускает двойное толкование, может потребоваться дополнительное раскрытие информации.

В случае если GIPS вступают в противоречие с местным законодательством, стандарты обязывают инвестиционные фирмы поступать в соответствии с этим законодательством, открыто декларируя противоречия между национальными нормами и требованиями GIPS.

В разделе **«Представление результатов и отчетность»** устанавливаются рамки и направления для наиболее лучшего представления результатов инвестиционной деятельности. После сбора исходных данных, расчета доходности, построения композитов и определения необходимого объема раскрываемой информации управляющий должен объединить полученный материал в презентации, построенной в соответствии с требованиями стандартов к отчету о результатах управления активами. В стандартах оговаривается, что никакой конечный набор положений не может охватить всевозможные ситуа-

ции или предугадать будущее развитие структуры, технологий, продуктов или практики инвестиционной отрасли. Поэтому в случае необходимости компаниям следует включать прочую информацию, не обязательно упоминаемую в стандартах GIPS, но совместимую с рекомендациями GIPS.

В качестве ключевых требований к опубликованию информации по каждому композиту выступают следующие:

- наряду с представлением результатов инвестирования за 5 лет инвестиционная фирма должна публиковать дополнительно годовые результаты инвестирования до достижения полных 10 лет, включая показатели годовой доходности за все годы. При этом не допускается пересчет на целый год доходности портфелей и композитов за периоды менее одного года;

- число портфелей, величина активов композита, а также доля композита в общих активах фирмы или величина общих активов на конец каждого годового периода;

- измерители разброса доходности отдельных портфелей для каждого годового периода.

Также на ежегодной основе должна публиковаться общая доходность эталона или эталонов, соответствующих инвестиционной стратегии или предписанию, задающих композит. В случае если данные по эталону не приводятся, в презентации должно быть объяснено, почему указанная информация не раскрыта. При изменении инвестиционной фирмой эталона, используемого для представления результативности инвестирования некоторого композита, должны быть раскрыты дата и причины замены. Если используется специально разработанный эталон или комбинация нескольких эталонов, инвестиционная фирма должна описать процесс создания и перенастройки эталона.

Рекомендуется к представлению инвестиционными фирмами кумулятивная доходность композита и эталонов за все периоды, средние арифметические и медианные доходности для каждого композита, квартальные доходности или за более короткие периоды времени, веса по странам и секторам рынка на уровне композита.

В рамках общей процедуры представления результатов подразумевается т. н. верификация – «Проверка соответствия стандар-

там GIPS» – аттестация третьей стороной (независимым верификатором, аудитором) процессов и процедур фирмы по оценке инвестиционных результатов ее деятельности. Выпускается единый отчет о проверке, который должен содержать сведения о компании в целом, не ограничиваясь отдельными направлениями бизнеса и отдельными компонентами. Первичная цель верификации – установить, что инвестиционная фирма, заявившая о соответствии стандартам GIPS, фактически придерживается этих стандартов. Минимальный временной период, который должен подвергаться проверке, – 1 год. Без такой проверки компания не имеет права заявлять, что ее отчетность соответствует стандартам GIPS.

Инвестиции в недвижимость. Положения данного раздела применяются к инвестициям, доходы по которым формируются от владения, торговли, застройки и управления недвижимым имуществом. Стандарты относят к данному разделу землю, строящиеся и завершенные объекты, включая здания и другие сооружения, а также элементы благоустройства, которые содержатся для инвестиционных целей. На публично торгуемые ценные бумаги, связанные с недвижимостью, и коммерческие ценные бумаги, обеспеченные залогом (CMBS), положения данного раздела не распространяются, таким образом к указанным инвестициям применяются общие положения стандартов GIPS.

Инвестиции в недвижимость должны оцениваться по рыночной стоимости ежеквартально и рекомендуется оценивать независимым оценщиком не реже, чем один раз в год. При расчете внутренней ставки доходности следует использовать, как минимум, ежеквартальные денежные потоки.

Требования о раскрытии информации по недвижимости и о представлении результатов и отчетов значительно расширены за счет специализированных положений.

Прямые частные инвестиции. Прямые частные инвестиции понимаются как инвестиции в непубличные компании, находящиеся на различных стадиях развития, и охватывают венчурные инвестиции, прямые и мезонинные. Инвестиции в фонды фондов также включаются в данную группу прямых частных инвестиций.

Отнесение инвестиций к этой группе накладывает дополнительные требования по методике расчета результатов инвестирования и раскрытия информации. Прямые частные инвестиции рекомендуется оценивать ежеквартально. Инвестиционные фирмы должны рассчитывать внутреннюю ставку доходности от основания в годовом исчислении (SI-IRR). Данная ставка должна рассчитываться с использованием или ежедневных, или ежемесячных потоков средств и оценки на конец периода нереализованных остающихся владений. Должна раскрываться информация о том, какие потоки средств – ежедневные или ежемесячные – используются.

Являясь международным стандартом работы с клиентами в инвестиционной отрасли, стандарты GIPS не охватывают все без исключения аспекты инвестиционной деятельности. Это минимальный (базовый) стандарт, который дает возможность странам со слабым законодательством в этой области использовать мировой опыт [5]. Компании, которые подготовят отчет о результатах своей инвестиционной деятельности в соответствии со стандартами GIPS, могут использовать официальную формулировку «Компания XXX подготовила и представляет данный отчет в соответствии с Глобальными стандартами инвестиционной деятельности». Потребители данной информации будут уверены, что информация о результатах деятельности представлена полностью и без искажений.

К настоящему времени на развитых финансовых рынках (США, Великобритания, Германия и др.) стандарты GIPS являются законодательно утвержденной методикой оценки эффективности управления активами. В России пока не осуществлен переход на данную методологию. За всю историю российского фондового рынка открытую отчетность и соответствующий ей аудит проводили лишь несколько управляющих компаний. Первый публичный отчет о результатах управления инвестиционными портфелями, подготовленный в соответствии со стандартами GIPS, был представлен управляющей компанией «Альянс РОСНО Управление Активами» по результатам 2005 г. До настоящего времени эта компания представляет подтвержденную аудиторами отчетность о доходности портфелей доверительного управления в соответствии с GIPS. Компания от-

читывается по доходности семи композитов, представляющих 7 базовых стратегий управления активами: «Голубые фишки», «Акции второго эшелона», «Облигации», «Сбалансированный Консервативный» и «Сбалансированный Агрессивный», «Страховые резервы», «Пенсионные накопления» [6]. По каждому композиту раскрывается базовая инвестиционная декларация, количество портфелей, объем активов и установлен эталон, с динамикой которого сравнивается динамика композита. В отношении каждого композита определены потенциальные клиенты, принципы управления, преимущества стратегии и основные риски.

По российскому законодательству управляющие компании обязаны раскрывать информацию о движении финансовых активов в инвестиционных портфелях и бухгалтерскую отчетность. Обязательной к раскрытию является отчетность о доходности инвестирования средств пенсионных накоплений на ежеквартальной основе [7]. В отношении других активов управляющие компании ориентируются на нормативный документ Федеральной службы по финансовым рынкам, в котором рекомендовано учитывать следующие критерии эффективности: а) годовую доходность без учета передачи объектов доверительного управления (без учета ротации инвестиционного портфеля); б) годовую доходность с учетом передачи объектов доверительного управления (с учетом ротации инвестиционного портфеля). При этом общим для обоих случаев является отсутствие расчетов, указывающих на наличие систематических или специфических рисков при формировании портфелей [8].

В разрезе раскрытия доходности управляющие также обязаны соблюдать требования закона «О рекламе», согласно которому реклама услуг доверительного управляющего не должна содержать информацию о результатах управления активами, не основанную на расчетах доходности, определяемых в соответствии с нормативными актами [9]. Управляющий обязан использовать единую для всех учредителей управления методику расчета доходности для целей рекламы предоставляемых услуг за расчетный период не менее 6 месяцев [10]. Свою деятельность он осуществляет на основании лицензии про-

фессионального участника рынка ценных бумаг [11].

Таким образом, на российском рынке доверительного управления не существует единого стандарта определения результативности инвестиций управляющих компаний, что значительно затрудняет адекватную оценку эффективности управления со стороны инвесторов. При этом внедрение стандартов отвечает не только интересам инвесторов, но и самих управляющих компаний. Отсутствие единой прозрачной системы оценки качества доверительного управления финансовыми активами препятствует динамичному развитию данного сегмента рынка.

1. GIPS: Global Investment Performance Standards. 2010. CFA Institute. URL: <http://www.cfapubs.org/doi/pdf/10.2469/ccb.v2010.n5.1> (дата обращения: 07.10.2014).
2. GIPS: Global Investment Performance Standards. Guidance Statement on the Application of the GIPS Standards to Asset Owners. 2014. CFA Institute. URL: http://www.gipsstandards.org/standards/guidance/Documents/Comments/gs_asset_owners.pdf (дата обращения: 10.10.2014).
3. Global Investment Performance Standards. Guidance Statement on Calculation Methodology. 2010. CFA Institute. URL: http://www.gipsstandards.org/standards/guidance/Documents/Comments/gs_calculation_methodology_clean.pdf (дата обращения: 10.11.2014).
4. Ребельский Н.М. Об оценке эффективности управления финансовыми активами // Финансы. 2012. № 2.
5. Ованесов А. Международные стандарты инвестиционной деятельности, новые возможности для России. URL: http://gaap.ru/articles/mezhdunarodnye_standarty_investitsionnoy_deyatelnosti_novye_vozmozhnosti_dlya_rossii/ (дата обращения: 15.10.2014).
6. Отчет о результатах управления инвестиционными портфелями, находящимися в доверительном управлении ОАО «Альянс Инвестиции». URL: http://www.allianz-invest.ru/attach/0/20/16/Report_GIPS_6M2014.pdf (дата обращения: 06.10.2014).
7. Стандарты раскрытия информации об инвестировании средств пенсионных накоплений, утвержденные Приказом Министерства финансов РФ от 22.08.2005 г. № 107/н. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Ребельский Н.М. Управление финансовыми активами: единые стандарты оценки // Фи-

- нансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2012. № 5.
9. О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 10. Порядок осуществления деятельности по управлению ценными бумагами, утвержденный Приказом ФСФР от 3.04.2007 г. № 07-37/пз-н. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 11. Андрианова Л.Н. Лицензирование профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг // Финансы и учет. 2012. № 1. С. 41-46.
-
1. GIPS: Global Investment Performance Standards. 2010. CFA Institute. URL: <http://www.cfapubs.org/doi/pdf/10.2469/ccb.v2010.n5.1> (data obrashcheniya: 07.10.2014).
 2. GIPS: Global Investment Performance Standards. Guidance Statement on the Application of the GIPS Standards to Asset Owners. 2014. CFA Institute. URL: http://www.gipsstandards.org/standards/guidance/Documents/Comments/gs_asset_owners.pdf (data obrashcheniya: 10.10.2014).
 3. Global Investment Performance Standards. Guidance Statement on Calculation Methodology. 2010. CFA Institute. URL: http://www.gipsstandards.org/standards/guidance/Documents/Comments/gs_calculation_methodology_clean.pdf (data obrashcheniya: 10.11.2014).
 4. Rebel'skiy N.M. Ob otsenke effektivnosti upravleniya finansovymi aktivami // Finansy. 2012. № 2.
 5. Ovanesov A. Mezhdunarodnye standarty investitsionnoy deyatel'nosti, novye vozmozhnosti dlya Rossii. URL: http://gaap.ru/articles/mezhdunarodnye_standarty_investitsionnoy_deyatelnosti_novye_vozmozhnosti_dlya_rossii/ (data obrashcheniya: 15.10.2014).
 6. Otchet o rezul'tatakh upravleniya investitsionnymi portfelyami, nakhodyashchimisya v doveritel'nom upravlenii OAO "Al'yans Investitsii". URL: http://www.allianz-invest.ru/attach/0/20/16/Report_GIPS_6M2014.pdf (data obrashcheniya: 06.10.2014).
 7. Standarty raskrytiya informatsii ob investirovanii sredstv pensionnykh nakopleniy, utverzhdenные Приказом Министерства финансов РФ от 22.08.2005 г. № 107/н. Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy "Konsul'tantPlyus".
 8. Rebel'skiy N.M. Upravlenie finansovymi aktivami: edinye standarty otsenki // Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uch. 2012. № 5.
 9. O reklame: federal'nyy zakon ot 13.03.2006 g. № 38-FZ. Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy "Konsul'tantPlyus".
 10. Poryadok osushchestvleniya deyatel'nosti po upravleniyu tsennymi bumagami, utverzhdenный Приказом ФСФР от 3.04.2007 г. № 07-37/пз-н. Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy "Konsul'tantPlyus".
 11. Andrianova L.N. Litsenzirovaniye professional'noy deyatel'nosti na rynke tsennykh bumag // Finansy i uch. 2012. № 1. S. 41-46.

Поступила в редакцию 22.11.2014 г.

UDC 339.7

INTERNATIONAL INVESTMENT PERFORMANCE STANDARDS: REQUIREMENTS FOR THE EVALUATION OF ASSET MANAGEMENT IN THE SECURITIES MARKET

Lyudmila Nikolaevna ANDRIANOVA, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of Financial Markets and Financial Engineering Department, e-mail: agni-10@yandex.ru

In developed financial markets long and successfully applied common international standards for assessing the effectiveness of management of investment portfolios – Global Investment Performance Standards (GIPS). They are recognized by the international investment community as standards to ensure the completeness and transparency of information on the results of asset management. To meet these professional standards of investment, firms on an annual or quarterly basis publish reports on the effectiveness of investments with mandatory submission of an audit firm with its adherence in reporting to standards of GIPS. The basic unit of the investment performance is composite. The basic unit of representation of asset management is a composite. Objectivity and transparency of the results of assets management is a prerequisite for establishing long-term relationships with investors. This report was presented in the Russian stock market for the first time as per results of the year 2005 by a well known mutual funds management company. So far, however, this practice is not widespread, which is a negative factor in modern Russian financial market, especially in view of formation of the project an international financial center in Russia.

Key words: international investment performance standards; investment firm; investment portfolio; trustee; composite; yield.

УДК 332.122

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

© Людмила Владимировна ОВЕШНИКОВА

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры статистики, e-mail: lud_proz@mail.ru

Рассмотрены комплексные региональные проблемы, которые сосредоточили в себе задачи формирования инфраструктуры в рыночных условиях, от решения которых, главным образом, зависит дальнейшее развитие территориальной организации хозяйства. Произведен анализ, позволяющий установить, что процесс развития регионов Российской Федерации представляет собой одно из приоритетных направлений региональной политики, при этом в качестве существенных характеристик указана формализованность системы финансово-экономических, правовых и институциональных рамок, регулирующих деятельность основных ветвей государственной власти на всех уровнях. Подобная обусловленность опосредована тем, что именно увеличение количества и разнообразия инфраструктурных отраслей пролонгирует развитие общественного производства, вызывающего в свою очередь необходимость уменьшить неэффективные способы производства, а также целесообразность осуществления масштабной ликвидации устаревших активов. Установлено, что особое значение в развитии общественного производства приобретает обновление ассортимента продукции и технологий на основе увеличения инвестиций. Акцентировано внимание на проблемах развития региональной инфраструктуры. По итогам исследования сформулирован вывод, в соответствии с которым основные направления решения этих проблем сгруппированы по различным уровням (региональный уровень, муниципальный уровень и уровень предприятия). Особое внимание уделяется федеральным и региональным целевым программам, улучшающим состояние инфраструктуры.

Ключевые слова: региональная инфраструктура; региональная политика.

Развитие регионов РФ является одной из первоочередных задач региональной политики, которая выражается в законодательно оформленных системах финансово-экономических, правовых и организационных основ, регламентирующих деятельность федеральных органов государственного аппарата и органов местного самоуправления. При этом фундаментальная цель региональной политики состоит в предоставлении возможностей для сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, основанного на сокращении уровня межрегиональной дифференциации в производственно-хозяйственном и социальном состоянии регионов [1].

Все чаще в последние годы внимание экономистов обращается к инфраструктуре. Это связано с важностью данной сферы экономики для функционирования и обеспечения комплексности всего народного хозяйства, возрастанием ее масштабов и роли. Увеличение числа и разнообразия инфраструктурных отраслей – закономерность развития общественного производства. Развитость инфраструктуры – важный показатель современной экономики, отражающий содер-

жащийся в ней потенциал динамизма и эффективности [2].

Отметим, что значимым условием организации эффективного управления совершенствования инфраструктурного обеспечения в регионе является полная, достоверная и своевременная информация об общих направлениях деятельности, происходящих в разных отраслях и сферах ее функционирования с точки зрения системного воздействия на социально-экономическое развитие региона. К сожалению, в настоящее время инфраструктуре уделяется мало внимания, поэтому ее развитие совершается в большинстве случаев стихийно и только в редких случаях зависит от потребностей формируемых региональных субъектов хозяйствования.

Исследование имеющих место теорий определения инфраструктуры позволяет представить следующие заключения, которые следует обязательно учитывать при анализе проблем формирования и развития инфраструктуры региональной экономики. Примером основополагающих признаков инфраструктуры являются организация общих условий для производства и предостав-

ление возможности продолжения производства в обращении [3].

Региональные проблемы сосредоточили в себе задачи формирования инфраструктуры в рыночных условиях, от решения которых зависит дальнейшее развитие территориальной организации хозяйства [4]. К ним следует причислять:

- выравнивание тенденций экономического и социального развития отдельных регионов;
- контролирование миграционных потоков;
- формирование оптимальных экономических территориальных пропорций и эффективной отраслевой структуры экономики территорий;
- повышение эффективности процесса воспроизводства в рамках отдельного региона и по экономике в целом;
- освоение, изучение, а также воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов;
- повышение экологической безопасности и снижение негативных последствий хозяйственной деятельности и др.

В современной региональной инфраструктуре необходимо сокращение неэффективных видов производства, масштабной ликвидации морально устаревших активов, обновления номенклатуры продукции и технологий на основе увеличения инвестиций в обновление процесса производства. Передача основной доли производственных функций инфраструктуре возможна лишь при высоком уровне ее институционального развития, эффективной системе защиты собственности, взаимном доверии субъектов хозяйствования. В регионах России данные условия, как правило, отсутствуют, как следствие, предприятия стремятся к слияниям и поглощениям, вертикальной интеграции для закрепления монопольных прав на данном сегменте рынка в регионе и достижения максимальной независимости от внешних поставок [5].

Инфраструктура является важным и необходимым условием эффективного функционирования социального, производственного, финансового комплексов в регионе, следовательно, тенденции ее развития должны быть сопоставимы с общим уровнем социально-экономического развития региона. Задержка в развитии инфраструктуры явля-

ется причиной неэффективных условий развития производственной, финансовой, социальной сферы региона. Информационные, финансовые, материальные потоки при этом будут затруднены [6].

Инфраструктура, как составляющая производственного комплекса, имеет отчетливо выраженный региональный аспект. Ее элементы принадлежат к территории определенного региона. Следовательно, проблемы поддержки развития составляющих инфраструктуры характерны в большей части для компетенции органов региональной власти. Совершенствование элементов инфраструктуры, определяющих межрегиональные информационные, материальные потоки, имеет принадлежность к совместной компетенции федеральных и региональных аппаратов власти и управления [6].

Исследование ключевых проблем функционирования региональной инфраструктуры говорит о том, что ее будущее развитие напрямую зависит от траектории процесса макроэкономической стабилизации, а также от концентрации усилий на мезо- и микроуровне [7].

Помимо этого, среди имеющихся проблем функционирования инфраструктуры ученые неоднозначно интерпретируют и сущность совершающихся модификаций в процессах ее создания, функционирования и развития. Одни соединяют развитие инфраструктуры с общим развитием экономики и производства, другие – с созданием и развитием городов и крупных поселений, третьи – с влиянием закона спроса и предложения.

Далее необходимо акцентировать внимание на проблемах инфраструктуры, связанных с ее развитием. Смыслом развития, исходя из философии, является переход процесса от старого качественного состояния к обновленному, от простого к сложному, от низшего к высшему; переход направленный, закономерный, необратимый [8].

Отметим пути решения проблем развития инфраструктуры, отражающие ее возможности, относящиеся к элементам совокупности ресурсов и характеризующие ее потенциал. На рис. 1 представлены направления решения проблем развития региональной инфраструктуры на различных уровнях, которые требуют программно-целевого решения.

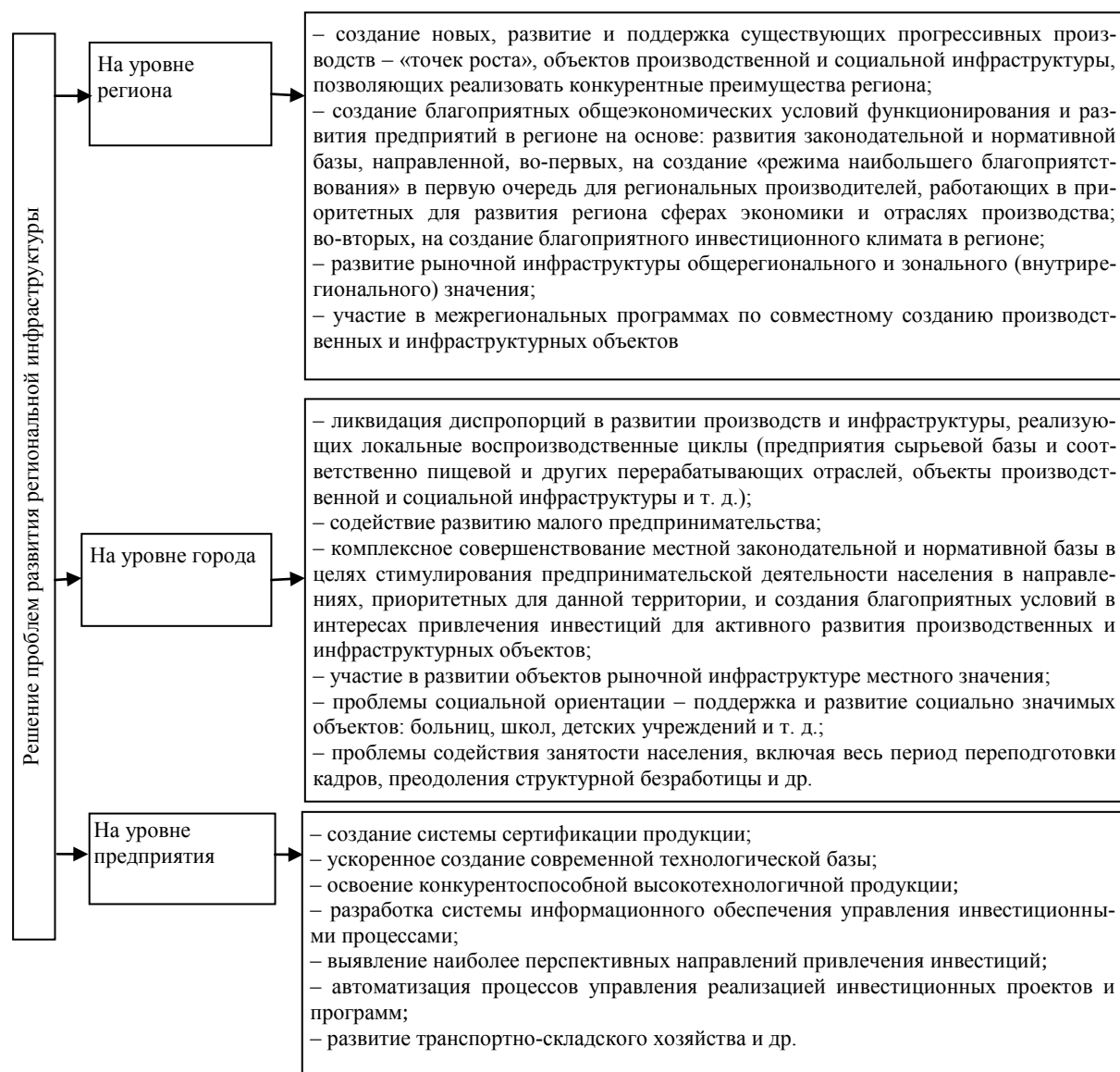

Рис. 1. Пути решения проблем развития региональной инфраструктуры

На мезоуровне необходимо формирование эффективной регионально-отраслевой инфраструктуры, эффект функционирования которой должен охватывать производство, сферу управления, сбыт продукции и выражаться в стратегическом аспекте через повышение гибкости производства, т. е. его возможности реагировать на текущие и перспективные изменения рыночной конъюнктуры, динамики социально-демографической составляющей, тенденций инновационного развития хозяйствующих субъектов региона и т. д.

В более широком плане составляющая эффекта региональной инфраструктуры со-

стоит в организации единого информационного поля, которое позволит оценивать и прогнозировать уровень сбалансированности структуры производства и рынка, выявлять наиболее перспективные пути привлечения инвестиций, индикативно воздействовать на экономические процессы [7].

В процессе исследований установлено, что исследование проблем, требующих решения, должно производиться в рамках разработки общей концепции стратегического развития, с учетом приоритетов развития инфраструктуры и региона в целом.

Эффективность инфраструктурного обеспечения деятельности хозяйствующих

субъектов региона может определяться степенью удовлетворения потребности в различных видах инфраструктуры за счет использования общего ограниченного инфраструктурного ресурса вовлеченных элементов инфраструктуры [9].

Региональная инфраструктура должна создавать объективные обстоятельства для решения научно-технических вопросов, повышать степень информационной обеспеченности, улучшать как внутрирегиональные, так и межрегиональные экономические связи, что в дальнейшем обеспечит устойчивый рост производительности труда и повышение уровня жизни людей [10].

Развитие региональной инфраструктуры, как и развитие инфраструктуры экономики в целом, существенным образом влияет на функционирование хозяйственной системы в целом с помощью повышения эффективности производства и предоставления услуг хозяйствующим субъектам, формирующим благоприятные условия для его развития. Чем более развита региональная инфраструктура, тем быстрее в регион поступают инвестиции, прибывают кадровые ресурсы, осуществляется экономическое развитие, улучшаются здоровье людей и их жизнедеятельность. Недостаточный уровень развития инфраструктуры в большинстве регионов сегодня является причиной медленного развития производства региона и низкой инвестиционной привлекательности, низкой деловой активности региональных рынков [3].

В настоящее время инфраструктурные отрасли имеют наибольшую самостоятельность в составлении планов своего экономического развития. Усиливается ответственность аппарата власти регионального и местного уровня за осуществление социально-экономической политики региона [11]. При этом эти органы не обладают еще необходимым опытом для разработки направлений развития инфраструктуры, что считается одной из главных причин неудовлетворительного социально-экономического положения многих регионов [8].

Осознание зависимости между функциональным состоянием инфраструктуры и эффективностью хозяйственной системы регионов и муниципальных образований привело к разработке и реализации в последние годы Правительством РФ и исполнительными

ми органами субъектов РФ целого ряда федеральных и региональных целевых программ, улучшающих или выводящих на качественно более высокий уровень состояние инфраструктуры. Примерами актуальных инфраструктурных программ на федеральном уровне являются ФЦП «Развитие российских космодронов на 2006–2015 гг.», ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)», ФЦП «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах РФ на 2009–2018 гг.», ФЦП «Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010–2015 гг. и на перспективу до 2020 г.», ФЦП «Информационное общество (2011–2020 гг.)», ФЦП «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012–2020 гг.» [12].

Таким образом, разработка направлений развития инфраструктуры региональной экономики, как правило, имеет стихийный и неравномерный по регионам характер функционирования, что обусловлено пробелами законодательной базы, разнородностью кризисных явлений в разных регионах страны, слабой интеграцией воспроизводственных систем региона. В силу этого новые институты региональной инфраструктуры координируются преимущественно в крупных экономических центрах. Перспективы региональной инфраструктуры прямым образом зависят от динамики макроэкономической стабилизации, а также от переноса значимости реформ на уровень регионов и конкретных организаций.

1. Рыкалина О.В. Развитие региональной инфраструктуры и связей между округами Российской Федерации: монография. М., 2013.
2. Андреева О.Р. К вопросу о динамике элементного состава инфраструктуры // Актуальные проблемы современного хозяйственного развития: воспроизводственный аспект: сборник научных трудов / под ред. Б.Д. Бабаева. Иваново, 2010.
3. Бережной В.И., Фурсов В.А., Максимова С.Ю. Проблемы формирования и управления развитием региональной транспортной инфраструктуры: монография. Ставрополь, 2010.
4. Гокжаева Е.Б. Управление развитием инфраструктуры региона: концепция, факторы, институциональные механизмы и инструменты реализации. Майкоп, 2008.

5. *Кольбах С.В.* Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3834> (дата обращения: 30.10.2014).
6. Инфраструктура региона. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/natsionalnaya-ekonomika-uchebnik/infrastruktura-regiona.html> (дата обращения: 30.10.2014).
7. *Шураева К.В.* Особенности формирования механизма инфраструктурного обеспечения развития инвестиционной деятельности в регионе. URL: <http://www.uecs.ru/logistika/item/262-2011-03-24-13-19-17> (дата обращения: 30.10.2014).
8. *Зайцева И.А., Бобылева Ю.Е.* Региональная инфраструктура и качество жизни населения: теоретические и практические аспекты: монография. Архангельск; Иваново, 2007.
9. *Каленская Н.В.* Методология формирования инфраструктурного обеспечения инновационного развития промышленных предприятий: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. Казань, 2010.
10. Инфраструктура и ее роль в региональном развитии. URL: http://studopedia.net/10_72251_infrastruktura-i-ee-rol-v-regionalnom-razvitii.html (дата обращения: 30.10.2014).
11. *Овешникова Л.В.* Сущность экономических механизмов, необходимость и условия их применения при стратегическом планировании // Экономика и предпринимательство. 2013. № 5 (34). С. 196-202.
12. *Кизим А.А., Саввиди С.М., Солахов П.А.* Факторы и условия социально-экономического развития региона: инвестиции, инфраструктура, проекты (на примере Краснодарского края): монография. Краснодар, 2013.
3. *Berezhnoy V.I., Fursov V.A., Maksimova S.Yu.* Problemy formirovaniya i upravleniya razvitiem regional'noy transportnoy infrastruktury: monografiya. Stavropol', 2010.
4. *Gokzhaeva E.B.* Upravlenie razvitiem infrastruktury regiona: kontseptsiya, faktory, institutsional'nye mekhanizmy i instrumenty realizatsii. Maykop, 2008.
5. *Kol'bakh S.V.* Ekonomicheskie problemy regionov i otraslevykh kompleksov. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3834> (дата обращения: 30.10.2014).
6. Инфраструктура региона. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/natsionalnaya-ekonomika-uchebnik/infrastruktura-regiona.html> (дата обращения: 30.10.2014).
7. *Shuraeva K.V.* Osobennosti formirovaniya mekhanizma infrastrukturnogo obespecheniya razvitiya investitsionnoy deyatel'nosti v regione. URL: <http://www.uecs.ru/logistika/item/262-2011-03-24-13-19-17> (дата обращения: 30.10.2014).
8. *Zaytseva I.A., Bobyleva Yu.E.* Regional'naya infrastruktura i kachestvo zhizni naseleniya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: monografiya. Arkhangel'sk; Ivanovo, 2007.
9. *Kalenskaya N.V.* Metodologiya formirovaniya infrastrukturnogo obespecheniya innovatsionnogo razvitiya promyshlennykh predpriyatiy: avtoref. dis. ... d-ra ekonom. nauk. Kazan', 2010.
10. Инфраструктура и ее роль в региональном развитии. URL: http://studopedia.net/10_72251_infrastruktura-i-ee-rol-v-regionalnom-razvitii.html (дата обращения: 30.10.2014).
11. *Oveshnikova L.V.* Sushchnost' ekonomicheskikh mekhanizmov, neobkhodimost' i usloviya ikh primeneniya pri strategicheskoy planirovani // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2013. № 5 (34). С. 196-202.
12. *Kizim A.A., Savvidi S.M., Solakhov P.A.* Faktory i usloviya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: investitsii, infrastruktura, proekty (na primere Krasnodarskogo kraya): monografiya. Krasnodar, 2013.

Поступила в редакцию 28.11.2014 г.

UDC 332.122

MAIN ASPECTS OF DECIDING PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF REGIONAL INFRASTRUCTURE

Lydmila Vladimirovna OVESHNIKOVA, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of Statistics Department, e-mail: lud_proz@mail.ru

Complex regional problems were discussed which focused in themselves aims of forming infrastructure in market conditions, of deciding which mainly depends the further development of territorial organization of the economy. Was made analysis which let to set up that the process of development of regions of Russian Federation is one of the foreground brunches of regional politics wherein as essential characteristics was marked formalization of the system of financial and economic law and institutional frames regulating the activity of main brunches of state power at all levels. Such conditionality mediated by the raise of amount and variety of infrastructural brunches prolongs the development of social production causing the necessity to reduce ineffective ways of production and expediency of large-scale destruction of obsolete assets. It is set that the special meaning in the development of social production gets the renewing of the goods of production and technologies based on the increasing investments. The attention is paid to the problems of development of regional infrastructure. As a result of the investigation the conclusion was formulated according to which the main ways of deciding these problems were grouped on different levels (regional level, municipal level and the level of the factory). Certain attention was paid to federal and regional objective programs improving the state of the infrastructure.

Key words: regional infrastructure; regional politics.

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 378.1

МОДЕЛЬ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРАКТИКИ МАГИСТРАНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© Евгений Анатольевич АЛИСОВ

Московский городской педагогический университет, г. Москва,
Российская Федерация, доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории педагогики, заместитель директора
Института педагогики и психологии образования по научной работе,
e-mail: evgenii.alisov@mail.ru

Обобщается опыт моделирования углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов направления подготовки «Педагогическое образование» в условиях сетевого взаимодействия, накопленный в Московском городском педагогическом университете. Характеризуются концептуальные аспекты моделирования углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов на примере образовательного модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе». Модуль соответствует задачам разработки и апробации программ профессиональной (педагогической) магистратуры со встроенной долгосрочной практической стажировкой в образовательных организациях; усиления связи всех компонентов содержания подготовки (предметных, психолого-педагогических, информационно-технических) с практическими профессиональными задачами педагога, сформулированным в Концепции поддержки развития (модернизации) педагогического образования. В сложившейся ситуации особую актуальность приобретает проблема выявления ключевых регулятивов, значимых организационных аспектов, ценностных приоритетов технологического обеспечения процесса педагогического образования. Эту проблему нельзя считать решенной – зачастую попытки обозначения факторов, определяющих эффективность организации педагогического образования, носят бессистемный, эклектичный характер. Однако важность продолжения таких изысканий не вызывает сомнений. В исследовании описываются актуальность модели (на основе результатов подготовительного этапа апробации), цели и задачи, структура и содержание, принципы и этапы, условия реализации, кадровое, материально-техническое и информационное обеспечение профессионально-ориентированной практики в условиях сетевого взаимодействия. Модель может служить ориентиром и практическим пособием для всех участников подготовки и проведения профессионально-ориентированной практики. С накоплением нового организационного опыта в ходе реализации модели возможны внесения в нее необходимых поправок, нацеленных на повышение качества профессионально-ориентированной практики магистрантов направления подготовки «Педагогическое образование».

Ключевые слова: педагогическое образование; магистратура; сетевое взаимодействие; практика; модель.

Многочисленные опросы преподавателей, а также отзывы выпускников педагогических программ свидетельствуют о недостаточной практической подготовке будущих педагогов к профессиональной деятельности [1; 2]. «Отсутствие решения этой проблемы ставит под сомнение вопрос о выполнении кадровых требований к реализации ООП общего образования и превращает программы подготовки педагогов из профессиональных,

т. е. готовящих к профессиональной деятельности, в программы продолженного общего образования, не ориентированные на подготовку к профессии» [3, с. 51]. Парадигма компетентностного подхода к образованию актуализирует необходимость подготовки нового учителя, представляющего собой активную личность, способную самостоятельно определять и реализовывать цели, выходящие за пределы стандартных требований.

Условия эффективности реализации современного высшего педагогического образования сопоставимы с основными тенденциями функционирования мирового образовательного процесса, но имеют свою выраженную специфику ввиду принципиальных особенностей профессиональной деятельности педагога. Одним из таких условий выступает сетевое взаимодействие высшей школы с другими общественными институтами и структурами [4; 5].

Принцип сетевого взаимодействия образовательных организаций, реализующих программы высшего образования и основного общего образования, предполагает углубленную профессионально-ориентированную практику студентов; выступает ведущим в контексте апробации экспериментальных модулей основной профессиональной образовательной программы профессиональной (педагогической) магистратуры, осуществляемой в Московском городском педагогическом университете. Остановимся подробнее на концептуальных аспектах моделирования углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов в рамках модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе».

Актуальность модели углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов в рамках модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе» (на основе результатов подготовительного этапа апробации) обуславливается необходимостью повышения уровня практической подготовки магистрантов в области проектирования образовательной деятельности в основной школе, связанной с:

1) усилением глобальной конкуренции, основанной на востребованности образованных, нравственных, предприимчивых людей, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству и межкультурному взаимодействию, обладают конструктивностью и динамизмом, а также чувством ответственности за судьбу страны, ее социально-экономическое и культурное процветание;

2) резким повышением роли инновационных процессов в образовании, акцентирующих необходимость развития у магистрантов практических умений инновационного проектирования образовательной деятель-

ности в современных условиях, готовности к выполнению профессиональных обязанностей в области инновационной педагогической деятельности;

3) возрастанием значения подготовки будущих магистров к организации и внедрению проектных видов и форм деятельности школ и субъектов образовательного пространства, нормативно-правовому обеспечению развития системы на основе согласования целей личности (обучающихся, педагогов, родителей) с целями общественного развития.

Цели профессионально-ориентированной практики студентов в условиях сетевого взаимодействия:

- приобретение опыта проектировочной деятельности, необходимого для проектирования образовательной деятельности в основной школе;

- овладение основными проектировочными умениями педагогической деятельности учителя основного общего образования и формирование профессиональных черт личности учителя;

- выработка навыков самостоятельного проектирования учебных занятий по предмету;

- овладение умениями практического применения знаний в области формирования универсальных учебных действий в основной школе;

- овладение навыками самостоятельного выявления универсальных учебных действий в содержании предметных линий;

- овладение умениями практического применения знаний в области методики проектирования образовательных систем;

- овладение навыками самостоятельного осуществления проектировочной деятельности в образовательной организации;

- овладение умениями практического применения знаний в области формирования психологически комфортной и безопасной образовательной среды;

- накопление потенциала педагогических технологий, создание полноценных условий для психологически комфортного, безопасного сотрудничества субъектов образовательной среды;

- формирование и развитие профессиональных знаний в сфере избранного профиля подготовки, закрепление полученных теоретических знаний по дисциплинам;

- формирование готовности к осуществлению социально-педагогической поддержки подростков.

Задачи профессионально-ориентированной практики студентов в условиях сетевого взаимодействия:

- применение на практике усвоенных теоретических знаний и практическое использование элементов педагогического проектирования;

- овладение основными видами и формами проектировочной деятельности, профессиональными умениями и навыками, формирование профессионально-личностных качеств педагога;

- изучение передового педагогического опыта в области педагогического проектирования;

- развитие и воспитание устойчивого интереса к педагогическому проектированию;

- выработка творческого, исследовательского подхода к педагогическому проектированию;

- формирование основ для выработки и дальнейшего совершенствования собственного стиля проектировочной деятельности, соответствующей особенностям и профессиональной деятельности;

- развитие способностей решать прикладные задачи формирования универсальных учебных действий с использованием современных технологий;

- практическое знакомство с современными методами формирования универсальных учебных действий в основной школе;

- развитие способностей решать прикладные задачи формирования психологически комфортной и безопасной образовательной среды с использованием современных технологий;

- практическое знакомство с современными методами формирования психологически комфортной и безопасной образовательной среды;

- применение на практике усвоенных теоретических знаний и практическое использование элементов организации социально-педагогической поддержки детей подросткового возраста;

- изучение передового педагогического опыта в области организации социально-педагогической поддержки детей подросткового возраста.

Структура и содержание углубленной профессионально-ориентированной практики студентов в условиях сетевого взаимодействия. Принципы и этапы реализации углубленной профессионально-ориентированной практики студентов в условиях сетевого взаимодействия.

Практика проводится в три этапа.

Первый этап – учебная концентрированная практика (ориентировочный блок): проводится до изучения практико-ориентированной части теоретического обучения дисциплинам модуля.

Второй этап – педагогическая рассредоточенная практика (формирующий и корректирующий блоки): проводится одновременно с изучением практико-ориентированной части теоретического обучения.

Третий этап – производственная концентрированная практика (функциональный блок): проводится на завершающем этапе изучения дисциплин модуля.

В зависимости от этапа практики магистрант на базе образовательной организации – стажировочной площадке – осуществляет действия (наблюдение за учебно-воспитательным процессом, разрабатывает учебно-методические и дидактические материалы, участвует в учебно-воспитательном процессе, проводит занятия и др.), необходимые для выполнения заданий, разработанных для модуля по каждой из образовательных дисциплин.

По результатам каждого из этапов практик, а также по ее итогам оформляется отчет о результатах работы.

Содержание углубленной профессионально-ориентированной практики студентов в условиях сетевого взаимодействия подразумевает осуществление ими следующих видов деятельности:

- характеристику образовательной организации;

- изучение основных направлений деятельности образовательной организации;

- выявление специфики проектировочной деятельности учителя основного общего образования в образовательной организации;

- изучение методической основы педагогического проектирования образовательного процесса в образовательной организации;

- изучение технологической основы педагогического проектирования образова-

тельного процесса в образовательной организации;

- оценку перспектив и потенциала реализации педагогических проектов в образовательной организации;
- проектирование системы обучающей деятельности учителя основного общего образования;
- проектирование системы воспитательной деятельности учителя основного общего образования;
- проектирование системы развивающей деятельности учителя основного общего образования.

Условия реализации углубленной профессионально-ориентированной практики студентов в условиях сетевого взаимодействия; кадровое, материально-техническое и информационное обеспечение.

Критериями отбора общеобразовательных организаций сетевого взаимодействия в рамках модуля выступают:

- обладание школой образцами тех трудовых действий, которые необходимо будет сформировать у будущего магистра в рамках решения профессиональных задач или долгосрочной учебно-производственной практики;
- наличие необходимой материально-технической базы;
- укомплектованность кадрами с высоким уровнем профессиональной квалификации;
- наличие квалифицированных специалистов, готовых к организации и сопровождению дистанционного обучения;
- высокий уровень мотивации руководителей и педагогических работников к обеспечению эффективности проектирования образовательного процесса, решению современных образовательно-развивающих задач;
- наличие опыта успешного проектирования образовательной деятельности в основной школе.

Необходимыми условиями организации сетевого взаимодействия являются:

- наличие нормативно-правовой базы регулирования правоотношений участников сети;
- договорные формы правоотношений между участниками сети;
- экономическая эффективность сетевого взаимодействия;

- общее информационное пространство, интернет-сайты субъектов сетевого взаимодействия, позволяющие: предоставлять информацию о своей деятельности другим участникам Сети, иметь информацию о деятельности других участников Сети;
- управление организацией сетевого взаимодействия.

Правовой основой сетевого взаимодействия выступают договоры гражданско-правового характера между участниками Сети. При заключении договоров образовательные организации становятся участниками гражданских правоотношений, которые регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации.

Организация сетевого взаимодействия с общеобразовательной организацией строится на принципах школьно-университетского партнерства. Формой реализации сетевого взаимодействия в процессе освоения модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе» выступают стажировочные площадки, организуемые на базах образовательных организаций (школ), отвечающих вышеприведенным критериям отбора общеобразовательных организаций сетевого взаимодействия в рамках модуля и необходимым условиям организации сетевого взаимодействия.

Основная цель стажировочной площадки освоения модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе» – создание магистрантами (стажерами) проекта инновационной образовательной среды, предоставляющей обучающимся возможность проявлять личностную активность, побуждающей их инициативу, помогающей становлению их учебной самостоятельности. Достижение основной цели стажировочной площадки подразумевает инициативную разработку магистрантами (командой проектировщиков) пакета предложений конкретных аспектов модернизации, оптимизации отдельных направлений образовательной деятельности организации за счет реализации педагогически обоснованных (на основании всестороннего качественного анализа особенностей образовательной деятельности в основной школе) качественных инновационных преобразований.

Работа стажировочных площадок освоения модуля «Проектирование образователь-

ной деятельности в основной школе» организуется в соответствии с принципами сетевого взаимодействия, что позволяет:

- выявить проблемы и затруднения магистрантов, возникающие в ходе практики взаимодействия с субъектами реально функционирующего образовательного процесса в основной школе;
- обеспечить становление адекватной профессиональной позиции магистранта (не позиции «потребителя» готового организационно-методического продукта, а позиции его активного, творческого проектировщика);
- активизировать коммуникации, обмен опытом, мнениями, знаниями магистрантов и представителей профессионального педагогического сообщества.

Для координации деятельности стажировочной площадки освоения модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе» создается Совет стажировочной площадки. Для оказания помощи в организации работы назначается научный консультант из числа высококвалифицированных научно-педагогических и научных кадров (кандидатов или докторов педагогических наук). Научный консультант обеспечивает информационные условия для тиражирования опыта посредством сетевого взаимодействия стажировочной площадки, базовых, опорных организаций и широкой практики проектирования образовательной деятельности в основной школе.

Сотрудники стажировочной площадки:

- организуют занятия по конкретным темам образовательной программы;
- участвуют в мониторинге результатов деятельности стажировочной площадки;
- осуществляют тьюторское сопровождение магистрантов (стажеров) [6; 7].

Стажировочная площадка обеспечивает презентацию собственного инновационного опыта путем организации различных форм социально-педагогического взаимодействия (конференции и видеоконференции, «круглые столы», семинары-практикумы, мастер-классы, консультирование, творческие мастерские и другие мероприятия).

По результатам работы стажировочной площадки проводится мониторинг. Мониторинг результатов реализации мероприятий стажировочной площадки организуется путем сбора, обработки, анализа статистиче-

ской, справочной и аналитической информации о результатах реализации мероприятий и оценки достигнутых результатов.

Технология учета сформированности в ходе реализации сетевого взаимодействия, компетенций будущих магистров в электронном портфолио предполагает соблюдение принципов использования портфолио развития [8]. Портфолио развития содержит различные работы обучающегося по определенной дисциплине, группе схожих дисциплин или все работы за определенный период, позволяет проследить динамику развития обучающегося, процесс формирования компетенций.

Портфолио должен включать все материалы, которые иллюстрируют достижения магистранта при изучении дисциплин модуля (как положительные, так и отрицательные). Это могут быть не только отчеты о проектах и решениях ситуационных задач, но и результаты письменных работ, черновики, т. е. вся информация, которая позволит охарактеризовать обучающегося и оценить уровень сформированности компетенций в сфере проектирования образовательного процесса в основной школе. Портфолио должен отражать все этапы обучения дисциплинам модуля, позволять контролировать процесс обучения, определять, насколько обучающийся владеет специальными теоретическими знаниями и практическими навыками, характеризовать его личностные качества и отношение к работе, тем самым позволяя оценить сформированность как когнитивной, так и личностной составляющих компетенций.

Организация теоретического обобщения итогов практической части изучаемого в процессе сетевого взаимодействия модуля предполагает задействование методов объяснения, сопоставления, формулировку выводов в соответствии с конкретными полученными заданиями по проектированию образовательной деятельности в основной школе.

Квалификационными требованиями к педагогу-супервизору базы практики являются:

- наличие высшего образования по профилю;
- наличие практического опыта деятельности (не менее 5 лет);
- повышение квалификации (за последние 3 года);

- наличие опыта подготовки участников олимпиад, конкурсов и т. д.;
- наличие опыта подготовки и организации олимпиад, конкурсов и т. д.;
- публикации за последние 3 года (по проблеме изучения).

Функциональными требованиями к педагогу-супервизору базы практики являются:

- разработка и согласование с координатором практики от университета учебно-методической документации (программа практики с указанием задач профессионального модуля и соотносимых с ними профессиональных компетенций и трудовых действий, содержание и планируемые результаты практики; формы оформления заданий по практике; контрольно-измерительные материалы по оценке сформированности профессиональных компетенций и трудовых действий и т. д.);
- знакомство практикантов с образовательной организацией;
- проведение инструктажа по охране труда и контроль за соблюдением правил техники безопасности и правил внутреннего распорядка, установленных в организации;
- составление совместно с обучающимся и координатором практики от университета индивидуального плана с поэтапным формированием профессиональных трудовых действий («смотрю – повторяю – делаю»);
- демонстрация профессиональных трудовых действий в соответствии с профессиональным стандартом педагога и содержанием модуля;
- обеспечение необходимых условий для формирования профессиональных компетенций и отработки профессиональных трудовых действий;
- регулярное консультирование практикантов по вопросам выполнения трудовых действий, предусмотренных программой практики и содержанием модуля;
- анализ и оценивание уровня сформированности трудового действия и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями профессионального стандарта и содержанием модуля;
- составление письменного отзыва о результатах практической подготовки обучающегося к выполнению профессиональных трудовых действий и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями

профессионального стандарта и содержанием модуля с качественной и количественной оценкой;

- внесение предложений по совершенствованию организации и содержания практической подготовки обучающихся.

Обязанности руководителя практики от УСП:

- обеспечение планирования, организации и учета результатов практики;
- контроль реализации плана-графика проведения практики;
- контроль выполнения сроков сдачи отчетных материалов по результатам прохождения практики;
- помощь в установлении связи со стажировочными площадками (базами практики), распределение магистрантов по местам практики;
- внесение предложений по совершенствованию организационно-содержательной составляющей практики;
- консультирование педагогов-супервизоров, учителей (воспитателей) и администрацию ОО – стажировочных площадок – по вопросам организации и содержания практики;
- анализ вместе с преподавателями дисциплин по предметам модуля отчетной документации магистрантов;
- организация подведения итогов практики;
- участие в обсуждении итоговой оценки по педагогической практике.

Модель углубленной профессионально-ориентированной практики студентов в рамках модуля «Проектирование образовательной деятельности в основной школе» предполагает:

- соответствие требованиям ФГОС ВО (ФГОС ВО 3+) и Профессионального стандарта [9–11];
- встроенный характер долгосрочной практической стажировки;
- усиление связи всех компонентов содержания подготовки с практическими профессиональными задачами.

В целом, разработанная модель претендует на:

- интеграцию результатов ФГОС ВО и Профессионального стандарта по схеме: функция – действие – компетенция (знание,

умение, владение) – обобщенный (интегрированный) результат;

- вариативность содержания;
- полноценную реализацию принципов сетевого взаимодействия.

Внедрение модели углубленной профессионально-ориентированной практики создаст предпосылки для формирования непрерывно развивающейся среды практики и позволяет целенаправленно разрабатывать и корректировать процесс индивидуального личностно-профессионального становления магистра, соответствующий современным вызовам, запросам и требованиям развития основного общего образования. Успешное воплощение модели в реалии современного образовательного процесса высшей школы возможно лишь при условии интеграции усилий всех сторон, заинтересованных в высокопрофессионально подготовленных к успешной работе выпускников университета: ППС вуза, руководителей и организаторов практики, сотрудников образовательных организаций, работодателей и магистрантов.

1. Социология образования. Труды по социологии образования. Т. 14. Вып. 24 / под ред. В.С. Собкина. М., 2010.
2. Шаршов И.А., Макарова Л.Н. Технология развития метакомпетенций аспирантов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 102-110.
3. Марголис А.А. Проблемы и перспективы развития педагогического образования в РФ // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 3. С. 41-57.
4. Марголис А.А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 3. С. 105-126.
5. Алисов Е.А. Современные ориентиры повышения эффективности реализации высшего педагогического образования // Педагогическое образование: вызовы XXI века: сборник научных статей 5 Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. / под общ. ред. Н.Е. Мажара. Смоленск, 2014. Т. 2. С. 184-187.

6. Рябинина Н.П. Технологии индивидуализации тьюторского сопровождения в педагогическом вузе. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Pedagogica/2_150019.doc.htm (дата обращения: 15.10.2014).
7. Ковалева Т.М., Кобыща Е.И., Попова (Смолик) С.Ю., Теров А.А., Чередилина М.Ю. Профессия «тьютор». Москва; Тверь, 2012.
8. Новикова Т.Г., Пинская М.А., Прутченков А.С., Федотова Е.Е. Портфолио в зарубежной образовательной практике // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 201-238.
9. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «магистр»): приказ Министерства образования и науки РФ от 14.01.2010 г. № 35 URL: http://umd.udsu.ru/FGOS_VPO/FGOS_fail/080500.htm (дата обращения: 15.10.2014).
10. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель): профессиональный стандарт. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/129> (дата обращения: 15.10.2014).
11. Ямбург Е.А. Зачем нужен профессиональный стандарт учителя? // Новая газета. 2012. 1 октября.

1. Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. T. 14. Vyp. 24 / pod red. V.S. Sobkina. M., 2010.
2. Sharshov I.A., Makarova L.N. Tekhnologiya razvitiya metakompetentsiy aspirantov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 9 (125). S. 102-110.
3. Margolis A.A. Problemy i perspektivy razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v RF // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2014. T. 19. № 3. S. 41-57.
4. Margolis A.A. Trebovaniya k modernizatsii osnovnykh professional'nykh obrazovatel'nykh programm (OPOP) podgotovki pedagogicheskikh kadrov v sootvetstvi s professional'nym standartom pedagoga: predlozheniya k realizatsii deyatel'nostnogo podkhoda v podgotovke pedagogicheskikh kadrov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2014. T. 19. № 3. S. 105-126.
5. Alisov E.A. Sovremennye orientiry povysheniya effektivnosti realizatsii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya // Pedagogicheskoe obrazovanie: vyzovy XXI veka: sbornik nauchnykh statey 5 Vserossiyskoy nauchno-

- prakticheskoy konferentsii: v 2 t. / pod obshch. red. N.E. Mazhara. Smolensk, 2014. T. 2. S. 184-187.
6. Ryabinina N.P. Tekhnologii individualizatsii t'yutorskogo soprovozhdeniya v pedagogicheskom vuze. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Pedagogica/2_150019.doc.htm (data obrashcheniya: 15.10.2014).
 7. Kovaleva T.M., Kobysheva E.I., Popova (Smolik) S.Yu., Terov A.A., Cheredilina M.Yu. Professiya «t'yutor». Moskva; Tver', 2012.
 8. Novikova T.G., Pinskaya M.A., Prutchenkov A.S., Fedotova E.E. Portfolio v zarubezhnoy obrazovatel'noy praktike // Voprosy obrazovaniya. 2004. № 3. S. 201-238.
 9. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050100 Pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikatsiya (stepen') "magistr"): prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 14.01.2010 g. № 35 URL: http://umd.udsu.ru/FGOS_VPO/FGOS_fail/080500.htm (data obrashcheniya: 15.10.2014).
 10. Pedagog (pedagogicheskaya deyatel'nost' v sfere doskol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya) (vospitatel', uchitel'): professional'nyy standart. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/129> (data obrashcheniya: 15.10.2014).
 11. Yamburg E.A. Zachem nuzhen professional'nyy standart uchitelya? // Novaya gazeta. 2012. 1 oktyabrya.

Поступила в редакцию 6.11.2014 г.

UDC 378.1

MODEL OF DEEPENED PRO-ORIENTED PRACTICE OF UNDERGRADUATES OF DIRECTION OF PREPARATION "PEDAGOGICAL EDUCATION" IN TERMS OF NET INTERACTION

Evgeny Anatolyevich ALISOV, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, Doctor of Education, Associate Professor, Theory and History of Pedagogy Department Professor, Theory and History of Pedagogy Department Head's Deputy at Scientific work, e-mail: evgenii.alisov@mail.ru

The experience of modeling of the profound professional practice of undergraduates of the direction of preparation "Pedagogical education" in the conditions of network interaction which is saved up at the Moscow city teacher training university is generalized. Conceptual aspects of modeling of the profound professional focused practice of undergraduates on the example of the educational module "Design of Educational Activity at the Main School" are characterized. The module corresponds to problems of development and approbation of programs of a professional (pedagogical) magistracy with the built-in long-term practical training in the educational organizations; strengthening of communication of all components of the content of preparation (subject, psychology and pedagogical, information and technical) with practical professional tasks of the teacher, formulated in the Concept of support of development (modernization) of pedagogical education. In the circumstances special relevance is gained by a problem of identification of key regulative, significant organizational aspects, valuable priorities of technological support of process of pedagogical education. This problem can't be considered solved – often attempts of designation of the factors defining efficiency of the organization of pedagogical education have unsystematic, eclectic character. However, importance of continuation of such researches doesn't raise doubts. In article relevance of model (on the basis of results of a preparatory stage of approbation), the purposes and tasks, structure and the contents, the principles and stages, realization conditions, personnel, material and information support of the professional focused practice in the conditions of network interaction is described. The model can serve as a reference point and a practical grant for all participants of preparation and carrying out the professional focused practice. With accumulation of new organizational experience in the course of realization of model entering into it of the necessary amendments aimed at improvement of quality of the professional focused practice of undergraduates of the direction of preparation "Pedagogical education" is possible.

Key words: pedagogical education; magistracy; network interaction; practice; model.

УДК 378

ЭВОЛЮЦИЯ И ВНЕДРЕНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС СТУДЕНТА В НАУКОЕМКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

© Александр Александрович СКВОРЦОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра информатики
и информационных технологий, e-mail: skvor_88@mail.ru

Рассматриваются основные этапы становления дистанционных образовательных технологий и информационно-коммуникационных средств, послужившие непрерывным источником создания и внедрения инноваций в образование и обучение. Представлены основные этапы эволюции информационно-коммуникационных технологий в обучении студентов. Первые этапы характеризуются развитием компьютерных коммуникаций и попытками внедрения их в образовательный процесс. Последующие этапы характеризуются бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, появлением термина «дистанционное обучение», происходит признание технологий дистанционного обучения на уровне государства. Современные этапы характеризуются обилием систем дистанционного обучения и систем контроля знаний, эволюция технологий изменила как методики обучения, так и содержание образования. Происходит активное использование ресурсов веб 2.0, развитие технологий общения в Сети, их ориентация на социальные потребности людей, использование их для обеспечения профессионально-ориентированного диалога в мировом информационном пространстве. Учебный процесс при дистанционном обучении студента включает в себя все основные формы традиционной организации учебного процесса. Показана интеграция этих форм в дистанционное обучение. Рассмотрены основные организационные формы педагогической деятельности, используемые для реализации совместных образовательных программ дистанционного обучения студентов в наукоемкой образовательной деятельности.

Ключевые слова: дистанционные технологии; инновации; образование; информационно-коммуникационные технологии.

В конце XX в. традиционная форма образования не могла удовлетворить возросшие потребности населения в образовании, поэтому стала зарождаться новая технология образования, которая получила название «дистанционная». В течение последних десятилетий дистанционное обучение стало глобальным явлением образовательной и информационной культуры, существенно повлияв на характер образования во многих странах мира. В данный момент во всем мире происходит развитие спектра образовательных услуг с использованием дистанционных образовательных технологий, характеризующихся огромным числом обучающихся, количеством вовлеченных образовательных учреждений, размерами и сложностью инфраструктуры, масштабами финансирования. Высокие темпы развития информационно-коммуникационных технологий в России и за рубежом привели к высокому спросу на специалистов, компетентных в области информатики и информационных технологий. Говоря о дистанционном образовании студентов в вузе, возникает необходимость рас-

смотрения вопросов развития дистанционных образовательных технологий и форм учебной деятельности.

1 этап (до 1992 г.). Появление персональных компьютеров и коммуникаций и первые попытки использования их в образовании [1]. Главной проблемой обучения студента в наукоемкой образовательной среде является отсутствие кадров и персональных компьютеров. Прототипом дистанционных технологий является созданная в 1989 г. в США система публичного телевидения (PBS TV). За рубежом с 1983 г. проводились исследования в области применения телекоммуникаций в образовании. Эти исследования были реализованы в форме телекоммуникационных проектов (международный проект «Campus 2000», культурологические «Театр», «Праздники и обычаи двух стран», узкопредметные проекты «Химический проект», «Советско-американский курс программирования»). Телекоммуникационные образовательные проекты были межпредметными.

2 этап (1993–1995 гг.). Бурное развитие информационно-коммуникационных средств

не способствует широкому обучению студентов в наукоёмкой образовательной среде. В.А. Каймин отмечает проблему освоения преподавателями новых технологий и средств [2].

Главной чертой данного этапа является появление специальных образовательных сетей за рубежом. В нашей стране в 1992–1995 гг. развитие компьютерных образовательных сетей происходило в Москве и Санкт-Петербурге, в крупных городах Сибири, Урала и Алтая, юга и центрального региона России. Бурное развитие информационно-коммуникационных средств еще не приводит к системным решениям, скорее это отдельные флуктуации. Для данного периода характерны отсутствие технологий цифровой связи и преобладание технологии, позволяющей в штатном режиме работать только с электронной почтой.

В Москве в 1994 г. прошла Первая Международная конференция по дистанционному обучению «Дистанционное обучение и новые технологии в образовании» [3, с. 36]. На проведенной конференции поднимались вопросы создания системы использования компьютерных сетей и реализации связи между студентом и преподавателем. Конференция определила две главные проблемы: создание образовательных сетей, их установки и организации центра по развитию системы ДО в России.

3 этап (1996–1998 гг.). В научном сообществе устойчиво заняла свою нишу новая терминология. Дистанционное обучение – чаще всего, обучение на расстоянии, основанное на использовании информационных технологий. ДО позволяет реализовать индивидуализированную технологию обучения, удовлетворить потребность в образовательных услугах в том режиме, в котором это наиболее удобно и комфортно обучаемому [4]. В 1997 г. запускается Международный пилотный проект ДО в области информатики и электронной коммерции, организуемый Международной академией информатизации [5].

Такие ученые, как Е.С. Полат, А.А. Андреев, А.Ю. Уваров, Ю.А. Первин, А.В. Хуторской дают определения дистанционного обучения, сравнивают дистантное и дистанционное обучение. Исходя из этих определений за рабочее можно принять следующее: «дистанционное обучение – это обучение на

расстоянии, с использованием информационно-коммуникационных технологий» [6–9].

4 этап (1998–2002 гг.). На данном этапе рассматриваются новые задачи и необходимость повышения уровня освоения технологий использования и построения информационных систем и их структурной основы – баз данных и интернет-программирования. В данный период начинается активное внедрение дистанционных образовательных технологий в российских вузах в рамках Всемирного распределенного университета, созданного при Академии информатизации в ноябре 1997 г. и имеющего распределенную структуру, состоящую из международных институтов, факультетов, центров, кафедр и лабораторий, расположенных в различных городах России, Казахстана, Бельгии и других странах мира. Базовой структурой во всех отделениях Распределенного университета являются факультеты информатики и телекоммуникационных технологий. Данный проект стал «вторым дыханием», активизировалась работа по использованию новых технологий в ДО в сети Интернет [10].

В материалах Международной научной конференции «Интеллектуальные технологии и ДО на рубеже XXI в.» можно отметить следующие рассмотренные темы: контроль знаний в системе ДО, реализация электронных тьюторов, создание тезауруса знаний, развитие дистанционного обучения в сфере профессионального образования. К 1999 г. можно найти много примеров различных курсов, в т. ч. мультимедийных, для системы дистанционного обучения.

На данном этапе формируются новые требования к знаниям преподавателя информатики, появляется необходимость повышения уровня освоения технологии использования и построения информационных систем и их структурной основы – баз данных, интернет-программирования.

5 этап (2002–2005 гг.). Развитие новых средств коммуникаций, как глобальных (Интернет), так и локальных (Интранет) информационных систем, повышающих эффективность образовательного процесса за счет использования в образовании информационных и телекоммуникационных технологий [11].

На данном этапе акцентируется проблема использования технологий ДО в образовании с помощью информационных и теле-

коммуникационных технологий при опосредованном или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника. В то же время, в условиях быстрого темпа развития техники и прикладных программных продуктов профессиональное становление будущих информатиков в вузе требует построения системы подготовки специалистов в области информатики.

6 этап (2005–2007 гг.). Период характеризуется обилием систем ДО и систем контроля знаний, многие из них представляют собой простейшие тестовые системы и изложение учебного материала в виде статического гипертекста или архива документов. Студент не имеет контакта с преподавателем или составителем курса, не имеет возможности создать структуру изучения предложенного материала согласно уровню знаний [12; 13].

В начале XXI в. технические средства изменились, начали широко применяться мобильные информационные технологии. Большинство цифровых устройств минимизировались, «поумнели» и стали повседневной составляющей многих людей: ноутбуки, смартфоны и т. д. Эти устройства позволяют работать как с локальными приложениями, так и в сети Интернет.

7 этап (2007–2012 гг.). Данный период характеризуется высоким уровнем развития информационных и коммуникационных технологий. Широко применяются системы ДО специалистов различного направления. Новым фактором развития систем ДО стало бурное развитие технологий «веб 2.0» [14; 15]. Обучаемый становится не просто пассивным «потребителем» образовательных услуг, а активным, деятельным участником учебного процесса. Исследования этого этапа направлены на разработки методик использования различных технологий «веб 2.0» в учебном процессе, в т. ч. и дистанционном обучении. Произошли значительные изменения в предоставляемых ресурсах Сети: появились социальные сети, открытые энциклопедии, блоги и сетевые сервисы. Данные ресурсы выполняли ряд функций: коммуникативную, образовательную, развлекательную. Сетевые технологии позволяли использовать текстовые, графические и мультимедийные ресурсы, появилась необходимость хранения данных в Сети. Главной особенностью

большинства публикуемых материалов стала возможность их комментирования пользователями, что является одной из особенностей ресурсов «поколения веб 2.0». Остается открытой проблема организации учебного процесса, связанная с разработкой методик использования информационных технологий в учебном процессе.

Существенные изменения в нормативно-правовом регулировании дистанционного обучения произошли в 2012 г., когда 11 марта вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Закон РФ «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий».

8 этап (2012–2014 гг.). Информационно-коммуникационные технологии и техника имеют высокий уровень развития, что позволяет увеличить уровень эффективности обучения. Мобильные устройства делают обучение доступным и непрерывным [16]. На данном этапе формируется концепция «обучение в любое время в любом месте», развитие «облачных» технологий для формирования и наполнения систем открытого образования.

Смена этапов характеризовалась изменениями с позиций использования ресурсов ИКТ – новые ресурсы и технологии начинали активно использоваться на каждом новом этапе. С позиций организации обучения в системе открытого образования наблюдалась тенденция институционализации системы дистанционного обучения – появление соответствующих подразделений в структурах вузов, центров дистанционного обучения, «представительств» университетов, работающих на основе технологий дистанционного обучения; появление университетов открытого типа – университетов дистанционного обучения и открытого образования. С позиций осмысления педагогическим сообществом наблюдалась тенденция цикличности: осмысление частно-методических вопросов, общедидактических и теории дистанционного обучения и, наконец, методологии дистанционного обучения [17].

Интеграция дистанционных образовательных технологий в учебный процесс. Учебные занятия, как правило, проводятся в виде лекций, консультаций, семинаров, практических занятий, лабораторных работ, контрольных и самостоятельных работ, коллок-

виумов и т. д. Технологии проведения учебных занятий определяются многими факторами. С точки зрения управления образовательным процессом, выбор технологий определяется преподавателем вуза. Тем не менее, набор дидактических средств, выбираемых для достижения образовательной цели, во многом зависит от формы обучения.

Учебный процесс при дистанционном обучении студента включает в себя все основные формы традиционной организации учебного процесса: лекции, семинарские и практические занятия, лабораторный практикум, систему контроля, исследовательскую и самостоятельную работу студентов. Все эти формы организации учебного процесса позволяют осуществить на практике гибкое сочетание самостоятельной познавательной деятельности студентов с различными источниками информации, оперативного и систематического взаимодействия с ведущим преподавателем курса и групповую работу студентов.

Рассмотрим основные организационные формы педагогической деятельности, используемые для реализации совместных образовательных программ дистанционного обучения.

Лекция. На протяжении всей истории высшей школы – с момента зарождения до наших дней – ведущей организационной формой обучения является лекция. Главное назначение лекции – обеспечить теоретическую основу обучения, развить интерес к учебной деятельности и конкретной учебной дисциплине, сформировать у студентов ориентиры для самостоятельной работы над курсом.

Рассмотрим более подробно организацию учебной деятельности проведения лекций в реальном режиме времени (рис. 1). Во многих образовательных стандартах учебная лекция определена как логически завершённое, научно обоснованное изложение определённого научного или научно-методического вопроса средствами наглядности и демонстрацией опытов.

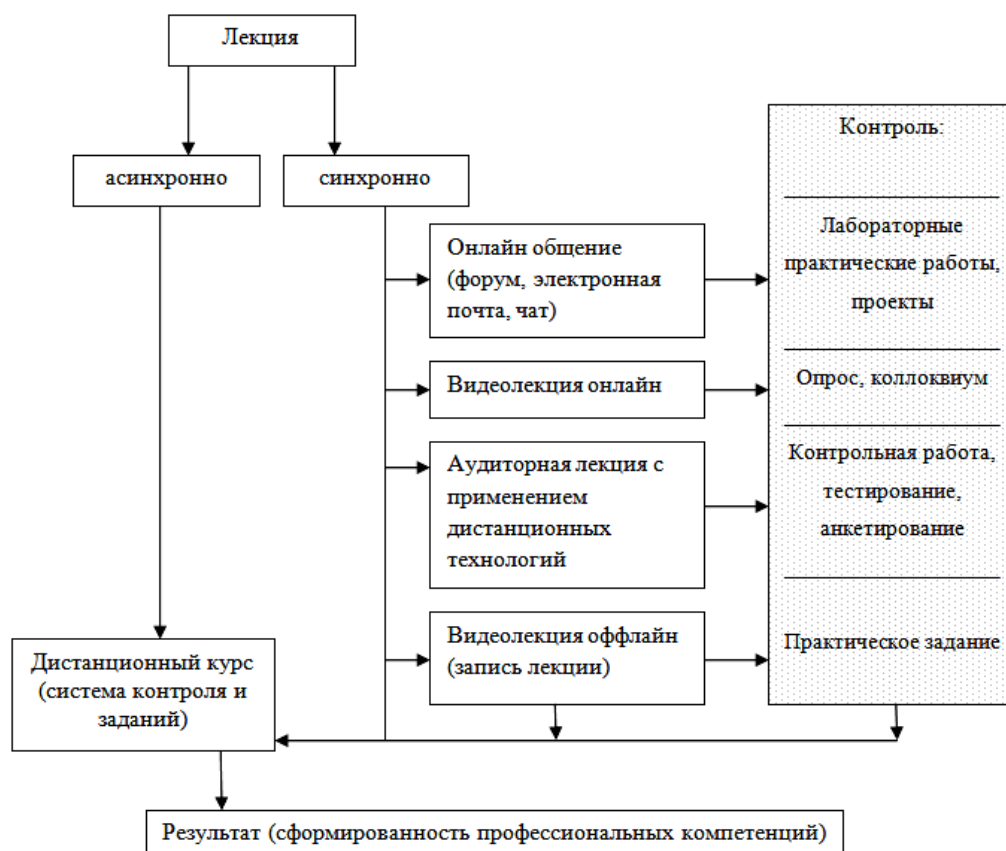

Рис. 1. Организация учебной деятельности проведения лекций

Практическая работа. Практическая работа предназначена для углубленного изучения дисциплины. В процессе данной работы идет осмысление теоретического материала, формируется умение убедительно формулировать собственную точку зрения, приобретаются навыки профессиональной деятельности. Рассмотрим более подробно организацию практической работы студента в системе дистанционного обучения (рис. 2).

Лабораторная работа. Лабораторные работы позволяют объединить теоретико-методологические знания и практические навыки обучающихся в процессе научно-исследовательской деятельности. Лабораторная работа как организационная форма учебной деятельности при дистанционном обучении предполагает усиление роли преподавателя

по консультационному и контролирующему сопровождению учебно-познавательной деятельности студентов, а также увеличение самостоятельной работы студентов.

Семинар. Одной из основных организационных форм учебной деятельности являются семинарские занятия, которые формируют исследовательский подход к изучению учебного и научного материала. Эффективность сетевых семинаров определяется условиями и технологиями их проведения, которые несколько усложняются по сравнению с традиционным аудиторным семинарским занятием. Основным этапом проведения сетевого семинара включает непосредственное общение между студентами и преподавателем, организованное в Сети в режиме онлайн.

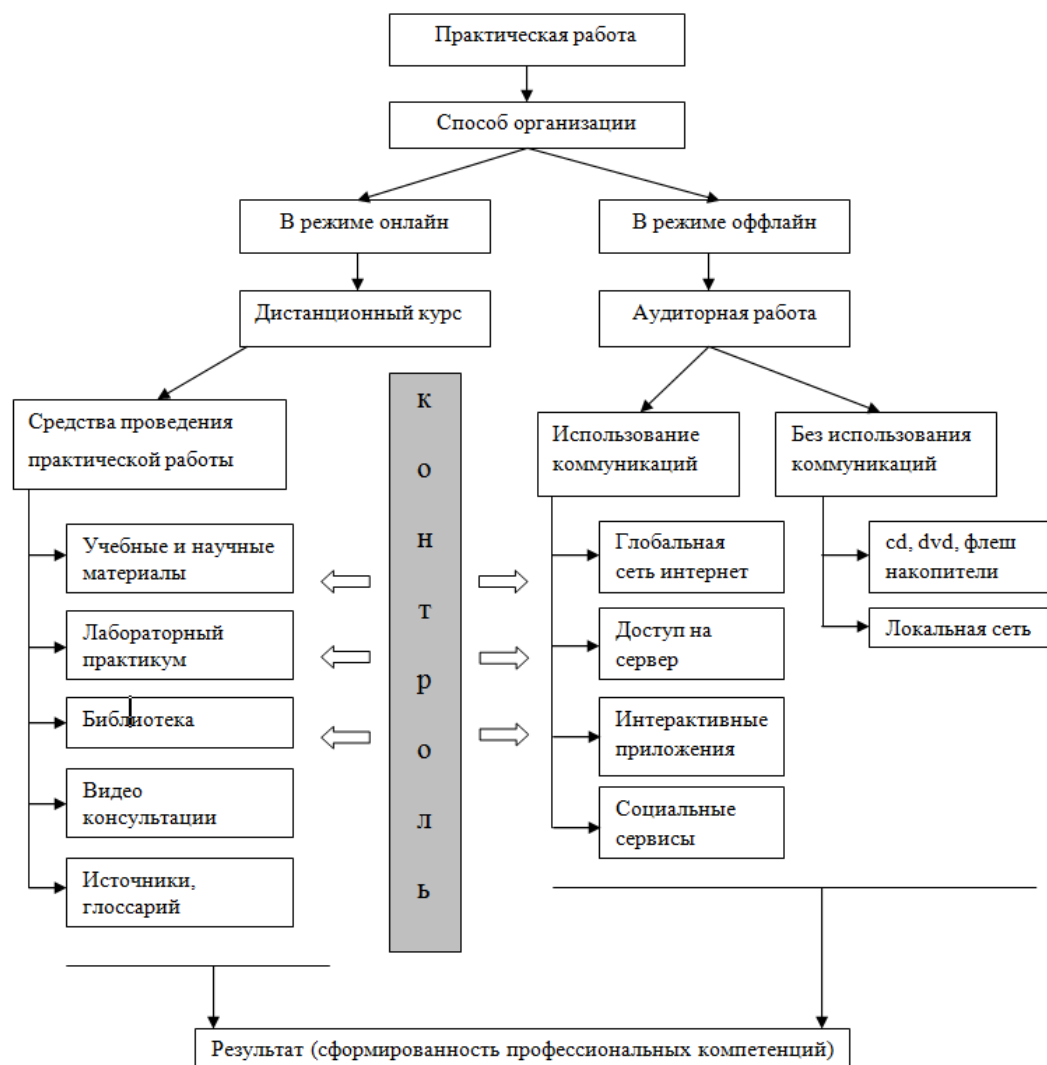

Рис. 2. Организация практической работы студента

Консультация. При дистанционном обучении, предполагающем увеличение объема самостоятельной работы студентов, возрастает необходимость организации постоянной поддержки учебного процесса со стороны преподавателей. При дистанционном обучении могут быть организованы оффлайн консультации, которые проводятся преподавателем курса с помощью электронной почты, форума или посредством личных сообщений; онлайн консультации, проводимые преподавателем курса в режиме реального времени с помощью видеоконференций, аудиосвязи, чатов.

Контроль качества знаний. Основу образовательного процесса при дистанционном обучении составляет контролируемая самостоятельная деятельность обучающихся по изучению дистанционных курсов. Управление любым процессом предполагает осуществление контроля его качества, который крайне необходим для успешного протекания педагогического процесса. Вопросы обеспечения качества образования при обучении с использованием дистанционных образовательных технологий являются актуальными на современном этапе развития системы образования [18].

Самостоятельная работа. Самостоятельная работа обучающихся, включаемая в про-

цессе обучения, – это такая работа, которая выполняется без непосредственного участия преподавателя, но по его заданию в специально предоставленное для этого время.

Научно-исследовательская работа. Научно-исследовательские работы – работы научного характера, связанные с научным поиском, проведением исследований в целях расширения имеющихся и получения новых знаний, проверки научных гипотез, установления закономерностей, проявляющихся в природе и в обществе, научных обобщений и научного обоснования проектов.

Проектная работа. Проектная работа является важным элементом при организации учебного процесса студентов в системе дистанционного обучения. Проектная работа позволяет работать в группе, размер группы зависит от сложности проекта и времени на его исполнение, что способствует развитию коллективного интеллекта.

Творческие проекты предполагают максимальную степень свободы студентов. Реализация творческих проектов позволяет максимально раскрыть творческие возможности студентов и стимулировать их научно-исследовательскую работу. Рассмотрим более подробно организацию проектной работы студента в системе дистанционного обучения (рис. 3).

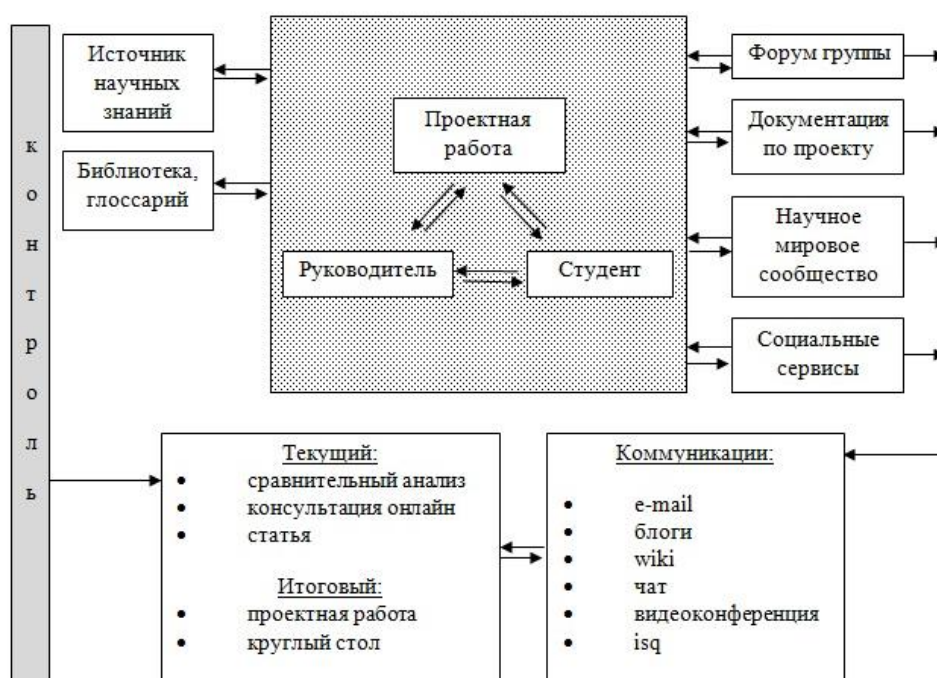

Рис. 3. Организация проектной работы студента с применением дистанционных образовательных ресурсов

Исследовательская работа. Исследовательская работа отличается наличием четко поставленных актуальных и значимых для участников целей, продуманной и обоснованной структуры, использования научных методов обработки и оформления результатов. Тематика исследовательских проектов должна отражать наиболее актуальные для современной науки проблемы, учитывать их актуальность и значимость для развития исследовательских навыков студентов.

Коммуникационная работа. Задача коммуникационной работы – обеспечение процесса общения всех участников одного совместного проекта как внутри группы, так и с внешними партнерами. Механизмы общения в системе интегрируют общение в традиционных системах обучения, общение на базе компьютерных коммуникаций, а также общение с бизнес-сообществом и научным мировым сообществом.

Итак, за период своего развития технология дистанционного обучения прошла несколько этапов. Содержание и средства каждого из них в целом успешно реализуются в самых различных формах современного дистанционного обучения. Учебный процесс при дистанционном обучении студента включает в себя все основные формы традиционной организации учебного процесса: лекции, семинарские и практические занятия, лабораторный практикум, систему контроля, исследовательскую и самостоятельную работу студентов. Все эти формы организации учебного процесса позволяют осуществить на практике гибкое сочетание самостоятельной познавательной деятельности студентов с различными источниками информации, оперативного и систематического взаимодействия с ведущим преподавателем курса и групповую работу студентов.

1. Уваров А.Ю. Компьютерные коммуникации в учебном процессе // Педагогическая информатика. 1993. № 1. С. 12-20.
2. Каймин В.А. Дистанционное обучение и сертификация преподавателей информатики // Информационные технологии в образовании: материалы 3 Международной конференции-выставки. Секция D. М., 1994. URL: <http://ito.edu.ru/1994/d/d-0-099.html> (дата обращения: 1.10.2014).
3. Николаев В.И., Тарараев Д.А. Первая международная конференция по дистанционному обучению в России // Специалист. 1994. № 10.
4. Вислобокова М.В. Использование средств дистанционного обучения в качестве инструментов познания // Информационные технологии в образовании: материалы 6 Международной конференции-выставки. Секция С. М., 1997. URL: <http://ito.su/1997/C/C104.html> (дата обращения: 1.10.2014).
5. Кудрявцев В.Л. Информационные образовательные технологии и их использование при дистанционных формах обучения // Информационные технологии в образовании: материалы 7 Международной конференции-выставки. Секция 3. М., 1998. URL: <http://ito.edu.ru/1998/3/KUDR1.html> (дата обращения: 1.10.2014).
6. Дистанционное обучение / под ред. Е.С. Полат. М., 1998.
7. Уваров А.Ю. Компьютерная коммуникация в современном образовании // Информатика и образование. 1998. № 4. С. 65-77.
8. Первин Ю.А. Модель дистанционного обучения, встроенного в текущий учебный процесс // Информационные технологии в образовании: материалы 9 Международной конференции-выставки. Секция 3. М., 1999. URL: <http://ito.edu.ru/1999/III/2/33258.html> (дата обращения: 1.10.2014).
9. Хуторской А. Дистанционное обучение и его технологии // Компьютерра. 2002. № 36. С. 26-30.
10. Яшин А.М., Смолянинова О.Г. Использование локальных сетевых ресурсов при обучении будущих учителей информатики информационным системам и базам данных // Информационные технологии в образовании: материалы 10 Международной конференции-выставки. Секция 3. М., 2000. URL: <http://ito.edu.ru/2000/III/2/255.html> (дата обращения: 1.10.2014).
11. Никитина Е.Ю. Опыт дистанционного преподавания информатики студентам гуманитарных отделений вузов // Информационные технологии в образовании: материалы 12 Международной конференции-выставки. Секция 3. М., 2002. URL: <http://ito.edu.ru/2002/III/2/III-2-804.html> (дата обращения: 1.10.2014).
12. Березин Н.А. Система дистанционного обучения и контроля знаний в области программирования и информатики // Информационные технологии в образовании: материалы 17 конференции-выставки. Секция 3. М., 2007. URL: <http://ito.edu.ru/2007/Moscow/III/2/III-2-7043.html> (дата обращения: 1.10.2014).
13. Kuiper K., McMurtrie C., Ronald G. E-lectures within an integrated multimedia course design //

- J. of Open, Flexible and Distance Learning. 2005. Vol. 9. № 1. P. 37-45.
14. *Мирзабекова О.В., Хохлов А.В.* Использование возможностей веб-технологий для дистанционного обучения теоретической механике студентов технических вузов // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия Управление, вычислительная техника и информатика. 2013. № 2. С. 203-208.
 15. *Сергеев А.Н.* Профессиональная подготовка будущих учителей в контексте обучения в сетевых сообществах Интернета // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 89-94.
 16. *Koole M., Janice L., McQuilkin, Mohamed Ally.* Mobile Learning in Distance Education: Utility or Futility? // International Journal of E-Learning & Distance Education. 2010. Vol. 24. № 2. P. 59-82.
 17. *Чванова М.С., Храмова М.В.* Факторы перехода дистанционных технологий подготовки специалистов на новый уровень развития // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 5 (85). С. 222-235.
 18. *Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Мусеева М.В.* Теория и практика дистанционного обучения / под ред. Е.С. Полат. М., 2004.
 1. *Uvarov A.Yu.* Komp'yuternye kommunikatsii v uchebnom protsesse // Pedagogicheskaya informatika. 1993. № 1. S. 12-20.
 2. *Kaymin V.A.* Distantionnoe obuchenie i sertifikatsiya prepodavateley informatiki // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 3 Mezhdunarodnoy konferentsii-vystavki. Sektsiya D. M., 1994. URL: <http://ito.edu.ru/1994/d/d-0-099.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 3. *Nikolaev V.I., Tararaev D.A.* Pervaya mezhdunarodnaya konferentsiya po distantionnomu obucheniyu v Rossii // Spetsialist. 1994. № 10.
 4. *Vislobokova M.V.* Ispol'zovanie sredstv distantionnogo obucheniya v kachestve instrumentov poznaniya // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 6 Mezhdunarodnoy konferentsii-vystavki. Sektsiya C. M., 1997. URL: <http://ito.su/1997/C/C104.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 5. *Kudryavtsev V.L.* Informatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii i ikh ispol'zovanie pri distantionnykh formakh obucheniya // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 7 Mezhdunarodnoy konferentsii-vystavki. Sektsiya 3. M., 1998. URL: <http://ito.edu.ru/1998/3/KUDR1.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 6. Distantionnoe obuchenie / pod red. E.S. Polat. M., 1998.
 7. *Uvarov A.Yu.* Komp'yuternaya kommunikatsiya v sovremennom obrazovanii // Informatika i obrazovanie. 1998. № 4. S. 65-77.
 8. *Pervin Yu.A.* Model' distantionnogo obucheniya, vstroennogo v tekushchiy uchebnyy protsess // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 9 Mezhdunarodnoy konferentsii-vystavki. Sektsiya 3. M., 1999. URL: <http://ito.edu.ru/1999/III/2/33258.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 9. *Khutorskoy A.* Distantionnoe obuchenie i ego tekhnologii // Komp'yuterra. 2002. № 36. S. 26-30.
 10. *Yashin A.M., Smolyaninova O.G.* Ispol'zovanie lokal'nykh setevykh resursov pri obuchenii budushchikh uchiteley informatiki informatsionnym sistemam i bazam dannykh // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 10 Mezhdunarodnoy konferentsii-vystavki. Sektsiya 3. M., 2000. URL: <http://ito.edu.ru/2000/III/2/255.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 11. *Nikitina E.Yu.* Opyt distantionnogo prepodavaniya informatiki studentam gumanitarnykh otdeleniy vuzov // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 12 Mezhdunarodnoy konferentsii-vystavki. Sektsiya 3. M., 2002. URL: <http://ito.edu.ru/2002/III/2/III-2-804.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 12. *Berezin N.A.* Sistema distantionnogo obucheniya i kontrolya znaniy v oblasti programmirovaniya i informatiki // Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: materialy 17 konferentsii-vystavki. Sektsiya 3. M., 2007. URL: <http://ito.edu.ru/2007/Moscow/III/2/III-2-7043.html> (data obrashcheniya: 1.10.2014).
 13. *Kuiper K., McMurtrie C., Ronald G.* E-lectures within an integrated multimedia course design // J. of Open, Flexible and Distance Learning. 2005. Vol. 9. № 1. P. 37-45.
 14. *Mirzabekova O.V., Khokhlov A.V.* Ispol'zovanie vozmozhnostey veb-tekhnologiy dlya distantionnogo obucheniya teoreticheskoy mekhanike studentov tekhnicheskikh vuzov // Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika. 2013. № 2. S. 203-208.
 15. *Sergeev A.N.* Professional'naya podgotovka budushchikh uchiteley v kontekste obucheniya v setevykh soobshchestvakh Interneta // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo

- pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 1. S. 89-94.
16. Koole M., Janice L., McQuilkin, Mohamed Ally. Mobile Learning in Distance Education: Utility or Futility? // International Journal of E-Learning & Distance Education. 2010. Vol. 24. № 2. P. 59-82.
17. Chvanova M.S., Khramova M.V. Faktory perekhoda distantsionnykh tekhnologiy podgotovki spetsialistov na novyy uroven' razvitiya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2010. Vyp. 5 (85). S. 222-235.
18. Polat E.S., Bukharkina M.Yu., Moiseeva M.V. Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya / pod red. E.S. Polat. M., 2004.
- Поступила в редакцию 22.10.2014 г.

UDC 378

EVOLUTION AND IMPLEMENTATION OF REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES TO THE EDUCATIONAL PROCESS OF A STUDENT IN THE KNOWLEDGE-BASED EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Aleksandr Aleksandrovich SKVORTSOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Informatics and Information Technologies Department, e-mail: skvor_88@mail.ru

The basic stages of becoming of distant educational technologies and information and communicational means are reviewed which became uninterrupted source of creating and implementation of the innovations in education and studying process. The basic stages of evolution of information and communicational in technologies of teaching students were presented. The first stages are characterized by the development of computer communications and the attempts of implementing them into the educational process. The next stages are characterized by rough development of information and communicational technologies, the appearance of the term "distant education", the recognition of technologies of distant education at the level of the state happens. Contemporary stages are characterized by the great amount of systems of distant education and the systems of control of knowledge, the evolution of technologies changed both the methods of education and the content of education. The active usage of Web sources 2.0, the development of communication technologies on the web happens, their orientation on social needs of people, their usage for providing professionally oriented dialogue in the world informational space. The educational process at a distant education of the student includes all the main forms of traditional organization of the educational process. The integration of these forms is shown in distant education. The main organizational forms of educational activity used for realization of cooperate educational programs of distant education in knowledge-based educational activity were examined.

Key words: distant technologies; innovations; education; information and communicational technologies.

УДК 376.1

АКТУАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОБОСНОВАНИЕ

© Андрей Юрьевич КУРИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и методики дошкольного
и начального образования, e-mail: kurinandrey@mail.ru

© Андрей Николаевич ПОПОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра социальной работы,
ювенологии и управления в социальной сфере, e-mail: festralbeta@gmail.com

Дан анализ понятий «компетентность», «компетенция», «информационная компетенция», «информационная компетенция социального работника» с позиций исследователей С.И. Ожегова, В.Г. Зарубина, Н.И. Алмазовой, В.С. Леднева, М.В. Рыжакова, В.В. Краевского, А.Л. Семенова. Обосновывается актуальность формирования информационной компетенции социального работника в процессе его обучения в вузе. Отражены конкретные аспекты проблемы информатизации общества, а также интерес исследователей, занимающихся данной проблематикой. Рассмотрены подходы к анализу понятий, их соотношения, выделено общее и частное, сходство и различия. Определено значение информационных технологий и важность формирования информационной компетенции для будущего социального работника и для социальной сферы вообще, на этой основе дано определение информационной компетенции социального работника в вузе, обозначена актуальность работы в этом направлении. Отмечается, что информационная компетенция социального работника образуется из совокупности знаний и умений, развитие и формирование которых представляют собой многоуровневую систему, в которой главным звеном выступает деятельностная составляющая. Информационная компетенция социального работника рассматривается как сложное системное образование, включающее в себя комплекс знаний о современных информационных технологиях и принципах их использования в образовательном процессе вуза и в будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: компетентность; информационная компетенция; информационная компетенция социального работника; социальная работа; информационные технологии.

Происходящие изменения в системе образования России постепенно и последовательно приводят к изменению структуры и характера образования, влияя в первую очередь на его цель, направленность и содержание, что дает понять, что современное образование в определенной степени направлено на развитие и поддержку человека в процессе его обучения, поднятие его творческих амбиций, инициативности, самостоятельности, саморазвития, тем самым повысив конкурентоспособность будущих профессионалов. Данные изменения нашли свое отражение в таких нормативных документах, как ФЗ «Об образовании в РФ», документе «О приоритетных направлениях развития образовательной системы РФ», а также различных стратегиях и концепциях, которые, по сути, отражают все те изменения, которые присущи современной системе образования [1].

В мире, где информация становится главным звеном любого процесса, а информационные технологии становятся доступными большинству людей, возрастает требование не быть специалистом узкой направленности, а быть готовым к постоянному росту, способным к самообразованию, иметь возможность переключаться с одного вида деятельности на другой. В данном случае образование как особый социокультурный институт должно подготовить учащихся к творческой деятельности, саморазвитию, инициативе, научить принимать обоснованные решения на основе полученной информации. Все это очень востребовано в условиях века информационных технологий и информационного общества, главной ценностью в котором является способность ориентироваться в информационном пространстве, умение совершать полный набор операций с информацией. Ставя во внимание все эти

факторы, можно сказать о том, что одной из ключевых компетенций выпускника вуза является информационная компетенция.

В Национальной доктрине образования до 2015 г. отмечается, что нынешний алгоритм образования призван обеспечить подготовку высокообразованных и высококвалифицированных бакалавров, магистров, способных к постоянному самосовершенствованию, профессиональному росту в условиях информатизации общества и развития новых информационных технологий. Следует заметить, что эти процессы имеют информационную природу, и, как следствие, развитие и формирование *информационной компетенции* студентов вуза является ключевой задачей и одновременно проблемой высшего образования.

Комплекс государственных преобразований, условия информатизации общества определяют востребованность специалистов социальной работы, которые обладают высоким уровнем профессиональной компетенции, комплексом знаний в области информационных технологий, быстрой реакцией на социальные изменения, умением адаптироваться к инновациям, коммуникабельностью и эффективностью в решении задач в нестандартных ситуациях. Все это говорит о необходимости формирования информационной компетенции специалиста социальной сферы в условиях вуза, что определяет предпосылку развития профессионала нового поколения, использующего в своей деятельности и в работе с клиентом современные информационные технологии.

Говоря о значимости информационной компетенции в призме современного образовательного пространства, отмечаем то, что она представляет собой часть общего процесса информатизации, являющегося по своему роду «объективным процессом», и ее развитие неразрывно связано с процессом информатизации образования. Из этого следует, что термин *информационная компетенция* с каждым годом все чаще становится предметом педагогических исследований. Если рассматривать понятие *компетенция*, то определений на этот счет в научной среде существует огромное множество. В общем смысле мы обозначаем ее как некое изначально заданное требование к образованию и соответствующей подготовке будущего спе-

циалиста, необходимое для качественного выполнения им своих профессиональных обязанностей. Если же взять понятие «*информационная компетенция*», то ее определений не так много, и связывают ее с определенной специальностью или конкретным исследованием.

Анализ отечественной литературы (В.И. Жуков, М.В. Фирсов, Е.И. Холостова и др.) показывает, что в практике социальной работы практически не описан такой феномен, как информационная компетенция будущего социального работника. На современном этапе развития социальной сферы данный вопрос требует глубокого осмысления, анализа научных подходов, характерных для социальной работы в период активного развития информационных технологий [2].

Проанализируем понятия «компетенция», «компетентность», «информационная компетенция» и сформулируем определение информационной компетенции социального работника в порядке от общего к частному.

Чтобы разобраться, что такое компетентность и что такое компетенция, нужно, прежде всего, сказать, что в современной науке существует огромное количество подходов на этот счет.

В иностранных словарях и словаре русского языка С.И. Ожегова термин «компетентность» или «компетентный» рассматривается как знающий, осведомленный знаток в определенной области, имеющий право и возможность делать выводы и судить, полагаясь на свои знания о ком или о чем-либо. С.И. Ожегов определяет компетенцию как определенную область или круг вопросов, в которых человек хорошо разбирается и осведомлен, а также поле его полномочий и прав [3]. В толковом словаре Д.И. Ушакова начинают проявляться различия между компетентностью и компетенцией: «первое – это осведомленность, влияние; последнее – круг вопросов, явлений, в рамках которых индивид обладает авторитетностью, знанием, опытом, спектром полномочий».

Интересно высказывание отечественного социолога и ученого В.Г. Зарубина, который трактует компетентность как «лично-интегрированный результат, включающий в себя деятельностные, поведенческие характерные черты: готовность и направленность на практическую, грамотную, мотивационно-

ценностную и когнитивно-обеспеченную деятельность в профессиональной сфере» [4, с. 18]. Именно это осмысление компетентности соединяет и раскрывает понятие «компетенция». Опираясь на высказывание ученого, мы понимаем смысл понятия «компетенция», как определенный круг обязанностей, выполняемых конкретным человеком в своей деятельности, с помощью которых у него появляется возможность проявить свою компетентность. Иными словами, компетентность – это степень показателя того, насколько хорошо или негативно человек выполняет свою деятельность. В.Г. Зарубин отмечает, что компетентность индивидуальна, у разных людей «своя» компетентность, исходя из этого он констатирует, выделяя в трактовке компетентности двоякую направленность, личностную и результативную (последнее выражается в форме результата, которого добился человек). Занимаясь различными видами деятельности, человек в определенной степени имеет шанс проявить себя, и когда ему это удастся, благодаря неким личным успехам, усердию, направленности на результат, то тогда можно говорить о том, что именно в этом и проявляется его компетентность. Подводя небольшой итог из данного определения, мы можем отметить, что четко прослеживаются составляющие компетентности – это практика, опыт, умения и знания, а также индивидуальные ценности личности. Именно совокупность этих характеристик дает возможность человеку быть профессионалом в своей области и выполнять все на должном уровне, т. е. быть компетентным.

В педагогике и не только в последние годы все больше внимания уделяется разведению понятий «компетенция» и «компетентность», установлению границ между ними, а также выявлению их сущности и соотношений. Н.И. Алмазова говорит о компетенциях как об определенном круге знаний и умений в различных сферах человеческой деятельности, а компетентность – это продуктивное использование компетенций в деятельности [5]. Применительно к западным исследователям и некоторым отечественным авторам, таким как В.С. Леднев, М.В. Рыжков, нет четкого разделения данных понятий, для них это тождественные понятия. Тем не менее большинство исследователей опреде-

ляют различия между ними. Интересны работы С.В. Тришиной и А.В. Хуторского, которые четко различают понятия «компетенция» и «компетентность». А.В. Хуторский определяет компетентность как качество личности, владение человеком определенной компетенцией. Компетенция – совокупность знаний, умений, навыков, способов деятельности, т. е. компонентного содержания образования, обязательных для продуктивного осуществления деятельности применительно к определенному кругу предметов и процессов [6].

Таким образом, компетенцию мы понимаем как некое изначально заданное требование к образованию и соответствующей подготовке специалиста, необходимое для качественного выполнения им своих профессиональных обязанностей, а компетентность – владение соответствующей компетенцией, включающее личностное отношение к ней и предмету деятельности.

Переходя к информационной компетенции, следует сказать, что в отличие от понятий «компетенция» и «компетентность» термин «информационная компетенция» изучен не так сильно и связывают ее, как правило, с определенной специальностью или с конкретным исследованием.

В статье Е.П. Белана информационная компетенция обозначается как умение использовать саму информацию, а не ее средства. Автор полагает, что в социуме знания являются важной частью умения находить необходимую информацию, оценивать, анализировать и обрабатывать ее [7]. В.В. Краевский, наоборот, считает, что умение использовать новейшие средства информации, средства информационных технологий, умение пользоваться этой информацией, обрабатывать и оценивать ее определяют информационную компетенцию.

Другие авторы также по-своему трактуют информационную компетенцию. Это:

- обладание знаниями, умениями, навыками и опытом их использования при решении определенного круга социально-профессиональных задач средствами новых информационных технологий, а также умение совершенствовать свои знания и опыт в профессиональной области (А.Н. Завьялов);
- «новая грамотность», включающая умения активно и самостоятельно использо-

вать информацию человеком, навыки принятия новых решений в сложных ситуациях с использованием технических средств (А.Л. Семенов);

– владение современными информационными технологиями, понимание их роли и применения в образовательном процессе (М.Н. Евстигнеев).

Мы придерживаемся определения, данного О.Б. Зайцевой, характеризующей информационную компетенцию как «сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции теоретических знаний, практических умений в области инновационных технологий и определенного набора личностных качеств» [8, с. 14].

В исследованиях по компьютерной компетентности социального работника информационная компетенция трактуется как способность использовать широкий диапазон информационно-коммуникационных технологий в процессе их подготовки и будущей профессиональной деятельности [9–11].

Следует подчеркнуть, что данные определения сделаны исследователями из разных областей научного знания, тем не менее среди, казалось бы, разных точек зрения можно выделить общее, а именно то, что все они связаны со знаниями, умениями и навыками в информационном поле и на основе информационных технологий.

Проведя анализ данных определений информационной компетенции мы выявили важность того, что они содержат в себе две ключевые составляющие – индивидуальные и личностные характеристики, отражающие опыт работы с информацией, знания, умения, навыки в области современных информационных технологий, которые в свою очередь соизмеримы с понятием «информационная компетенция» как часть и целое. Логично будет сказать, что человеку, обладающему информационной компетенцией, присуще уметь пользоваться информационными технологиями для решения профессиональных и информационных задач.

Проанализированные определения компетентности, компетенции, информационной компетенции, а также анализ позиций различных исследователей по данному вопросу подводят нас к тому, чтобы дать определение *информационной компетенции социального работника*.

Прежде чем это сделать, следует упомянуть о значении информационных технологий и важности формирования информационной компетенции для будущего социального работника и для социальной сферы вообще. Применение информационных технологий в социальной работе с различными группами населения в России в данный момент активно набирает обороты. Но уже функционирование и развитие социальной сферы невозможно без обмена информацией. Происходит стремительное внедрение современных компьютерных и информационных технологий в социальную сферу и выполнение социальным работником таких функций, как: диагностика; сбор и анализ информации; информирование; обучение; решение социальных и психологических проблем; контроль – практически не возможно без использования компьютера и информационных технологий, которые в настоящее время позволяют эффективно решать социальные, экономические, управленческие и иные задачи, не используя при этом ручной способ обработки информации [12, с. 105].

Данная ситуация говорит о том, что для будущего социального работника использование информационных технологий – это главный инструмент его профессиональной деятельности и один из источников профессионального роста. Информационная компетенция социального работника образуется из совокупности знаний и умений, развитие и формирование которых представляет собой многоуровневую систему, в которой главным звеном выступает деятельностная составляющая.

Основываясь на проанализированных ранее определениях, а также трактовке других авторов об информационной компетенции и опираясь на терминологический анализ компетенции и компетентности, информационную компетенцию социального работника мы понимаем как личностно-интегральную характеристику специалиста социальной сферы, выражающуюся в способности использовать комплекс знаний, умений и навыков в области информационно-коммуникационных технологий в процессе своего обучения и в целях дальнейшего продуктивного осуществления своей профессиональной деятельности.

Иными словами, информационная компетенция социального работника рассматри-

вается как сложное системное образование, включающее в себя комплекс знаний о современных информационных технологиях и принципах их использования в образовательном процессе вуза и в будущей профессиональной деятельности; опираясь на образовательные стандарты нового поколения, с уверенностью можно сказать, что информационная компетенция социального работника определяет уровень его конкурентоспособности в профессиональной среде и на рынке труда в условиях стремительного развития ИТ. В связи с этим очень важно уделять особое внимание развитию информационной компетенции социальных работников в ходе его профессиональной подготовки.

1. *Яковлева Н.О.* Педагогическое проектирование инновационных образовательных систем: монография. Челябинск, 2008.
2. *Фирсов М.В.* Теория социальной работы. М., 2007.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.
4. Компетентностный подход в подготовке кадров в области гуманитарных технологий / под ред. В.Г. Зарубина, Л.А. Громовой. СПб., 2007.
5. *Алмазова Н.И.* Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2003.
6. *Хуторской А.В.* Технология проектирования ключевых и предметных компетенций. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (дата обращения: 20.09.2014).
7. *Белан Е.П.* Информационная компетенция персонала педагогического университета // Журнал педагогической науки в России и за рубежом. 2007. № 3.
8. *Зайцева О.Б.* Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 2002.
9. *Курин А.Ю.* Компьютерная компетентность как составляющая профессиональной компетентности социального работника // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 9 (89). С. 27-36.
10. *Позднякова Н.В., Курин А.Ю.* Модель формирования компьютерной компетентности будущих социальных работников в вузе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. Тамбов, 2014. № 1 (23). С. 61-66.

11. *Курин А.Ю.* Учебно-методическое обеспечение формирования компьютерной компетентности будущего социального работника в вузе // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2010. № 4. С. 144-147.
12. *Тетерский С.В.* Введение в социальную работу. М., 2002.

1. *Yakovleva N.O.* Pedagogicheskoe proektirovanie innovatsionnykh obrazovatel'nykh sistem: monografiya. Chelyabinsk, 2008.
2. *Firsov M.V.* Teoriya sotsial'noy raboty. M., 2007.
3. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M., 1999.
4. Компетентностный подход в подготовке кадров в области гуманитарных технологий / под ред. В.Г. Зарубина, Л.А. Громовой. СПб., 2007.
5. *Almazova N.I.* Kognitivnye aspekty formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentnosti pri obuchenii inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. SPb., 2003.
6. *Khutorskoy A.V.* Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevykh i predmetnykh kompetentsiy. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (дата обращения: 20.09.2014).
7. *Belan E.P.* Informatsionnaya kompetentsiya personala pedagogicheskogo universiteta // Zhurnal pedagogicheskoy nauki v Rossii i za rubezhom. 2007. № 3.
8. *Zaytseva O.B.* Formirovanie informatsionnoy kompetentnosti budushchikh uchiteley sredstvami innovatsionnykh tekhnologiy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Bryansk, 2002.
9. *Kurin A.Yu.* Komp'yuternaya kompetentnost' kak sostavlyayushchaya professional'noy kompetentnosti sotsial'nogo rabotnika // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2010. Vyp. 9 (89). S. 27-36.
10. *Pozdnyakova N.V., Kurin A.Yu.* Model' formirovaniya komp'yuternoy kompetentnosti budushchikh sotsial'nykh rabotnikov v vuze // Psikhologo-pedagogicheskyy zhurnal Gaudeamus. Tambov, 2014. № 1 (23). S. 61-66.
11. *Kurin A.Yu.* Uchebno-metodicheskoe obespechenie formirovaniya komp'yuternoy kompetentnosti budushchego sotsial'nogo rabotnika v vuze // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. Tambov, 2010. № 4. S. 144-147.
12. *Teterskiy S.V.* Vvedenie v sotsial'nuyu rabotu. M., 2002.

Поступила в редакцию 29.10.2014 г.

UDC 376.1

ACTUALITY OF FORMATION OF INFORMATION COMPETENCE OF SOCIAL WORKER: BASIC NOTIONS AND EVIDENCE

Andrey Yuryevich KURIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Associate Professor, Head of Theory and Preschool and Primary Education Department, e-mail: kurinandrey@mail.ru

Andrey Nikolayevich POPOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Social Work, Juvenology and Social Sphere Management Department, e-mail: festralbeta@gmail.com

An analysis of the concepts of “competence”, “competence”, “information competence”, “information competence of the social worker”, from the standpoint of researchers: S.I. Ozhegov, V.G. Zarubin, N.I. Almazov, V.S. Lednev, M.V. Ryzhakov, V.V. Kraevskiy, A.L. Semenov is given. The urgency of forming the information competence of the social worker in the course of his university studies, reflecting the specific aspects of information society, as well as the interest of researchers active in this field. The approaches to the analysis of concepts and their relations, allocated general and particular, similarities and differences. The issue determines the value of information technology and the importance of the formation of information competence for the future of the social worker and the social sphere in general, on this basis, a definition of information competence in high school social worker, designated relevance of the work in this direction. The article notes that the information competence of the social worker is formed of a set of knowledge and skills, the development and the formation of which is a multi-level system, which acts as the main link activity component. Information competence of the social worker is seen as a complex system formation, which includes a set of knowledge on modern information technology and the principles of their use in the educational process of the university and in their future professional activity.

Key words: competence; information competence; information competence of social worker; social work; information technology.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 376.2/.4

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПЛАВАНИЕ»

© Александр Михайлович ФЕТИСОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и методики спортивных дисциплин,
e-mail: fetisovam@tsutmb.ru

На базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина с 2003 г. ведутся исследования методики подготовки специалистов по адаптивной физической культуре к проведению занятий по плаванию с глухими детьми. По мере изучения практического опыта преподавания учебной дисциплины «Плавание» в нашем регионе и в целом по России, а также анализа литературных источников нами определено, что методика подготовки специалистов по адаптивной физической культуре к проведению занятий по плаванию с глухими детьми нуждается в дальнейшей доработке и совершенствовании, поскольку недостаточно исследованы и освещены в научно-методической литературе вопросы методики подготовки специалистов по адаптивной физической культуре. Не полностью сформированы подходы к формам организации занятий, использованию средств, методов и методических приемов при обучении плаванию глухих детей. Нуждаются в доработке содержание производственных, педагогических и учебных практик. Недостаточно освещены методические особенности начального обучения плаванию глухих детей 6–7 лет и тестовые задания для оценки уровня плавательных умений глухих детей 6–7 лет при начальном обучении плаванию. Малоисследованными остаются критерии оценки знаний и умений профессиональной подготовки специалистов по адаптивной физической культуре к проведению занятий по плаванию с глухими детьми.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура; специалист по адаптивной физической культуре; учебная дисциплина «Плавание»; профессиональная деятельность; адаптивное плавание; обучение плаванию; реабилитация; дети с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья.

Начальное обучение плаванию детей с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья в Тамбовской области до 2004 г. проводилось в основном родителями таких детей и носило бессистемный и фрагментарный характер.

Наши исследования методики подготовки специалистов адаптивной физической культуры к проведению занятий по плаванию с глухими детьми 6–7 лет вызвали интерес спортивной общественности города и области. Многочисленные публикации, выступления на региональных и Всероссийских научно-практических конференциях, проведение экспериментальной части исследования в бассейне «Дельфин» областного центра

подтолкнули к действию многих специалистов по плаванию к организации и проведению в нашем регионе начального обучения плаванию детей с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья, в т. ч. с отклонениями по слуху.

Так, с 2005 по 2012 г. на базе бассейна «Надежда» сотрудниками Оздоровительно-коррекционного центра ТГУ им. Г.Р. Державина было организовано обучение плаванию умственно отсталых детей и детей с задержкой психического развития.

В 2006–2010 гг. на базе бассейна «Дельфин» открылись группы по начальному обучению плаванию умственно отсталых детей (тренеры Л.В. Васильева, В.А. Артюхин), на

базе бассейна «Антей» открылись группы по начальному обучению плаванию слабослышащих детей (тренер М. Шуть).

С 2006 г. на базе бассейна «Антей» студенты специальности «Адаптивная физическая культура» проходят педагогическую практику, обучая плаванию слабослышащих, умственно отсталых детей и детей с задержкой психического развития.

Из анализа литературных источников нами установлено, что методика подготовки специалистов по адаптивной физической культуре к проведению занятий по плаванию имеет ряд недостатков:

- отсутствует теоретический раздел, направленный на формирование знаний у студентов о нозологии детей с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья: характеристики типичных нарушений слуха детей, вторичных и сопутствующих заболеваний, особенностей познавательной сферы, возрастной динамики физического развития, нарушений двигательной сферы;

- не используются специальные средства, методы, методические приемы, формы организации занятий и контроля, которые должны учитывать особенности нозологии,

физического и функционального развития детей с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья;

- не используются подходы к средствам общения с детьми в соответствии с их нозологией;

- отсутствуют занятия с детьми с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья по начальному обучению плаванию в содержании учебных и педагогических практик студентов по учебной дисциплине «Плавание».

Данные анализа литературных источников подтвердились результатами педагогического наблюдения и анкетирования.

Педагогическое наблюдение проводилось в 2003–2010 гг. во время проведения учебных занятий по плаванию в вузах г. Тамбова, на занятиях по плаванию с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья в бассейнах «Дельфин», «Надежда», «Антей». Наблюдение проведено более чем на 100 занятиях у 50 человек (преподавателей и студентов-практикантов). Нами наблюдались признаки и действия преподавателей, которые оценивались экспертами Л.М. Кацук, А.Ю. Кейно, А.М. Фетисовым, П.М. Грицковым (табл. 1).

Таблица 1

Результаты педагогического наблюдения проведения учебных занятий и занятий по плаванию с детьми-инвалидами в бассейнах г. Тамбова в 2003–2010 гг.

№ п/п	Наблюдаемые признаки и действия преподавателей по плаванию	Уровень владения (%)		
		низкий	средний	высокий
1	Внешний вид учителя	–	18	82
2	Владение терминологией	22	54	24
3	Умение показать упражнение	12	64	24
4	Выбор позиции и места при объяснении материала	8	64	28
5	Доступность изложения материала	14	62	24
6	Логика построения материала	8	66	26
7	Контакт с занимающимися	4	78	18
8	Проявление несдержанности в общении с занимающимися	26	74	–
9	Проявление толерантности	36	42	22
10	Командный голос	–	32	68
11	Использование разнообразных форм организации занятий	24	58	18
12	Использование адекватных для данной нозологии средств, методов, методических приемов (ручной азбуки и специальных жестов)	86	14	–
13	Знания нозологии детей-инвалидов, особенностей их психического и физического состояний	56	32	12
14	Специальные упражнения для «погружения» студентов в условия нозологической группы	94	6	–
15	Умение преодолевать критические ситуации при обучении плаванию детей-инвалидов	92	8	–

Как видно из представленных в табл. 1 данных, внешний вид учителя у 82 % респондентов оценен как высокий. Во владении преподавателем терминологией средний уровень у 54 %, обращает на себя внимание высокий процент с низким уровнем владения терминологией 22 % наблюдаемых.

В умении показать упражнение и в доступности изложения материала результаты примерно одинаковые и оцениваются экспертами как допустимые. При выборе позиции и места преподавателем при объяснении материала, как и в логике построения материала, процент низкого уровня оценок невысокий – 8, при среднем 64,66 % и высоком 28,26 %, соответственно. Высокие оценки получены за установление контакта с занимающимися (владение педагогической ситуацией во время урока).

Вместе с тем в проявлении несдержанности в общении с занимающимися уличены 26 % респондентов при отсутствии высоких оценок, а проявили высокий уровень толерантности всего 22 % участников наблюдения.

Значительно слабее при наблюдении проявлены знания особенностей нозологических групп детей с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья, особенностей их психического и физического состояний, с оценкой высокого уровня 12 %, низкий уровень владения показали 56 % участников педагогического наблюдения.

Самые высокие оценки выставлены за командный голос, а в использовании разнообразных форм организации занятий низкий уровень показан у 24 %, при высоком уровне всего в 18 %.

В подборе оптимальных и адекватных для данной нозологии средств, методов, методических приемов (ручной азбуки и специальных жестов) существуют значительные пробелы у 86 % наблюдаемых, у них зафиксирован низкий уровень владения. По результатам наблюдений более 90 % преподавателей не включают в учебные занятия по плаванию специальные упражнения для «погружения» студентов в условия данной нозологической группы.

Для детального исследования методики подготовки специалистов адаптивной физической культуры к проведению занятий по

плаванию с глухими детьми 6–7 лет нами разработан и проведен опрос-интервью преподавателей и специалистов по плаванию г. Тамбова, который был предложен им в октябре–декабре 2010 г. В опрос-интервью приняли участие 50 человек.

Подавляющее большинство респондентов (84 %) считают, что методика подготовки специалистов адаптивной физической культуры к проведению занятий по плаванию с глухими детьми имеет недостатки, т. е. существует дефицит научно-методической литературы, нехватка высококвалифицированных специалистов адаптивной физической культуры по плаванию, недостаточность разработки содержания педагогических и учебных практик для студентов специальности «Адаптивная физическая культура», недостаточное внимание знаниям студентов по нозологии детей с нарушением слуха и изучению специальных жестов и ручной азбуки.

Так, 72 % считают необходимым разработку методики подготовки специалистов адаптивной физической культуры к проведению занятий по плаванию с глухими детьми: внесение в лекции и семинарские занятия материалов по нозологии детей с нарушением слуха, особенностей психического и физического развития таких детей. В практическом разделе следует использовать средства, методы, формы организации занятий, соответствующие особенностям возраста и нозологии детей с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья.

Допускают использование тех же средств, методов и форм организации занятий при начальном обучении плаванию глухих детей, что и при обучении здоровых детей 58 % опрошенных.

На вопрос «Знакомы ли вы с существующими методиками начального обучения плаванию детей-инвалидов», «да» ответили 24 % респондентов, из них 10 % назвали лишь одного автора – Д.Ф. Мосунова, 14 % ответили, что с методиками знакомы, но авторов назвать не смогли.

Методические особенности начального обучения глухих детей 6–7 лет затруднились назвать 44 % опрошенных, 48 % отнесли к особенностям условия малого бассейна, температуру воздуха 28° С, температуру воды 26° С и общение через специалиста по тактильной (ручной) азбуке.

При этом 62 % опрошенных считают необходимым овладение студентами ручной азбукой и специальными жестами для начального обучения плаванию глухих детей, но при этом 38 % считают возможным обучение через специалиста по тактильной азбуке.

К наиболее важным чертам характера в работе с детьми с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья 92 % респондентов отнесли коммуникабельность и толерантность.

По вопросу, готовы ли выпускники вузов к работе с детьми с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья, мнения разделились. 52 % ответили «да», но 48 % считают, что выпускники вузов к работе с детьми данной категории недостаточно подготовлены и имеют пробелы в теоретическом и практическом разделах. Многие респонденты считают, что для работы с детьми с ограниченными возможностями и отклонениями в состоянии здоровья по плаванию необходим опыт работы.

В процессе профессиональной деятельности преподаватель должен владеть определенной системой орудий труда, главными из которых являются знания и умения, содержание знаний и умений учителя обусловлено целью и задачами работы по физическому воспитанию, а также структурой физкультурно-педагогической деятельности. Структуру знаний учителя физического воспитания составляют психолого-педагогические, медико-биологические, общественно-политические и специальные знания, но вся структура базируется на общей культуре и эрудированности [1; 2].

Содержание профессиональных умений учителя физического воспитания составляют специфические двигательные и собственно педагогические умения. К первым относятся как минимум владение техникой физических упражнений школьной программы. Эти умения можно отнести к т. н. педагогической технике, с помощью которой учитель передает знания учащимся (показ упражнения, помощь, страховка). Важным элементом педагогической техники является выразительная речь [1; 2].

В педагогических умениях синтезируются теоретические знания и практические умения учителя физического воспитания. К ним относятся умение планировать и органи-

зовывать физкультурную работу, налаживать деловые взаимоотношения с участниками учебно-воспитательного процесса, анализировать результаты своего труда с целью творческого совершенствования последующей деятельности [1; 2].

Многие авторы исследовали профессиональные умения, которыми должен владеть учитель физической культуры. Существуют как совпадения, так и разногласия во взглядах по этому вопросу.

Так, И.П. Андриади выделяет 20 профессиональных (дидактических) умений, в которые входит, в частности, «умение заставить выполнить упражнение», В.П. Белик выделяет 16 педагогических умений, в число которых входят такие, например, умения, как «умение провести часть урока и урок в целом», «умение организовать и провести соревнования» [3; 4].

А.Н. Двоглазов выделяет 12 профессионально педагогических умений, среди них такие, как «предвидеть затруднения при обучении спортивным движениям», «использовать вербальные методы при обучении», «планировать материал при подготовке к занятию» [5].

На основании анализа литературы можно согласиться с выводом В.Т. Чичикина о том, что «проблема классификации профессиональных умений преподавателя физической культуры и их номенклатура остается открытой» [6]. Мнения о том, каким образом должны формироваться профессиональные умения, достаточно разнообразны и противоречивы. Способы формирования профессиональных умений, предлагаемые в литературе, можно разделить на две группы. Назовем их условно «теоретический» и «деятельностный».

К первой группе, «теоретической», относятся, в частности, проблемное обучение, программированное (в т. ч. компьютерное) обучение, применение информационных технологий, автоматизированных обучающих комплексов, введение дистанционного обучения; обучение с помощью игр (игровое обучение), создание спецкурсов, разработка системы учебных заданий [7; 8].

«Деятельностный» подход предполагает формирование профессиональных умений в процессе той или иной практической деятельности, и, чаще всего, в процессе той или иной формы практики: педагогической, непрерывной, учебной [9].

Важным звеном в улучшении качества подготовки специалистов по адаптивной физической культуре к проведению занятий по плаванию является анализ и обобщение опыта ведущих специалистов на основе изучения их отчетной документации.

В рамках нашего исследования мы провели анкетирование среди специалистов по плаванию г. Тамбова (преподавателей высших учебных заведений; тренеров и инструкторов по плаванию бассейна «Надежда»; бассейна «Дельфин» ДЮСШ № 6; бассейна Д/С «Антей»).

В предложенной анкете необходимо было выделить наиболее значимые профессиональные знания и умения и расставить их по рейтингу: от 1 до 10 – теоретические и от 1

до 20 – практические. В анкетировании участвовало 50 человек (табл. 4, 5).

Анализ результатов исследования теоретических профессиональных знаний и умений показал, что специалисты по плаванию, исходя из опыта работы и основ теории и методики физического воспитания, на первое место, как наиболее важное, ставят знание учебного материала – $2,17 \pm 0,03$.

Высокий рейтинг у позиций: знание контингента – $2,85 \pm 0,03$, формулировка задач – $3,61 \pm 0,04$, знание методов и методических приемов физического воспитания – $4,08 \pm 0,04$. В результате анкетирования наиболее низкий рейтинг у следующих знаний и умений: знание нозологии – $8,69 \pm 0,08$ и знание структуры и формы конспекта – $9,72 \pm 0,09$.

Таблица 4

Теоретические профессиональные знания

Профессиональные знания	$M \pm m$	Рейтинг
Знание учебного материала	$2,17 \pm 0,03$	1
Знание контингента	$2,85 \pm 0,03$	2
Формулировка задач	$3,61 \pm 0,04$	3
Знание методов и методических приемов в ФВ	$4,08 \pm 0,04$	4
Знание средств ФВ	$4,76 \pm 0,05$	5
Знание закономерностей развития двигательных качеств	$6,28 \pm 0,06$	6
Знание принципов обучения ФВ	$6,87 \pm 0,07$	7
Знание последовательности и логики обучения двигательным действиям	$7,23 \pm 0,07$	8
Знание нозологии	$8,69 \pm 0,08$	9
Знание структуры и формы конспекта	$9,72 \pm 0,09$	10

Таблица 5

Практические профессиональные умения

Профессиональные умения	$M \pm m$	Рейтинг
Объяснение материала	$1,96 \pm 0,02$	1
Умение выполнять показ	$2,16 \pm 0,03$	2
Умение выявить типичные ошибки	$3,49 \pm 0,04$	3
Исправление ошибок	$4,33 \pm 0,04$	4
Умение организовать группу	$5,64 \pm 0,05$	5
Владение терминологией	$6,11 \pm 0,05$	6
Выбор места преподавателем	$7,52 \pm 0,06$	7
Страховка и проводка	$8,23 \pm 0,07$	8
Владение техникой плавания	$9,65 \pm 0,08$	9
Владение ручной азбукой	$10,44 \pm 0,09$	10
Управление вниманием учеников	$11,69 \pm 0,10$	11
Умение активизировать познавательную деятельность	$12,57 \pm 0,12$	12
Умение активизировать двигательную активность	$13,19 \pm 0,13$	13
Использование индивидуального подхода и дифференцирование нагрузки	$14,87 \pm 0,15$	14
Умение организовать воспитательную деятельность	$15,66 \pm 0,16$	15
Выбор тона общения	$16,12 \pm 0,16$	16
Умение контролировать свои действия	$16,87 \pm 0,17$	17
Владение техникой речи	$18,01 \pm 0,18$	18
Эрудированность	$19,20 \pm 0,19$	19
Умение использовать творческий подход	$19,61 \pm 0,20$	20

Наиболее высокие показатели у следующих позиций: умение выполнять показ $2,16 \pm 0,03$, умение выявить типичные ошибки $3,49 \pm 0,04$, исправление ошибок $4,33 \pm 0,04$, умение организовать группу – $5,64 \pm 0,05$. В первую десятку также вошли следующие позиции: владение терминологией, выбор места преподавателем, страховка и проводка, владение техникой плавания, владение ручной азбукой (при обучении плаванию глухих и слабослышащих детей).

К наиболее значимым теоретическим профессиональным знаниям и умениям отнесены формулировка задач, подбор средств, подбор методических приемов, общая оценка конспекта, т. к. они полностью или частично включают в себя остальные предложенные теоретические профессиональные знания и умения.

Такое профессиональное знание и умение, как общая оценка конспекта, включает в себя знание учебного материала, знание контингента, знание средств и знание нозологии, т. к. без этих знаний нельзя грамотно составить конспект и т. д. По такому же принципу определялись наиболее значимые практические профессиональные знания и умения.

Полученные результаты исследования успешно используются при обучении плаванию студентов дневной и заочной форм обучения всех направлений подготовки отделения физической культуры и спорта института природной среды и спортивных технологий ТГУ им. Г.Р. Державина.

1. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М., 1990.
2. Петунин О.В. Теоретические основы подготовки к профессиональной деятельности учителя физической культуры: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1995.
3. Андриади И.П. Дидактические умения тренера и их формирование: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1983.
4. Белик В.П. Исследование некоторых вопросов профессиональной подготовки студентов факультетов физического воспитания педагогических институтов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1971.
5. Двоглазов А.Н. Формирование профессионально-педагогических умений у студентов

ИФК в условиях практической деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 1991.

6. Чичикин В.Т. Структура и регуляция профессиональной подготовки преподавателей физической культуры. М., 1992.
7. Муртазина Г.Х. Дистанционное образование специалистов по связям с общественностью средствами Интернета в физкультурном вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003.
8. Машин В.Н. Формирование профессиональных компетенций специалистов на основе автоматизированного обучающего комплекса: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2005.
9. Михайлова Т.А. Профессиональная подготовка будущего учителя физической культуры в процессе педагогической практики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2004.

1. Kuz'mina N.V. Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya. M., 1990.
2. Petunin O.V. Teoreticheskie osnovy podgotovki k professional'noy deyatel'nosti uchitelya fizicheskoy kul'tury: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. SPb., 1995.
3. Andriadi I.P. Didakticheskie umeniya trenera i ikh formirovanie: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1983.
4. Belik V.P. Issledovanie nekotorykh voprosov professional'noy podgotovki studentov fakul'tetov fizicheskogo vospitaniya pedagogicheskikh institutov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1971.
5. Dvoeglazov A.N. Formirovanie professional'no-pedagogicheskikh umeniy u studentov IFK v usloviyakh prakticheskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Omsk, 1991.
6. Chichikin V.T. Struktura i regulyatsiya professional'noy podgotovki prepodavateley fizicheskoy kul'tury. M., 1992.
7. Murtazina G.Kh. Distantcionnoe obrazovanie spetsialistov po svyazyam s obshchestvennost'yu sredstvami Interneta v fizkul'turnom vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2003.
8. Mashin V.N. Formirovanie professional'nykh kompetentsiy spetsialistov na osnove avtomatizirovannogo obuchayushchego kompleksa: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Voronezh, 2005.
9. Mikhaylova T.A. Professional'naya podgotovka budushchego uchitelya fizicheskoy kul'tury v protsesse pedagogicheskoy praktiki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Chelyabinsk, 2004.

Поступила в редакцию 21.10.2014 г.

UDC 376.2/4

FORMATION OF PREPARATION OF FUTURE SPECIALISTS OF ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE TO PROFESSIONAL ACTIVITY OF DISCIPLINE "SWIMMING"

Aleksander Mikhailovich FETISOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Associate Professor of Theory and Methodics of Sport Disciplines Department, e-mail: fetisovam@tsutmb.ru

On the base of Tambov State University named after G.R. Derzhavin since 2003 investigate the methodics of preparation of specialists of adaptive physical culture to holding the swimming studies with deaf children. As you study the practical experience of teaching the discipline "Swimming" in our region and the whole of Russia, as well as literature review we determined that the method of training in adaptive physical education to conduct swimming lessons with deaf children needs to be further developed and improved since the methodology questions of training in adaptive physical education are poorly investigated and dealt with in scientific and methodological literature. The approaches to study the organization of classes, the use of methods and instructional techniques for teaching deaf children to swim are not fully developed. The content of production, teaching and learning practices require completion. Methodical features of elementary swimming education of 6–7 years old deaf children and test items to assess the level of swimming skills of deaf children at initial learning to swim are insufficiently studied. Evaluation criteria of knowledge and skills of professional training in adaptive physical education to conduct swimming lessons with deaf children are scarcely explored.

Key words: adaptive physical culture; specialist of adaptive physical culture; study discipline "Swimming"; professional activity; adaptive swimming; teaching of swimming; rehabilitation; handicapped and health deviation children.

УДК 374.02

КОРРЕКЦИЯ ТЕХНИКИ ПЛАВАНИЯ СПОСОБОМ КРОЛЬ НА ГРУДИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕОСЪЕМКИ

© Константин Степанович ДУНАЕВ

Московская государственная академия физической культуры и спорта,
п. Малаховка, Московская область, Российская Федерация,
доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
физкультурно-оздоровительных технологий, e-mail: kaf-fot@mgafk.ru

© Александр Михайлович ФЕДОСЕЕВ

Московская государственная академия физической культуры и спорта,
п. Малаховка, Московская область, Российская Федерация, аспирант,
кафедра физкультурно-оздоровительных технологий, e-mail: stair13@yandex.ru

Рассматривается коррекция техники плавания способом кроль на груди у пловцов высокой квалификации с помощью метода видеосъемки. Предлагается методика измерения кинематической структуры движений пловца под водой с последующей обработкой и анализом полученной информации. Критерием оценки техники плавания выступила модельно-эталонная техника плавания способом кроль на груди, где рассматриваются положения пловца в воде: угол атаки; крен туловища в начале и в конце гребка; фаза захвата кисти в начале и положение кисти в конце подтягивания; положение звеньев рук в начале и в конце фазы подтягивания; фаза отталкивания. Для коррекции техники плавания кролем на груди разработан и внедрен в тренировочный процесс экспериментально обоснованный комплекс упражнений для групп спортивного совершенствования первого года обучения, состоящий из восьмидесяти упражнений с учетом положений, принимаемых в воде спортсменами-пловцами. Разработанный комплекс упражнений для коррекции техники плавания может быть использован в ДЮСШ и СДЮСШОР в группах спортивного совершенствования. Данная методика не требует наличия высокой материально-технической базы, и процесс эксплуатации рассчитан на базовые знания тренеров.

Ключевые слова: видеосъемка; видеоанализ; техника плавания; коррекция техники; кроль на груди.

На протяжении всей эволюции плавания спортсмены всего мира стремятся улучшить технику плавания [1–4]. В этом им помогают, например, методы фотографии, кинокольцовки, видеосъемки [5–7]. Мы рассмотрим метод видеосъемки (съемка под водой) и дальнейший ее видеоанализ, который при многократном просмотре в замедленном виде позволяет педагогам выявить ошибки движений пловцов под водой. Однако до сих пор многие тренеры используют видеосъемку (надводную) простой камерой, установленной на борте бассейна. Эта методика позволяет наблюдать и корректировать внешние ошибки пловцов, при этом подводная структура гребка остается без анализа, вследствие чего падает эффективное становление и корректировка рациональной техники плавания [8–10]. На основании вышеуказанного целью работы стала коррекция техники плавания способом кроль на груди методом видеосъемки. Объектом исследования выступила ГСС-1 в количестве 20 пловцов 18–22 лет, из них 4 МС и 16 КМС. Предме-

том исследования является коррекция плавания способом кроль на груди с использованием полученных данных видеосъемки и дальнейшего его анализа. В рабочей гипотезе предполагали, что использование в тренировочном процессе метода видеоанализа и внедрение упражнений для коррекции техники плавания позволит спортсменам-пловцам повысить свой уровень плавательной подготовленности.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- 1) по данным литературных источников определить критерии оценки техники плавания кролем на груди с помощью видеосъемки;
- 2) провести видеоанализ техники плавания кролем на груди пловцов МС и КМС, используя модельные характеристики техники плавания;
- 3) разработать специальный комплекс упражнений, направленный на коррекцию техники плавания кролем на груди;
- 4) экспериментально обосновать эффективность применения разработанного ком-

плекса упражнений. Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение и эксперимент, контрольные задания, хронометрирование, экспертно-визуальная оценка, видеосъемка (видеоанализ) и методы математической статистики.

На основании изученной литературы определили эталонную технику плавания кролем на груди в зависимости от фаз гребка и составили табл. 1.

Видеосъемка проводилась камерой Go Pro с целью замера кинематической структуры движений под водой способом кроль на груди [1]. Пловцы по одному проплывали 100 м кролем на груди на технику. Видеосъемка осуществлялась с разных ракурсов для фиксации разных положений, по плану: *съемка сбоку* (угол атаки, фаза отталкивания, захват кисти в начале гребка, положение кисти в конце подтягивания); *фронтальная съемка* (крен туловища, крен туловища в на-

чале захвата, подтягивание (начало)); положение звеньев руки в фазе подтягивания (конец). Полученный видеоматериал подвергся видеоанализу. С помощью Artweaver и Paint был создан транспортёр с секторами (градусами), а программа Virtual Dub позволила надёжно выбирать интересные кадры. Благодаря вышеуказанным программам транспортёр накладывался на кадр пловца, это в свою очередь позволило корректно рассчитать различное положение пловца в градусах. Проанализировав полученные данные видеоматериала, выявили, что нет ни одного показателя техники плавания, в котором бы испытуемые не допускали ошибок [10]. В связи с этим разработали и внедрили в тренировочный процесс комплекс, состоящий из 8 групп по 10 упражнений в каждой. Был произведен повторный видеоанализ экспериментальной группы для сравнения полученных результатов после эксперимента и сделаны выводы.

Таблица 1

Эталонная техника плавания способом кроль на груди

№	Положение тела	Градусы	Характеристика
1	Угол атаки	3–6	Тело принимает в воде вытянутое и хорошо обтекаемое положение. Пловец смотрит под водой вперед вниз, удерживая голову в непринужденном положении и рассекая встречный поток воды теменем
2	Крен туловища	35–45	Величина крена в каждую сторону (величина угла, который образуют во фронтальной плоскости линия поверхности воды и линия, условно проведенная через точки плечевых суставов)
3	Фаза захвата	Угол крена равен 0	Выполнение фазы захвата одной рукой приходится на завершение гребка другой. Происходит как бы передача гребка с одной руки на другую. В это время необходимо удерживать тело на продольной оси в относительно высоком и хорошо обтекаемом положении, сохранить скорость плавания на сравнительно высоком уровне
4	Захват кисти в начале гребка	45	Ориентировка кисти к поверхности воды в начале гребка
5	Положение кисти в конце подтягивания	90	Ориентация кисти к концу фазы подтягивания
6	Подтягивание (начало)	130–150	Подтягивание начинается с выраженного вращения руки внутрь и сгибания предплечья – пловец плавно усиливает давление кистью на воду. Кисть начинает смещаться относительно воды в направлении подтягивания (конец) назад
7	Положение звеньев руки в фазе подтягивания (конец)	90–110	Кисть движется вниз–внутрь–назад под продольной осью тела или несколько отклоняясь от нее наружу и сохраняет свою ведущую роль по отношению к локтю
8	Отталкивание; разгибание руки	~ 180	Наиболее энергичная часть гребка. Кисть, обгоняя локоть, с ускорением движется под животом и тазом спереди назад и немного кнаружи; плоскость кисти сохраняет положение, близкое к фронтальному. Отталкивание выполняется с разгибанием руки в локтевом суставе

1. На основании анализа специальной литературы было выявлено, что главными показателями при проведении видеосъемки и последующего видеоанализа техники плавания являются: угол атаки, крен туловища, крен в начале захвата, захват кистью в начале гребка, положение кисти в конце подтягивания, положение звеньев руки в фазе подтягивания (начало), положение звеньев руки в фазе подтягивания (конец) и положение руки в фазе отталкивания.

2. Проведенный видеоанализ техники плавания КМС и МС показал значительное различие от эталона следующих показателей: «угол атаки тела» – 139,67 % погрешности, «положение кисти в начале гребка» – 24,52 %, «окончание отталкивания» – 19,74 %.

3. Разработан комплекс специальных упражнений, направленный на совершенствование техники плавания способом кроль на груди, состоящий из 80 упражнений, разделенных в 8 групп (по 10 упражнений в каждой группе). Дозировка упражнений осуществлялась индивидуально с учетом процента полученных ошибок пловцов. Направленность упражнений комплекса – снижение угла атаки, формирование оптимального крена туловища, совершенствование крена туловища в начале захвата, совершенствование захвата кистью в начале гребка, формирование ориентации кисти в конце подтягивания, совершенствование фазы подтягивания (начало), совершенствование фазы подтягивания (окончание), совершенствование фазы отталкивания.

4. Эффективность разработанного комплекса упражнений выразилась в:

– снижении общего процента ошибок у пловцов ГСС (группа спортивного совершенствования) 7 показателей техники плавания, полученных с помощью видеоанализа, в 7,6 раза (с суммарным % ошибок от 243,11 до 31,87);

– повышении среднего балла экспертно-визуальной оценки техники плавания на 6,5 балла (19,11 %) с 20 до 31,25 балла из 34 возможных;

– снижении времени проплывания 50-метрового отрезка у пловцов ГСС в среднем на 0,52 с.

5. Разработанный комплекс упражнений для коррекции техники плавания может быть

использован в ДЮСШ и СДЮСШОР в группах спортивного совершенствования.

1. Булгакова Н.Ж. Плавание / под общ. ред. Н.Ж. Булгаковой. М., 2001.
2. Гордон С.М. Техника спортивного плавания. М., 2008.
3. Платонов В.Н. Спортивное плавание: путь к успеху: в 2 кн. М., 2012. Кн. 2.
4. Гузман Р. Плавание. Упражнения для обучения и совершенствования техники всех стилей / пер. В. Боженова. М., 2013.
5. Янг А. Эффективное плавание: техника, обучение, уроки. М., 2013.
6. Люсерио Б. Плавание: 100 лучших упражнений / пер. с англ. Т. Платоновой. М., 2011.
7. Нечунаев И.П. Плавание. Книга-тренер. М., 2012.
8. Ганчар И.Л. Методика преподавания плавания: технологии обучения и совершенствования. Одесса, 2006.
9. Кравцов А. Методика срочного контроля и коррекции техники плавания в соревновательных и тренировочных упражнениях. М., 2010.
10. Каунсилмен Д.Е. Спортивное плавание. М., 2004.

1. Bulgakova N.Zh. Plavanie / pod obshch. red. N.Zh. Bulgakovoy. M., 2001.
2. Gordon S.M. Tekhnika sportivnogo plavaniya. M., 2008.
3. Platonov V.N. Sportivnoe plavanie: put' k uspekh: v 2 kn. M., 2012. Kn. 2.
4. Guzman R. Plavanie. Uprazhneniya dlya obucheniya i sovershenstvovaniya tekhniki vsekh stiley / per. V. Bozhenova. M., 2013.
5. Yang A. Effektivnoe plavanie: tekhnika, obuchenie, uroki. M., 2013.
6. Lyusero B. Plavanie: 100 luchshikh uprazhneniy / per. s angl. T. Platonovoy. M., 2011.
7. Nechunaev I.P. Plavanie. Kniga-trener. M., 2012.
8. Ganchar I.L. Metodika prepodavaniya plavaniya: tekhnologii obucheniya i sovershenstvovaniya. Odessa, 2006.
9. Kravtsov A. Metodika srochnogo kontrolya i korrektsii tekhniki plavaniya v sorevnovatel'nykh i trenirovochnykh uprazhneniyakh. M., 2010.
10. Kaunsilmen D.E. Sportivnoe plavanie. M., 2004.

Поступила в редакцию 26.11.2014 г.

UDC 374.02

CORRECTION OF TECHNIQUE OF SWIMMING BY WAY CRAWL ON A BREAST WITH A METHOD OF VIDEO FILMING

Konstantin Stepanovich DUNAEV, Moscow State Academy of Physical Culture and Sport, Malahovka settlement, Moscow region, Russian Federation, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of Health and Fitness Technology Department, e-mail: kaf-fot@mgafk.ru

Alexander Mikhaylovich FEDOSEEV, Moscow State Academy of Physical Culture and Sport, Malahovka settlement, Moscow region, Russian Federation, Post-graduate Student, Health and Fitness Technology Department, e-mail: stair13@yandex.ru

The correction of swimming techniques by way crawl on a breast at swimmers of high qualification, using the method of video is examined. The method of measurement of the kinematic structure of movements of the swimmer with subsequent processing and analysis of the received information was suggested. Assessment criterion of swimming techniques became the model-the reference swimming technique by way crawl on a breast, which deals with the provisions of the swimmer in the water: the angle of attack; roll torso at the beginning and at the end of the stroke; the capture phase of the brush at the beginning and hand placement at the end of the tightening; the links of hands at the beginning and at the end of phase tightening; phase repulsion. For correction technique of swimming crawl on a breast developed and introduced into the training process experimentally grounded complex of exercises for groups of sports perfection of the first year, consisting of eighty exercises subject to the provisions adopted in water athletes-swimmers. The developed complex of exercises for correction swimming techniques can be used in the sports school and the sports school in groups of sports perfection. This technique does not require a high material and technical base and the process of operation is designed for basic knowledge of trainers.

Key words: video filming; the video analysis; technique of swimming; technique correction; crawl on a breast.

УДК 378

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРОЕКТИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Александр Дмитриевич ГОНЕЕВ

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики,
e-mail: pedagogy@kursksu.ru

Рассмотрены пути и средства профессионально-педагогической подготовки бакалавров к коррекционно-педагогической деятельности с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования. Обоснована необходимость интегрированного подхода к профессиональной подготовке бакалавров. Поскольку в содержании ряда нормативно-правовых документов, определяющих характер и логику общего и профессионального образования обучающихся, имеется дисбаланс в реализации требований, которые предъявляются к деятельности педагогов в образовательных организациях, и перечня тех профессиональных компетенций, которые необходимо сформировать в процессе профессиональной подготовки бакалавров направления «Педагогическое образование», то возникает необходимость поиска вариантов согласования этих требований, конвергенции их в Федеральных государственных стандартах как в профессиональной деятельности, так и в подготовке педагогических работников. Общепрофессиональные компетенции Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (уровень бакалавриата) последнего поколения создают возможности учета требований Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и «Профессионального стандарта педагога», предъявляемые к уровню профессионализма современного педагогического работника, и выстроить содержание и логику профессиональной подготовки бакалавров в соответствии с этими требованиями. На основе интегрированного подхода представлены пути и способы формирования профессиональных компетенций бакалавров в ходе освоения дисциплин психолого-педагогического блока и варианты их подготовки к реализации задач инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями. Особо выделены способы формирования компетенций, связанных с освоением нормативно-правовой базы современной системы образования, пониманием и готовностью осознать большую социальную значимость педагогической деятельности, а также формирование способности осуществлять обучение, воспитание и развитие школьников с учетом их индивидуальных, возрастных особенностей и особых образовательных потребностей в условиях инклюзивного образования.

Ключевые слова: интегрированный подход; профессиональная подготовка; компетенции; инклюзивное образование; дети с особыми образовательными потребностями.

Идея интегративного подхода к образованию лежит в основе Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», где образование, образовательная деятельность являются взаимообъединяющим феноменом всех уровней системы образования, от дошкольного до высшего, всех видов и форм образовательных программ, а также служат основой как общего, так и профессионального образования. Вместе с тем анализ нормативных документов системы образования, Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) основного общего и профессионального образования, Профессионального стандарта педагога свидетельствует о некоем рассогласовании, определенном несоответствии задач, стоящих перед общеобразовательными организациями и деятельностью вузов, ведущих подго-

товку педагогических кадров для этих образовательных организаций.

Перечень общекультурных и общепрофессиональных компетенций, представленных во ФГОСе третьего поколения, не в полной мере отражает спектр тех знаний, умений, навыков, которыми должен овладеть будущий педагог, и совокупностью тех компетенций, которые он должен реализовать в школе. Вместе с тем ряд ученых (А.А. Орлов, Л.А. Орлова и др.) подчеркивают, что в Профессиональном стандарте педагога вычленены основные трудовые функции педагога (обучение, воспитательная и развивающая деятельность), которые определены требованиями работодателей к специалисту, и без их максимальной конвергенции во ФГОСы высшего профессионального образования невозможно качественно подготовить буду-

шего учителя. Далее они утверждают, что без такого сближения, интеграции всех стандартов, имеющихся в системе образования, невозможно оптимально проектировать образовательные программы вузов, готовящих учителей, без вычленения важнейших типовых и профессиональных задач, к решению которых должны быть готовы выпускники вуза, направляющиеся на работу в образовательные организации [1, с. 58-59].

Одним из актуальных направлений в решении типовых профессиональных задач, по нашему мнению, может стать профессионально-педагогическая подготовка бакалавров к коррекционно-педагогической деятельности с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования. Базой для такой подготовки могут стать общепрофессиональные компетенции ФГОС высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, где подготовлены в интегрированном виде ведущие компетенции, которыми должен овладеть будущий педагог.

Интеграция в современной психолого-педагогической науке определяется как состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, а также процесс, ведущий к такому состоянию. В социальной педагогике интеграцию рассматривают как характеристику меры совпадения целей, интересов различных социальных групп и индивидов. Ряд исследователей интеграцию характеризуют как педагогический феномен (М.Н. Берулова), как педагогическую категорию, идентичную понятиям «взаимосвязь», «взаимозависимость» (С.И. Архангельский), как понятие «целостность» (Г.А. Монахов). Ряд авторов исследуют отношение между двумя противоположными тенденциями: интеграцией и дифференциацией, рассматривают процесс развития субъектности студентов вуза в процессе обучения с точки зрения интегративно-дифференцированного подхода (Н.И. Выюнова, А.В. Гвоздева). С их точки зрения процессуальная интеграция представляет собой особую форму построения учебного процесса, определенный порядок введения соответствующих методов, приемов и средств обучения в интегративно-дифференцированном образовательном процессе, что особенно важно учитывать как в профессиональной подготовке

бакалавров, так и в организации инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями.

Интегрированный подход в подготовке бакалавров к работе с обучающимися в условиях инклюзивного образования, на наш взгляд, представляет возможность объединить усилия родственных психолого-педагогических дисциплин в профессионально-педагогической подготовке бакалавров к коррекционно-педагогической деятельности с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях общеобразовательной школы, использовать совокупность психолого-педагогических методов и приемов, интерактивных технологий в разрешении сложных квазипрофессиональных ситуаций. На необходимость объединения усилий учителей, воспитателей, психологов и иных специалистов образовательного учреждения в работе с детьми с особыми образовательными потребностями ориентирует нас и Профессиональный стандарт педагога. В нем, в разделе проектирования и реализации основных общеобразовательных программ, акцентируется внимание на том, что педагог (совместно с психологом и другими специалистами) должен уметь составить психолого-педагогическую характеристику (портрет) личности обучающихся, осуществить (совместно с психологом и другими специалистами) психолого-педагогическое сопровождение основных общеобразовательных программ. Педагог также должен уметь определять совместно с обучающимися, его родителями, другими участниками образовательного процесса (педагог-психолог, учитель-дефектолог, логопед, методист и др.) зоны ближайшего развития ребенка, разработать и реализовать (при необходимости) индивидуальный образовательный маршрут и индивидуальные программы развития обучающихся [2, с. 5-8].

Поскольку вся совокупность общепрофессиональных и профессиональных компетенций бакалавров формируется в ходе освоения психолого-педагогических дисциплин базовой и вариативной части ФГОСа, а также курсов по выбору и блока практик, то нам в этом плане хотелось бы обратить особое внимание на возможности подготовки бакалавров к освоению и реализации задач инклюзивного образования детей с особыми об-

разовательными потребностями в ходе освоения этих компетенций.

Одной из наиболее важных общепрофессиональных компетенций, которой должен овладеть бакалавр, является готовность к профессиональной деятельности в соответствии с нормативно-правовыми документами сферы образования (ОПК-4). Данная компетенция формируется как в базовой части основной образовательной программы (ООП) в дисциплинах «Введение в педагогическую деятельность», «Теоретическая педагогика», так и в вариативной части и курсах по выбору: «Нормативно-правовые основы образования», «Педагогическая поддержка детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации», «Психолого-педагогические основы инклюзивного образования». Формирование данной компетенции состоит в том, чтобы бакалавры уяснили не только суть основных понятий, используемых в Федеральном законе «Об образовании в РФ», в т. ч. «инклюзивное образование», но и осознали важность права на качественное образование лицам с ограниченными возможностями здоровья «без дискриминации», «на основе специальных педагогических подходов», «посредством организации инклюзивного образования» [3, с. 9]. Чтобы они прочувствовали значимость основных прав обучающихся, предприняты меры по их социальной поддержке и стимулированию, направленные на предоставление условий для обучения с учетом их психофизического развития и состояния здоровья, в т. ч. получение социально-педагогической и психологической помощи, бесплатной психолого-медико-педагогической коррекции; обучение по индивидуальному учебному плану [3, с. 41].

В Профессиональном стандарте педагога нормативно-правовые требования Федерального закона конкретизируются в развивающей деятельности, где, например, рекомендуется освоение и применение психолого-педагогических технологий (в т. ч. инклюзивных), необходимых для адресной работы с различными контингентами: социально уязвимые дети, дети с особыми образовательными потребностями (аутисты, дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью и др.), дети с ограниченными возможностями здоровья.

Общепрофессиональная компетенция готовности сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладание мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1) имеет базовое интегративное значение и носит долговременный характер, она рассчитана на весь период профессионально-педагогического образования будущего учителя. Вместе с тем в Федеральном законе в статье «Об обязанностях и ответственности педагогических работников» (ст. 48), наряду с обязанностью осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне, соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать профессиональной этике, уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений, педагогические работники также обязаны учитывать особенности психофизического развития обучающихся и состояние их здоровья, соблюдать специальные условия, необходимые для получения образования лицам с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействовать при необходимости с медицинскими организациями [3, с. 59].

В Профессиональном стандарте педагога подчеркивается, что он должен владеть профессиональной установкой на оказание помощи любому ребенку вне зависимости от его реальных учебных возможностей, особенностей поведения, состояния психического и физического здоровья. В университете в рамках проектирования готовности бакалавров к профессиональной деятельности с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования в личностно-смысловом компоненте готовности нами раскрываются мотивы освоения педагогической профессии студентами, перечисляются условия развития их профессионального интереса, предлагаются методы, пути и средства развития профессионально-личностных качеств бакалавров в работе с детьми с особыми образовательными потребностями в ходе педагогических практик, волонтерской деятельности в учреждениях интернатного типа [4, с. 343-345].

Общепрофессиональные компетенции, включающие способность осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом социальных, возрастных и индивидуальных особенностей, в т. ч. особых образовательных

потребностей обучающихся (ОПК-2) и готовность к психолого-педагогическому сопровождению учебно-воспитательного процесса (ОПК-3), носят междисциплинарный характер и формируются в блоке психолого-педагогических дисциплин и методики преподавания конкретных предметных дисциплин на всех факультетах подготовки бакалавров направления «Педагогическое образование». Отрадно отметить, что в самой формулировке компетенции подчеркнута ориентация на работу с детьми с особыми образовательными потребностями (чего не было в предыдущих ФГОСах).

В Профессиональном стандарте педагога суть данной компетенции прослеживается во всех сферах деятельности педагога: и в обучении, и в воспитательной и развивающей деятельности, и в проектировании и реализации основных общеобразовательных программ, что дает основание к проектированию модели формирования готовности бакалавров к профессионально-педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования [5]. В основе этой модели лежит разработанная нами концепция подготовки учителя к коррекционно-педагогической деятельности с подростками [6].

Педагог, с точки зрения Профессионального стандарта, должен знать основные закономерности возрастного развития, стадии и кризисы развития, социализации личности, индикаторы индивидуальных особенностей траекторий жизни, их возможные девиации. Данный объем информации бакалавры получают в ходе освоения курса «Психология». Педагог также должен строить воспитательную деятельность с учетом культурных различий детей, половозрастных и индивидуальных особенностей, уметь формулировать воспитательные цели, способствующие развитию обучающихся, независимо от их способностей и характера. Причем уметь сотрудничать с другими педагогическими работниками и другими специалистами в решении воспитательных задач. Эти задачи решаются при освоении бакалаврами курса «Методика воспитательной работы в образовательной организации» в ходе летней педагогической практики.

Наконец, в рамках развивающей деятельности педагог обязан разрабатывать и реализовывать индивидуальные образова-

тельные маршруты, индивидуальные программы развития и индивидуально-ориентированные образовательные программы с учетом личностных и возрастных особенностей обучающихся, осуществлять психолого-педагогическое сопровождение основных общеобразовательных программ. Данные профессиональные умения должны формироваться у бакалавров в ходе педагогической практики на старших и выпускных курсах.

Таким образом, общепрофессиональные компетенции, сформулированные в ФГОСе последнего поколения и соотнесенные с существующей нормативно-правовой базой развития системы отечественного образования, дают право утверждать, что в рамках системы профессионально-педагогической подготовки бакалавров есть достаточно оснований не только спроектировать, но и реально реализовать модель профессиональной подготовки бакалавра к работе с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования.

1. Орлов А.А., Орлова Л.А. Проектирование компетентностно-ориентированного образовательного процесса в педвузе // Педагогика. 2014. № 8. С. 57-67.
2. Профессиональный стандарт педагога. М., 2013.
3. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон. М., 2013.
4. Гонеев А.Д. Проблема подготовки будущих педагогов к реализации инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2013. № 4 (54). С. 341-345.
5. Гонеев А.Д. Формирование у бакалавров готовности к профессионально-педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования // Педагогическое образование: вызовы XXI в.: материалы 4 Международной научно-практической конференции, посвященной памяти В.А. Сластенина / отв. ред. И.Ф. Исаев. Белгород, 2013. С. 281-286.
6. Гонеев А.Д. Подготовка учителя к коррекционно-педагогической деятельности с подростками. Москва; Курск, 2000.

1. Orlov A.A., Orlova L.A. Proektirovanie kompetentnostno-orientirovannogo obrazovatel'nogo protsessa v pedvuze // Pedagogika. 2014. № 8. S. 57-67.

2. Professional'nyy standart pedagoga. M., 2013.
 3. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon. M., 2013.
 4. *Goneev A.D.* Problema podgotovki budushchikh pedagogov k realizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya detey s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostyami // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Orel, 2013. № 4 (54). S. 341-345.
 5. *Goneev A.D.* Formirovanie u bakalavrov gotovnosti k professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya // *Pedagogicheskoe obrazovanie: vyzovy XXI v.: materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati V.A. Slastenina / otv. red. I.F. Isaev*. Belgorod, 2013. S. 281-286.
 6. *Goneev A.D.* Podgotovka uchitelya k korrektsionno-pedagogicheskoy deyatel'nosti s podrostkami. Moskva; Kursk, 2000.
- Поступила в редакцию 13.10.2014 г.

UDC 378

INTEGRATIVE APPROACH IN DESIGNING BACHELORS' PROFESSIONAL TRAINING FOR INCLUSIVE EDUCATION

Aleksander Dmitriyevich GONEYEV, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, Doctor of Education, Professor, Head of Education Department, e-mail: pedagogy@kursksu.ru

Different ways and means of bachelors' professional teachers training in the field of correctional pedagogy which enable them to teach children with special educational needs in the inclusive education environment were reviewed. The necessity of the integrative approach in bachelors' professional teachers training was proved. The legal documents regulating the requirements to the teachers involved both in secondary and professional education have failed to reflect the balance between the requirements presented by secondary school standards and the competences which bachelors of Education are to master during their university studies. Due to this, there emerges a need in the accordance to two aspects and their convergence in the Federal Common Core Standards in the framework of teachers training to enhance their professional performance. The common professional competences from the Federal Common Core Standards for higher education (Bachelor's degree) of the latest generation give an opportunity to meet the requirements of the Federal Law "About Education in the Russian Federation" and "Teacher's Professional Standard" which regulate the necessary level of teachers' professionalism and influence on the structure of the bachelors' university education in accordance with the requirements. The ways and means of developing the bachelors' professional competences on the basis of the integrative approach while teaching Psychology, Education and other subjects related to them were described. There have been shown certain ways to prepare the bachelors to solve different problems which they may face in the inclusive education.

Key words: integrative approach; professional training; competences; inclusive education; children with special educational needs.

УДК 159.922.7/8

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЗИЧЕСКИХ
И ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
В ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ**

© **Евгений Алексеевич УВАРОВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор психологических наук,
профессор, зав. кафедрой психолого-педагогического образования,
e-mail: mukinaeu@mail.ru

© **Алави Хайдар М. Алави**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, соискатель, кафедра адаптивной
физической культуры, e-mail: mukinaeu@mail.ru

Показано, что основой физкультурной деятельности является мотивационный компонент. Потребность в движениях составляет психологические основы мотивации занятий физической культурой и спортом. В исследовании обращается внимание на то, что направленность личностного уровня в физической культуре зависит от взаимодействия ряда процессов, которые в совокупности определяют широкий спектр интересов и потребностей занимающихся и пути их физической самореализации. Осознание физической культуры как части общей культуры личности и общества в целом, формирование устойчивого интереса к занятиям физическими упражнениями стоит в ряду приоритетных, но далеко не изученных научных задач. Исходя из этого, была поставлена задача изучения взаимодействия физической и мотивационной сферы студентов Ирака, обучающихся в российских вузах. В качестве критериев физической подготовленности выступили показатели основных физических кондиций, такие как сила, выносливость, гибкость, скоростные качества. Мотивационная компонента представлена комплексом психологических качеств, в целом отражающих нацеленность испытуемых на решение двигательных установок. Базовым качеством мотивационной сферы выступила мотивация достижения, отражающая соотношение стремления к успеху и избегания неудачи индивидом. Материал включает в себя данные, раскрывающие внутренние механизмы, способствующие или нет формированию потребности в движениях. В качестве такого маркера выступила фрустрация. Проведенное исследование позволило сделать вывод о тесном взаимодействии физической и психологической сфер, выступающего единым процессом в формировании потребности в двигательной активности индивида.

Ключевые слова: мотивация; потребности; фрустрация; стремление к успеху и избегание неудач; мотивация достижения; физическая культура личности; физические качества.

Проблема мотивации, мотивов поведения, формирование потребностей человека традиционно относится к одной из стержневых в психологии и педагогике. Общеизвестно, что основой любой деятельности, в т. ч. и физкультурно-спортивной, является потребностно-мотивационный компонент. По мнению К. Изарда, мотивация выступает как заинтересованность человека, обоснованность его желаний и стремлений в достижении цели. Мотивация представляется как процесс побуждения и стимулирования отдельного человека или группы людей к деятельности, активности и инициативе. Она необходима для эффективной реализации принятых решений и для выполнения намеченных действий. Применяя на практике

принцип мотивации, индивид превращает свои решения в дела [1].

Мотивация, как структурное образование, рассматривается российским ученым В.Г. Асеевым как многоуровневая система психической регуляции жизнедеятельности, отражающая в своем строении и содержании особенности объективной действительности, в которую включается и внешний для человека мир, и сам человек во всех его объективных характеристиках. При рассмотрении мотивации с точки зрения структурного подхода отмечаются такие ее характеристики, как множественность, иерархичность, устойчивость, динамичность, определенность для каждого человека [2].

Большое внимание изучению потребностно-мотивационной сферы человека уделя-

ется в работах А.Н. Леонтьева [3]. Российский исследователь рассматривает мотивацию как совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей.

В нашем исследовании мы базировались на понимании того, что потребность в движении составляет психологические основы мотивации занятий физической культурой. В этой связи формирование физической культуры как насущной потребности человека делает актуальным и необходимым исследование глубинной сущности и принципов ее дальнейшего становления [4; 5]. На сегодня с уверенностью можно утверждать, что осознание физической культуры как части общей культуры личности и общества в целом, формирование устойчивого интереса к занятиям физическими упражнениями стоит в ряду приоритетных, но далеко не изученных научных задач.

Исходя из этого, нами была поставлена задача изучения взаимодействия физической подготовленности и мотивационно-потребностной сферы студентов Ирака, обучающихся в российских вузах. Результаты исследова-

ния приведены после внедрения разработанной в экспериментальной группе методики, которая занималась в условиях спортивного клуба вуза. Содержание предложенной методики было направлено на формирование потребности в двигательной активности.

В экспериментальную группу вошли 32 человека, в контрольную группу, соответственно, 26 человек. Испытуемые экспериментальной группы не имели противопоказаний к занятиям физической культурой и относились к основной медицинской группе (табл. 1).

Анализ показателей, приведенных в табл. 1, позволяет сделать следующий вывод. Если на начальном этапе исследования между группами испытуемых не было отмечено достоверных различий в показателях, что свидетельствует об однородности физической подготовленности их представителей, то по окончании такие различия были очевидными. После внедрения методики в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой произошли существенные изменения показателей физической подготовленности, о чем свидетельствует достоверность различий ($p \leq 0,05$), за исключением показателя в беге на 30 м ($p \geq 0,05$).

Таблица 1

Показатели физической подготовленности групп испытуемых

№ п/п	Показатели физической подготовленности	Группы испытуемых			Достоверность различий (<i>P</i>)
		экспериментальная (<i>n</i> = 32)	контрольная (<i>n</i> = 26)	Различия (%)	
		<i>M</i> ± <i>m</i>			
1	Подтягивание на перекладине (количество раз)	7,4 ± 0,81/ 8,7 ± 0,67	7,2 ± 0,69/ 7,6 ± 0,71	2,8 13,6	<i>p</i> ≤ 0,05
2	Прыжок в длину с места (см)	180,4 ± 2,43/ 189,0 ± 2,15	179,1 ± 3,54/ 182,1 ± 2,93	0,7 3,8	<i>p</i> ≤ 0,05
3	Гибкость (см)	6,4 ± 0,30/ 7,3 ± 0,23	6,5 ± 0,25/ 6,8 ± 0,21	1,6 7,1	<i>p</i> ≤ 0,05
4	Бег 30 м (с)	5,3 ± 0,04/ 4,9 ± 0,03	5,2 ± 0,03/ 5,0 ± 0,03	1,9 2,0	<i>p</i> ≥ 0,05
5	Челночный бег 5×10 м (с)	15,1 ± 0,28/ 14,7 ± 0,19	15,3 ± 0,31/ 15,4 ± 0,29	2,3 4,7	<i>p</i> ≤ 0,05
6	Бег 1000 м (с)	259,5 ± 5,85/ 244,0 ± 4,19	265,7 ± 2,79/ 263,2 ± 2,57	2,4 7,6	<i>p</i> ≤ 0,05

Примечание: в таблице через черточку (/) представлены исходные и конечные показатели физической подготовленности в группах испытуемых; достоверность различий (P) указана по конечным показателям между группами испытуемых.

Так, в экспериментальной группе показатель подтягивания на перекладине увеличился на 13,6 %, в контрольной группе, соответственно, на 2,8 %. Данный показатель позволяет характеризовать изменения в области силовой подготовленности испытуемых.

Кроме этого, отмечается достоверный прирост показателей гибкости, прыжка в длину с места, челночного бега 5×10 м, бега на 1000 м. Показатель гибкости в экспериментальной группе увеличился на 7,1 %, в контрольной – на 1,6 %. Гибкость как физическое качество характеризует состояние опорно-двигательного аппарата, включая мышцы и связки. Также по развитию гибкости опосредованно можно судить о состоянии здоровья организма в целом.

Используя в качестве одного из тестов челночный бег 5×10 м, мы пытались изучить уровень, с одной стороны, координационных способностей испытуемых, с другой – их скоростно-силовую подготовленность. В конце эксперимента нами были получены следующие данные: в контрольной группе произошло увеличение показателя на 2,3 %, в экспериментальной, соответственно, на 4,7 %. Показатель прыжка в длину с места, характеризующий скоростно-силовую подготовленность испытуемых, в экспериментальной группе увеличился на 3,8 %, в контрольной – на 0,7 %.

Наибольшие изменения произошли в экспериментальной группе в беге на 1000 м. Анализ данных свидетельствует о том, что в экспериментальной группе произошел прирост показателей на 7,6 %, в контрольной, соответственно, на 2,4 %. Показатели одной и другой группы имели достоверное различие с $p \leq 0,05$. Из этого следует, что в экспериментальной группе значительно вырос показатель выносливости, который опосредованно позволяет судить о функциональном состоянии организма индивида.

При этом следует обратить внимание на то, что в беге на 30 м не обнаружено достоверных различий между группами испытуемых. Но вместе с тем в экспериментальной группе наблюдается увеличение абсолютного прироста, выраженного в процентах. Так, если в контрольной группе наблюдался прирост на 1,9 %, то в экспериментальной – на 2,0 %. Можно предположить, что скоростные качества в своем развитии являются более

консервативными, или предлагаемая методика не в полной мере была нацелена на развитие данной физической кондиции. К тому же, вполне возможно, что скоростные качества имеют более ранний сенситивный период развития.

Еще одно обстоятельство обращает на себя внимание – это существенное увеличение показателей выносливости (бег на 1000 м) и силы (подтягивание на перекладине) по сравнению со скоростно-силовыми и скоростными показателями. В этом отношении можно предположить, что на это влияет построение методики или сенситивный отклик организма на данные виды нагрузок.

Приведенные показатели физической подготовленности свидетельствуют об эффективности используемой методики в экспериментальной группе.

Что касается изменений, произошедших в мотивационно-потребностной сфере испытуемых, то следует обратить внимание на следующие моменты. Так, в табл. 2 представлены показатели самооценки и притязаний, полученные в ходе формирующего эксперимента.

Уровень самооценки и притязаний в процессе формирующего эксперимента значительно изменился в экспериментальной группе по сравнению с аналогичными показателями в контрольной группе. Так, если в контрольной группе показатель уровня притязаний увеличился на 1,4 %, то в экспериментальной группе – на 12,2 % с достоверностью различий $p \leq 0,05$. Что касается самооценки, то увеличение показателя в контрольной группе произошло на 4,9 %, в экспериментальной, соответственно, на 11,9 % ($p \leq 0,05$). Мы полагаем, что значимое увеличение показателей в экспериментальной группе произошло в результате влияния занятий двигательной активностью.

Логика исследования позволила нам провести анализ тех психологических механизмов, которые препятствуют более активным занятиям двигательной активностью иностранных студентов. В этой связи были использованы показатели фрустрации, состояния, препятствующего достижению цели и целенаправленным занятиям физической культурой. Ниже мы приводим показатели состояния фрустрации экспериментальной группы, полученные по окончании экспери-

мента, что для нас является более интересным и информативным (табл. 3).

В экспериментальной группе по всем показателям фрустрации произошло достоверно значимое снижение ($p \leq 0,05$). Так, показатель сверхконтроля снизился на 12,3 %, рационализация – на 17,7 %, агрессия – на 8,3 %. В целом фрустрационный порог в данной группе снизился на 19,4 %. Что касается аналогичных показателей контрольной группы, то их изменение выглядело следующим образом. Снижение показателя сверхконтроля составило 7,2 %, рационализации – на 5,7 %, агрессии – на 2,4 %. В целом снижение фрустрационного порога составило 1,7 %. Хотя в процентном отношении в контрольной группе, как и в экспериментальной группе, наблюдалось снижение показателей, эти изменения не были достоверно значимы ($p \geq 0,05$). Мы полагаем, что если в экспериментальной группе изменения были связаны с систематическими и целенаправленными занятиями двигательной активностью, то в

контрольной группе – с естественной адаптацией студентов в процессе образовательной деятельности в вузе.

В нашем исследовании применительно к изучению потребностной сферы испытуемых показатель мотивации достижения был базовым в ряду других психологических показателей (рис. 1).

Следует обратить внимание на то, что в экспериментальной группе показатель мотивации достижения с показателя 161,4 балла достоверно увеличился до 185,8 балла ($p \leq 0,05$). Это обстоятельство говорит о том, что экспериментальная группа сместилась с уровня избегания неудач на уровень стремления к успеху. В контрольной группе изменения были значительно ниже: с 159,2 до 164,7 балла ($p \geq 0,05$). Данная группа осталась на уровне избегания неудач. Сравнительный анализ групп испытуемых свидетельствует о значимых различиях между контрольной и экспериментальной группами по окончании эксперимента ($p \leq 0,05$).

Таблица 2

Уровень самооценки и притязаний в группах испытуемых

№ п/п	Показатели	Группы испытуемых			Достоверность различий (<i>P</i>)
		экспериментальная (<i>n</i> = 32)	контрольная (<i>n</i> = 26)	Различия (%)	
		<i>M</i> ± <i>m</i>			
1	Уровень притязаний	51,4 ± 5,3/ 59,7 ± 4,7	50,7 ± 4,6/ 53,2 ± 4,8	1,4 12,2	<i>p</i> ≤ 0,05
2	Уровень самооценки	57,3 ± 5,9/ 65,0 ± 5,3	56,4 ± 6,1/ 58,1 ± 5,9	4,9 11,9	<i>p</i> ≤ 0,05

Примечание: через черточку (/) указаны показатели до и после эксперимента; достоверность различий указана для конечных результатов в группах испытуемых.

Таблица 3

Показатели состояния фрустрации в экспериментальной группе

№ п/п	Показатели	Статистические величины			Достоверность различий (P)
		Исходные показатели	Конечные показатели	Различия (%)	
		M ± m			
1	Сверхконтроль	24,74 ± 1,19	21,17 ± 1,02	12,29	p ≤ 0,05
2	Рационализация	24,74 ±1,23	20,37 ± 1,19	17,7	p ≤ 0,05
3	Агрессия	21,54 ± 1,09	19,76 ± 1,44	8,3	p ≤ 0,05
4	Фрустрационный порог	23,92 ± 1,31	19,28 ± 1,28	19,4	p < 0,05

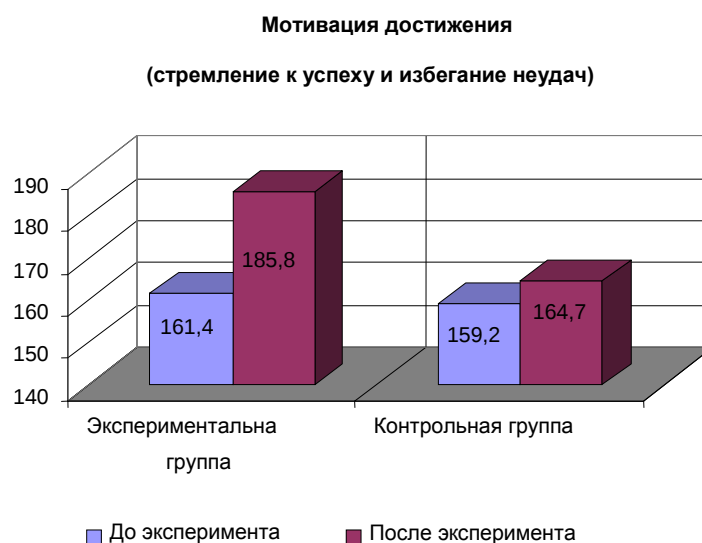

Рис. 1. Показатели мотивации достижения контрольной и экспериментальной групп

Отсюда можно сделать вывод, что формирование потребности в занятиях двигательной активностью у испытуемых экспериментальной группы направленно и эффективно происходит в условиях спортивного клуба вуза. Одновременно с позитивными изменениями мотивационно-потребностной сферы происходит заметный рост уровня физической подготовленности испытуемых экспериментальной группы.

Таким образом, можно констатировать наличие взаимодействия между мотивационной и физической сферами индивида, выступающего как единый процесс в организации двигательной деятельности.

1. Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
3. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции: Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилонас, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984.

4. Лубышева Л.И., Бальсевич В.К. Ценности физической культуры в здоровом стиле жизни // Современные исследования в области спортивной науки: материалы Международной конференции. СПб., 1994. С. 57-59.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.

1. Izard K. Psikhologiya emotsiy. SPb., 1999.
2. Aseev V.G. Motivatsiya povedeniya i formirovanie lichnosti. M., 1976.
3. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy, emotsii: Psikhologiya emotsiy. Teksty / pod red. V.K. Vilyunas, Yu.B. Gippenreyter. M., 1984.
4. Lubyшева L.I., Bal'sevich V.K. Tsennosti fizicheskoy kul'tury v zdorovom stile zhizni // Sovremennye issledovaniya v oblasti sportivnoy nauki: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. SPb., 1994. S. 57-59.
5. Il'in E.P. Motivatsiya i motivy. SPb., 2000.
6. Maslou A. Motivatsiya i lichnost'. SPb., 1999.

Поступила в редакцию 16.10.2014 г.

UDC 159.922.7/8

INTERACTION OF PHYSICAL AND INTEREST AND MOTIVATION COMPONENTS IN MOVEMENT ACTIVITY OF STUDENT'S YOUTH: EXPERIMENTAL DISCLOSING

Eugeny Alekseyevich UVAROV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychological and Pedagogical Education Department, e-mail: mukinaeu@mail.ru

Alavi Haidar M. Alavi, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Competitor, Adaptive Physical Culture Department, e-mail: mukinaeu@mail.ru

It is shown that the basis of athletic activity is a motivational component. The need for movement is psychological basis of motivation to participate in physical activity and sport. The study draws attention that the orientation of the personal level of physical culture depends on the interaction of several processes, which together define a wide range of interests and needs of the student and their physical realization. Awareness of physical culture, as part of a general culture of the individual and society as a whole, establishing a strong interest in exercise is among the priority, but not studied scientific problems. On this basis the task of studying the interaction of physical and motivational of Iraq's students studying in Russian universities is given. As criteria of physical fitness were the main indicators of physical conditions, such as strength, endurance, flexibility, speed. The motivational component is represented by complex psychological qualities, generally reflecting the focus of the subjects on the decision of the propulsion units. Basic quality motivational acted as motivation, achievement, reflecting the value of striving for success and avoidance of failure by the individual. The data that reveal the internal mechanisms that promote or no build demand in the movements is included. As such a marker made of frustration. The study allowed concluding that the close interaction of physical and psychological spheres, acting as a single process in the formation needs of motor activity of the individual.

Key words: motivation; needs; frustration; desire for success and avoiding failure; motivation; achievement; physical culture of personality; physical quality.

УДК 374.02

ВАРИАТИВНОСТЬ ТРЕНИРОВОЧНЫХ НАГРУЗОК РАЗЛИЧНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ В КОМПЛЕКСНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ С ЖЕНЩИНАМИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

© Сергей Владимирович ШПАГИН

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, ст. преподаватель кафедры физического
воспитания; Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
аспирант, e-mail: Vladimir.kitmanov@mail.ru

© Владимир Александрович КИТМАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
профессор, зав. кафедрой теории и методики спортивных дисциплин,
e-mail: Vladimir.kitmanov@mail.ru

Проанализированы применяемые тренировочные нагрузки для женщин пенсионного возраста и их использование в комплексно-комбинированной программе оздоровительной направленности. Также рассмотрены процессы адаптивных изменений организма женщин на нагрузки стандартно-повышающейся мощности в зависимости, где рассматривались показатели физической работоспособности, сердечно-сосудистой системы, дыхательной функции. Выявлены их изменения при воздействии на организм оздоровительных нагрузок различной направленности. Обнаружили, что на протяжении реализации комплексно-комбинированной программы исследуемые показатели улучшились: PWC_{170} – на 19,5 %; частота сердечных сокращений (ЧСС) после нагрузки – на 9,0 %; частота сердечных сокращений в период восстановления – на 5,0 %; порог анаэробного обмена (ПАНО) – на 4,0 %. Представленные таблицы отражают ход эксперимента. Полученные данные обработаны методами математической статистики с выявлением их достоверности различий по t -критерию Стьюдента. Исследования функций организма и физической работоспособности позволили определить степень адаптивности организма исследуемых женщин пенсионного возраста за период реализации оздоровительной программы и выявить направленность применения тренировочных нагрузок оздоровительного воздействия. Методика использования оздоровительной программы с вариативностью оздоровительных нагрузок вызвали положительные сдвиги в адаптивных процессах организма занимающихся и, в целом, оказали положительное воздействие на состояние здоровья и работоспособность стареющего организма женщин. Данные результатов эксперимента позволили выделить методические направления в оздоровительной физической культуре: во-первых, режимы по типу «удовольствие–эффект», когда исключалось выраженное утомление; во-вторых, режимы с более высокой нагрузкой, которые выполняются не только в «свежем» состоянии, но даже при выраженном утомлении, хотя и непредельном; в-третьих, оздоровительные режимы, где допускается и даже считается необходимым выполнение физических нагрузок с околопредельной и предельной интенсивностью, т. е. использовались нагрузки всего диапазона мощности, но в зависимости от подготовленности и стажа занятий оздоровительной тренировкой.

Ключевые слова: оздоровительная тренировка; физические нагрузки; показатели физической работоспособности; порог анаэробного обмена (ПАНО); частота сердечных сокращений (ЧСС).

В изученной нами литературе имеются отдельные фрагменты описания методических приемов по дозированию физических нагрузок оздоровительной направленности для женщин старшего возраста [1; 2]. Также имеются определенные исследования по реакции организма на нагрузки.

Изучив литературу, мы не нашли в полной мере ответа о влиянии нагрузок различной интенсивности на организм женщин зрелого возраста, а также не выявили режимы

тренировочных нагрузок по пульсовой стойкости. В связи с этим появилась необходимость поставить в исследовании те задачи, которые позволяют решить эти проблемы.

Прежде чем ответить на поставленные задачи, мы изучили работоспособность женщин пенсионного возраста на начальном этапе эксперимента. Из 12 испытуемых лишь только 2 не справились с нагрузками ступенчато-повышающейся мощности (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что средняя физическая работоспособность женщин старшего возраста в начале эксперимента составила 503,3 кгм/мин., а наименьший показатель работоспособности – 420 кгм/мин. Наибольший показатель у испытуемых на начальном этапе составил 558 кгм/мин. В конце эксперимента, после 6 месяцев занятий, работоспособность испытуемых возросла в пределах 100 кгм/мин. и составила 601,7 кгм/мин. Наименьший показатель в это время был зарегистрирован 498 кгм/мин., а наибольший – 680 кгм/мин. Отказа от выполнения стандартной нагрузки в конце эксперимента не наблюдалось, а разница в процентных отношениях от начала и до конца эксперимента составила 23,6 %.

Дальнейший ход исследования предполагал определить динамику ЧСС у женщин старшего возраста на нагрузку ступенчато повышающейся мощности.

Мы выявили, что средний показатель пульса в конце I нагрузки по PWC_{170} в начале эксперимента составил 147,5 уд./мин. Результаты эксперимента представлены в табл. 2.

Исследования показали, что в начале эксперимента не все испытуемые могли выполнить нагрузку на данном уровне физической и функциональной подготовленности, а при выполнении II нагрузки было 2 отказа от работы. Показатель среднего пульса по II нагрузке составил 170 уд./мин.

В ходе адаптации ССС за период оздоровительной программы ЧСС на стандартные нагрузки снизилось, и в конце эксперимента средний показатель составил при I нагрузке 135,5 уд./мин., а при II – 166,5 уд./мин. Отказа от выполнения стандартной нагрузки не наблюдалось. Разница в процентном отношении по ЧСС от начала и до конца оздоровительной программы составила 8,9 % на I нагрузку и 3,7 % на II нагрузку. Дальнейшая задача наших исследований состояла в изучении восстановительных процессов после нагрузок. Данные эксперимента отражены в табл. 3.

После выполнения I и II нагрузки через 5 мин., в начале и в конце эксперимента, определили восстановление ЧСС у испытуемых. Средний показатель пульса в начале эксперимента составил, соответственно, 96,2 и 108 уд./мин. В конце эксперимента после I нагрузки в восстановительном процессе пульс составил 92,3 уд./мин., а после II – 102,8 уд./мин., с разницей в процентах, соответственно, 4,2 % на начальном этапе эксперимента и 5,0 % в конце эксперимента.

Сравнивая показатели в табл. 1 и 3 можно заключить, что, несмотря на сложность выполнения II стандартной нагрузки, восстановительные процессы испытуемых протекали быстрее, т. е. адаптивная реакция организма на нагрузку в процессе восстановления была эффективнее.

Таблица 1

Изменение физической работоспособности у женщин пенсионного возраста в процессе реализации оздоровительной программы

№ п/п	Ф. И.О.	PWC_{170}	PWC_{170}	Разница (%)
		в начале эксперимента	в конце эксперимента	
1	Г. Т.В.	–	498	–
2	Н. Н.А.	525	630	20
3	А. Т.А.	540	680	25,9
4	К. А.Н.	558	678	21,5
5	И. Ф.В.	420	610	45,2
6	М. И.Г.	–	516	–
7	А. Л.Е.	495	580	17,2
8	М. И.И.	467	535	14,6
9	И. Л.И.	512	620	21,1
10	А. Л.М.	488	598	22,5
11	Ж. Е.Р.	498	615	23,5
12	К. Н.И.	530	660	24,5
Σ		5033	7220	236
М		503,3	601,7	23,6

Таблица 2

Изменения частоты сердечных сокращений у женщин пенсионного
возраста при нагрузках различной интенсивности

№ п/п	Ф. И.О.	ЧСС (уд./мин.) в начале программы		ЧСС (уд./мин.) в конце программы		Разница (%)	
		После I нагрузки на 5 мин.	После II нагрузки на 5 мин.	После I нагрузки на 5 мин.	После II нагрузки на 5 мин.	После I нагрузки	После II нагрузки
1	Г. Т.В.	176	–	154	178	14,2	–
2	Н. Н.А.	152	174	132	164	15,2	6,1
3	А. Т.А.	148	178	134	160	10,5	11,3
4	К. А.Н.	136	162	128	162	6,3	0
5	И. Ф.В.	142	174	136	172	4,4	12
6	М. И.Г.	166	–	140	176	18,6	–
7	А. Л.Е.	142	170	136	172	4,4	1,2
8	М. И.И.	146	172	134	170	8,9	1,2
9	И. Л.И.	146	166	132	162	10,6	2,5
10	А. Л.М.	144	174	134	170	7,5	2,4
11	Ж. Е.Р.	142	168	136	158	4,4	6,3
12	К. Н.И.	130	162	128	154	1,6	5,2
Σ		1770	1700	1624	1998	106,6	37,4
М		147,5	170	135,3	166,5	8,9	3,74

Таблица 3

Изменения частоты сердечных сокращений у женщин пенсионного возраста
в восстановительном процессе после физических нагрузок

№ п/п	Ф. И.О.	ЧСС (уд./мин.) в начале программы		ЧСС (уд./мин.) в конце программы		Разница (%)	
		После I нагрузки	После II нагрузки	После I нагрузки	После II нагрузки	После I нагрузки	После II нагрузки
1	Г. Т.В.	110	114	106	110	3,8	3,6
2	Н. Н.А.	96	104	92	98	4,3	6,1
3	А. Т.А.	98	114	94	108	4,3	5,6
4	К. А.Н.	90	102	84	96	7,1	6,3
5	И. Ф.В.	94	108	88	102	6,8	5,9
6	М. И.Г.	100	118	94	112	6,4	5,4
7	А. Л.Е.	94	112	94	108	0	3,7
8	М. И.И.	92	106	90	102	2,2	3,9
9	И. Л.И.	96	104	92	98	4,3	6,1
10	А. Л.М.	102	114	98	110	4,1	3,6
11	Ж. Е.Р.	94	104	90	98	4,4	6,1
12	К. Н.И.	88	96	86	92	2,3	4,3
Σ		1154	1296	1108	1234	50,0	60,6
М		96,2	108	92,3	102,8	4,2	5,0

Для более глубокого исследования дыхательной системы нами был изучен еще один показатель – порог анаэробного обмена (ПАНО), который позволил судить об адаптации дыхательной системы на нагрузки, ступенчато повышающейся мощности в зависимости от функциональной и физической подготовленности женщин старшего возраста, занимающихся оздоровительной тренировкой (табл. 4).

Методом Конкоми мы определили порог анаэробного обмена для каждого испытуемого в начале эксперимента и на этапе его завершения, т. е. через 6 месяцев оздоровительных тренировок [3].

Выявили, что средний показатель ПАНО по ЧСС в начале эксперимента составлял 151,5 уд./мин. Наибольший показатель в группе на данный период был зарегистрирован 160 уд./мин., а наименьший, т. е. лучший

по ЧСС – 142 уд./мин. В конце эксперимента средний показатель ПАНО составил 145,6 уд./мин. Наибольший показатель в группе – 155 уд./мин., лучший показатель – 136 уд./мин. Разница между показателями ПАНО в начале и в конце эксперимента составила 4,1 %.

Приведенные в табл. 4 показатели примерно аналогичны другим исследованиям отдельных авторов, занимающихся проблемами оздоровления [2; 5; 6].

Так, например, К. Купер допускает величины ЧСС в оздоровительной тренировке для людей среднего возраста до 150–160 уд./мин. Другой автор, Р. Хальмен, рекомендует доводить пульсовую стоимость нагрузки до 170–180 уд./мин. Однако Д.П. Ионов и В.З. Сагинян не рекомендуют для этого возраста использование нагрузок выше 120–130 уд./мин. В то же время Н.М. Амосов считает допустимыми нагрузки по ЧСС для лиц старшего и пожилого возраста 145–155 уд./мин.

Полученные показатели, представленные в табл. 1–4, были обработаны методами математической статистики с определением уровня значимости и достоверности различий по *t*-критерию Стьюдента и обобщены в сводной табл. 5 [2; 4].

Все результаты имели достоверность различий по *t*-критерию Стьюдента при

уровне значимости $P < 0,05$ за исключением показателя ЧСС во II нагрузке в начале и в конце эксперимента.

По всей вероятности, II нагрузка, предложенная испытуемым в начале и в конце эксперимента, вызывала определенные затруднения в ее реализации.

Хотя адаптивные реакции организма на данную нагрузку позволили все-таки ее реализовать, но достоверности различий мы не получили.

Таким образом, полученные результаты исследований свидетельствуют о том, что для испытуемых предлагаемые нагрузки были неадекватны. Это видно из показателей в табл. 1–4. Для того чтобы установить в целом возможности использования предложенных нагрузок, мы рекомендовали испытуемым ежедневно измерять ЧСС в условиях основного обмена.

Выяснилось, что в первые две недели занятий по оздоровительной программе частота пульса в условиях основного обмена увеличивалась или оставалась стабильной на повышенном уровне. Это свидетельствует о периоде «острой» адаптации, т. е. привыкании организма к нагрузкам на начальном этапе. Далее пульс постепенно снижался, периодически имея график преломления.

Таблица 4

Порог анаэробного обмена (ПАНО) у женщин пенсионного возраста при нагрузках оздоровительной направленности

№ п/п	Ф. И.О.	ПАНО (уд./мин.)		Разница (%)
		в начале оздоровительной программы	в конце оздоровительной программы	
1	Г. Т.В.	142	138	2,9
2	Н. Н.А.	158	150	5,3
3	А. Т.А.	160	154	3,8
4	К. А.Н.	158	155	1,9
5	И. Ф.В.	150	140	7,1
6	М. И.Г.	142	136	4,4
7	А. Л.Е.	148	142	4,2
8	М. И.И.	152	145	4,8
9	И. Л.И.	156	150	4
10	А. Л.М.	146	142	2,8
11	Ж. Е.Р.	146	140	4,2
12	К. Н.И.	160	155	3,2
Σ		1818	1747	48,6
М		151,5	145,6	4,1

Таблица 5

Сводная таблица показателей физической работоспособности и пульсовой стоимости у женщин пенсионного возраста в процессе реализации оздоровительной программы

№ п/п	Показатели	$M \pm \delta$ (кгм/мин.)		Разница в %	P
		в начале оздоровительной программы	в конце оздоровительной программы		
1	PWC_{170} (кгм/мин.)	$503,3 \pm 44,8$	$601,7 \pm 55,8$	19,5	< 0,05
2	ЧСС (уд./мин.)	<u>I нагрузка</u> $147,5 \pm 14,1$	<u>I нагрузка</u> $135,3 \pm 8,0$	9,0	< 0,05
		<u>II нагрузка</u> $170,0 \pm 5,2$	<u>II нагрузка</u> $166,5 \pm 7,4$	2,1	> 0,05
3	ПАНО (уд./мин.)	$151,5 \pm 5,5$	$145,6 \pm 5,8$	4,0	< 0,05
4	ЧСС (уд./мин.) в период восстановления	<u>I нагрузка</u> $96,2 \pm 6,7$	<u>I нагрузка</u> $92,3 \pm 6,8$	4,2	< 0,05
		<u>II нагрузка</u> $108,0 \pm 6,7$	<u>II нагрузка</u> $102,8 \pm 6,1$	5,0	< 0,05

С 7 по 8 неделю испытуемым давались тяжелые задания, вызывающие значительное утомление, что сказалось на реакции организма на нагрузку.

Второй пик повышения ЧСС в условиях основного обмена наблюдался с 17 по 18 неделю.

Причиной этому послужило прекращение на 2 недели занятий оздоровительной направленности в связи с исключительными обстоятельствами. Далее, до конца оздоровительной программы, пульс имел тенденцию к снижению.

В целом, изучив реакцию организма на нагрузку по пульсовой стоимости, дыхательным процессам, процессам восстановления, уровню ПАНО, а также изучив индивидуальные особенности организма испытуемых, мы можем выделить 3 методических направления в оздоровительной физической культуре [5; 6].

Во-первых, режимы по типу «удовольствие–эффект». Суть в том, что производительность нагрузки и интенсивность ее выполнения определяются способностью занимающихся выполнять их в состоянии, когда они исключают выраженное утомление.

Во-вторых, режимы с более высокой нагрузкой, которые выполняются не только в «свежем» состоянии, но даже при выраженном утомлении, хотя и не предельном.

В-третьих, оздоровительные режимы, где допускается и даже считается необходимым выполнение физических нагрузок с околопредельной и предельной интенсивностью. Как видно, требования весьма жесткие, но оздоровительный эффект весьма высок.

Указанные нагрузки посильны лишь здоровым людям с достаточно высоким уровнем физической подготовленности, большим стажем занятий оздоровительной тренировкой.

1. Федотов Ю.Н., Востоков И.Е. Спортивно-оздоровительный туризм / под ред. В.А. Таймазова, Ю.Н. Федотова. М., 2008.
2. Физкультурно-оздоровительная работа с людьми пожилого возраста. М., 2003.
3. Земцова И.И. Спортивная физиология. Киев, 2010.
4. Семенов Л.А. Введение в научно-исследовательскую деятельность в сфере физической культуры и спорта. М., 2011.
5. Полевский С.А. Стимуляция двигательной активности: монография. М., 2006.
6. Физкультурно-оздоровительные технологии / под общ. ред. А.А. Горелова, А.В. Лотоненко. М., 2011.

Поступила в редакцию 13.10.2014 г.

UDC 374.02

VARIABILITY OF TRAINING LOADS OF DIFFERENT INTENSITY IN THE COMPLEX WELLNESS PROGRAMS TO WOMEN OF RETIREMENT AGE

Sergey Vladimirovich SHPAGIN, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Senior Lecturer, Physical Education Department; Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, e-mail: Vladimir.kitmanov@mail.ru

Vladimir Aleksandrovich KITMANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Professor, Head of Theory and Methodics of Sport Disciplines Department, e-mail: Vladimir.kitmanov@mail.ru

Applied training load for women of retirement age and their use in complex combined program improving orientation is analyzed. Also, the processes of adaptive changes in the body of women to load standard-rising power depending where considered indicators of physical health, cardiovascular system, and respiratory function is considered. Their changes when exposed to body wellness loads of different directions are revealed. It is found that for the implementation of complex programs combined investigated indicators have improved: PWC_{170} – 19.5 %; heart rate after exercise (HR) – 9.0 %; heart rate recovery period – by 5.0 %; threshold of anaerobic metabolism (TAEM) – by 4.0 %. The tables reflect the course of the experiment. The obtained data were processed by methods of mathematical statistics to identify their significant differences in the Student's t -test. Research of body functions and physical performance have allowed the definition-casting degree of adaptability of the organism studied women of retirement age during the implementation of health program and to identify directions of application Train-loads of gauge health effects. The method of using health program with health variability loads caused positive changes in the adaptive processes in the organism involved and, in general, has had a positive impact on the health and performance of an aging women's body. These results of the experiment allowed to allocate methodical directions in improving physical training: firstly, the modes of the type "pleasure-effect" when excluded pronounced fatigue; secondly, the modes with higher load, are performed not only in the "open" state, but even in patients with severe fatigue, although unsaturated; thirdly, health regimes, where allowed and even considered necessary to perform physical activity with near-limit and limit the intensity, i. e. was used the full range of load capacity, but depending on the length of training and employment by improving training.

Key words: improving training; physical activity; indicators of physical health; threshold of anaerobic metabolism (TAEM); heart rate (HR).

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94"15/18"

РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ (на материалах юга Центральной России XVII–XVIII вв.)

© **Валерий Владимирович КАНИЩЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук,
профессор кафедры российской истории, e-mail: valcan@mail.ru

© **Елена Вячеславовна БАРАНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры российской истории,
e-mail: gortransort@gmail.com

© **Николай Анатольевич ЖИРОВ**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
г. Елец, Липецкая область, Российская Федерация,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
русской истории и археологии, e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Подведены некоторые итоги моделирования процесса историко-географического районирования одного из крупных регионов России на моменты пяти временных «срезов» – середины XVII, конца XVIII, середины и конца XIX, конца XX в. На основе проведенных экспериментов с применением суммарных экспертных оценок природно-географических, административно-политических, социально-экономических показателей определены количество и удельный вес «основных», «пограничных» и «посторонних» уездов южной части центра страны на каждый момент времени. Было построено 5 моделей, которые позволили сделать выводы о том, что в XVII–XVIII вв. изученный район существовал как зона южнорусского фронта со сложным сочетанием административных и хозяйственных границ; к концу XVIII в. сформировался центрально-земледельческий район с преобладанием зернового сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности; в течение XIX в. шло уточнение конфигурации границ региона в связи с завершением его заселения, неравномерным переходом отдельных уездов региона к неземледельческим занятиям; к концу XX в. в основном сохранились географические особенности региона, в социально-экономическом положении региона выявилась некоторая «пестрота» в сочетании сельского хозяйства и промышленности, перерабатывающей и других отраслей промышленности в разных областях и районах.

Ключевые слова: историко-географическое районирование; моделирование исторических процессов; юг Центральной России; метод экспертных оценок.

Уже в начале изучения географического районирования Российской империи, развернувшегося почти 200 лет назад, ученые заговорили о необходимости учета не только природных, но и экономических отличий между большими регионами страны. Не-

сколько позже речь пошла о важности изучения культурно-исторических факторов при районировании территории России. Особое значение мы придаем идее П.П. Семенова о выделении внутри географических областей особых «полос», определенных не только по административным территориям, но и с учетом естественных и экономических условий уездов [1–5].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-00195-а, государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

Даже в первые годы советской власти, когда господствовала ленинская концепция экономического районирования России, в практических решениях революционных органов учитывались и естественно-природные факторы. В частности, об этом говорилось в декрете Совета Народных комиссаров от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» [6]. Классическим примером можно считать образование Брянской губернии, ядро которой составили западные уезды Орловской губернии, отличавшиеся не только в промышленном (пролетарском) отношении, но и являвшиеся, главным образом, лесными и болотистыми территориями в отличие от остальных, лесостепных орловских земель.

Хотя в XX в. географический фактор в Советском Союзе стал больше учитываться при проведении административно-территориального деления, определяющими факторами, как убедительно показал С.А. Тархов, оставались текущие политические проблемы государства [7].

Советские историки, занявшиеся в 1950–1960-е гг. проблемой распределения территории России на отдельные районы, вынуждены были считаться с идеологически непрекословной ленинской концепцией экономического районирования России. В отличие от них сейчас мы можем сказать: конечно, В.И. Ленин был эрудированным человеком и выдающимся мыслителем. Но все же он не был ученым в профессиональном смысле этого слова. Более того, его труд «Развитие капитализма в России» был явно направлен на обоснование определенных политических целей.

Но даже в условиях советского идеологического контроля историкам хватало мудрости выполнять задачу по подтверждению ленинской концепции районирования, фактически совершенствуя ее с помощью научных аргументов. Так, Я.Е. Водарский для периода конца XVII – начала XVIII в. из ленинской схемы больших экономических районов выделил более мелкие. Для нас наиболее интересно выделение Черноземного центра (Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний), явно отличавшегося от Левобережной Украины, Востока и Юго-востока Европейской части, которые В.И. Ленин вместе с Цен-

трально-Черноземным районом (ЦЧР) объединял в большой центрально-земледельческий район. Убедительно Я.Е. Водарский формулирует два основных признака районирования для периода XVII–XVIII вв. По характеру феодальной зависимости населения Черноземный центр в этот период относился к области преобладания феодально-зависимого от государства населения, по степени освоения территории – к районам, в которых заселение и освоение территории продолжалось в больших размерах [8]. Для XIX в. такой же состав ЦЧР предложил и крупнейший специалист по аграрной истории этого времени И.Д. Ковальченко [9].

В самое последнее время солидную основу для разработки историко-географического районирования России создали материалы нескольких международных конференций, проведенных географическими факультетами Санкт-Петербургского и Ленинградского государственных университетов под эгидой Русского географического общества с широким привлечением географов и историков из разных регионов России. В частности, на 4-й конференции был поставлен вопрос о создании серии региональных трудов «Историческая география России». Естественно, постановка такого вопроса потребовала выработки определенной схемы историко-географических областей. В основу схемы, в принципе справедливо, были положены природно-географические и этнические характеристики российских регионов. Но при этом практически не был использован исторический подход, учет того, что границы отдельных областей в ходе истории менялись. Так, состав Среднерусской Черноземной области предлагается с учетом соответствующего современного экономического района (Орловская, Липецкая, Курская, Тамбовская, Белгородская, Воронежская области). Авторы схемы не учитывают, что Белгородская и Липецкая области возникли только во второй половине XX в. При этом в состав Липецкой вошли несколько районов из Рязанской области, которая обычно в состав ЦЧР не включалась. Современные Орловская и Тамбовская области намного меньше соответствующих губерний 1790–1920-х гг. С одной стороны, области точнее, чем губернии «укладываются» по своим характеристикам в Среднерусскую Черноземную область.

С другой стороны, мы должны учитывать то, что в старых схемах историко-географического районирования (К.И. Арсеньева, П.П. Семенова, В.И. Ленина, Я.Е. Водарского и др.) в ЦЧР включались губернии. К тому же, историкам зачастую приходится работать с источниками, которые создавались губернскими властями.

Поскольку губернские и областные границы никогда точно не совпадали с географическими, для более точного районирования необходимо делать опору на уездные и районные данные. Учитывая это, а также существование «пограничных полос» внутри географических районов и между ними, считаем важным привлекать данные по сопредельным с изучаемым регионам. Мы не случайно предварительно определили район изучения как юг Центральной России. Считаем важным проверить гипотезу о том, что формальный Черноземный центр географически имел более широкую конфигурацию, и в него входили некоторые соседние территории. Вместе с тем некоторые территории включались в него необоснованно. Тем более эта конфигурация исторически менялась.

Для периода середины XVII в. основой изучения стали уезды, входившие в зону Белгородской оборонительной черты, а также прилегавшие к ним территории, которые были пограничными в конце XVI – начале XVII в.

Применительно к концу XVIII – началу XX в. в качестве основы для изучения были избраны уезды Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской губерний, а также сопредельные с ними территории Рязанской, Тульской, Саратовской губерний и области войска Донского. Для конца XX в. основой изучения стали области Центрально-Черноземного экономического района и сопредельные территории Брянской, Орловской, Рязанской, Тульской, Пензенской, Саратовской и Ростовской областей.

Учитывая отсутствие абсолютно точной информации, а главное необходимость выявления сущностных качеств признаков историко-географических районов, мы посчитали необходимым моделирование «процедуры» районирования. Поскольку такие процедуры по определению субъективны, наиболее важным становится выбор метода формализации изученных показателей.

В свое время И.Д. Ковальченко для количественного измерения качественных признаков предложил использовать экспертные оценки. Такие оценки, по его мнению, наиболее подходят для измерения простых признаков, свойства которых однозначны и очевидны [10, с. 332-334]. Надеемся, что выделяемые нами признаки историко-географического района соответствуют такому подходу.

Среди прочих методов моделирования, предложенных И.Д. Ковальченко, мы обратили особое внимание на понятие экстенсивных показателей, при которых отдельные показатели (точнее их экспертные оценки) суммируются и дают как бы совокупную оценку признаков изучаемого объекта. При таком подходе нивелируются случайности учета только единичных признаков.

Мы также учли понятие факторного веса, который показывает уровень развития объекта по данному признаку. «Удобным» считаем предложенное И.Д. Ковальченко деление факторных весов на средний, повышенный и пониженный уровни. В нашей «процедуре» моделирования средним мы считали признак, наиболее типичный для изучаемого региона на данном временном «срезе». Ему присваивалась экспертная оценка 1. В тех случаях, когда признак той или иной административной единицы несколько отличался от типичного, ему выставлялась оценка 2. Для территорий, чьи показатели существенно отличались от основной части района, вводилась оценка 3.

В соответствии с принципом историзма для каждого отдельного временного «среза» периода середины XVII – конца XX в. мы предлагаем разный набор показателей, которые имели существенное значение для историко-географического районирования данного времени. Составляющие этого набора мы объясняем уже в процессе моделирования.

Итогом построения многомерной модели стало суммирование оценок всех показателей (экстенсивных показателей по И.Д. Ковальченко). Для заключения о принадлежности той или иной административной единицы к изучаемому историко-географическому региону мы считаем, что большинство показателей должны равняться 1, а в сумме $< n * 1,5$, где n = числу рассмотренных показателей района. Переходными мы предлагаем считать территории, для которых сумма показате-

телей будет равна $> n * 1,5 < n * 2,1$. Другими словами, это те территориальные единицы, среднее значение показателей которых было не более 2. Те территории, где среднее значение оказывалось более 2, мы относим к «посторонним», т. е. не входящим в данный историко-географический регион (см. приложение).

В первую очередь рассматривались отличительные географические признаки изучаемого региона и сопредельных территорий.

Одним из важнейших признаков в географическом районировании считается деление на *природные зоны*. В нашем случае речь идет о территории, которая относится к лесостепной полосе Европейской России. Для определения зоны расположения уездов юга Центральной России в XVII в. мы использовали карту, которую наши коллеги по проекту РФФИ московские географы С.К. Костовска и В.Е. Стулышапку составили на основе «Книги большому чертежу» начала XVII в. Были также использованы опубликованные карты губерний и уездов Центра России начала XX в. и областей и районов конца XX в. На эти карты были наложены современные границы среднерусской лесостепи. Для определения отличий между изучаемыми административными единицами в модельной матрице мы предлагаем три оценки: 1) лесостепь (основной признак принадлежности к району); 2) частично лесостепь (небольшое отличие от основного района); 3) нелесостепь (существенно отличающаяся лесная или степная зона).

Подсчеты показали, что почти 2/3 из уездов юга Центральной России середины XVII в. полностью находились в зоне лесостепи, около 20 % находились в этой зоне частично, почти столько же полностью располагались за пределами среднерусской лесостепи (табл. 1). К концу XVIII в. в том же регионе стало 86 уездов. К ним мы добавили для сопоставления 18 уездов Саратовской губернии и округов области войска Донского. Но даже в этом «расширенном» варианте большинство уездов располагались в зоне лесостепи. Если опустить данные по Саратовской губернии и области войска Донского, в которых только три уезда и округа частично располагались в лесостепи, процентное соотношение этих трех групп принимает такие значения: 63, 15 и 22. До конца XIX в. ввиду неизменности границ уездов эти соотношения не изменились.

Сравнение показателей середины XVII и конца XVIII – XIX в. показывает почти одинаковое соотношение уездов, относимых нами к югу Центральной России с их полным или частичным расположением в лесостепной зоне – 80 %. Наиболее очевидно расположение за пределами среднерусской лесостепи большей части пензенской территории – 4 из 5 уездов в XVII в., 9 из 10 – в конце XVIII – начале XX в. и нескольких уездов востока Рязанской и северо-востока Тамбовской губерний.

Таблица 1

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю принадлежности к среднерусской лесостепи (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	62	54	63	54	63	54	63	48	70
2	18	16	15	16	15	16	15	10	11
3	20	34	22	34	22	34	22	42	18

К концу XX в. после многих административно-территориальных перекроек, особенно дробления уездов на более мелкие районы, «пестрота» расклада значений показателя возросла. Немалое значение имел учет большого числа районов, прилегающих к основной территории юга Центральной России, Брянской, Ростовской и Саратовской областей. Без учета этих территорий мы видим явное преобладание районов, расположенных в среднерусской лесостепи. Географическое «несовершенство» административно-территориального деления конца XX в. включило в наши подсчеты треть районов южной части Центральной России, частично или полностью находящихся за пределами лесостепи.

Учитывая мнение почвоведов о начале современного этапа истории среднерусских черноземов примерно 400 лет назад, можно утверждать, что в начале изучаемого нами периода, в XVII в., границы *северных черноземных почв* были примерно такими же, как и сейчас [11, с. 1541-1547]. Средствами ГИС-технологий мы «наложили» эти границы на административные карты южных регионов Центра России XVII–XX вв. Но пришлось учитывать изменения в территориально-административных границах и, соответственно, числа уездов и районов, которые в разные времена по-разному (полностью или частично) попадали в зону чернозема (табл. 2).

Самый высокий процент «черноземности» в середине XVII в. получился в связи с тем, что для этого периода мы не учитывали донские и саратовские земли. Если не учитывать эти территории и для периода конца XVIII – конца XX в. (для последнего «среза» еще и брянскую территорию), получается, что в эти два столетия «коренные» губернии юга Центральной России точнее соотносились с зоной северного чернозема. Опять-таки вне ее оказались почти все пензенские уезды и районы, север и восток Рязанской губернии и области, северо-восток бывшей Тамбовской губернии.

В конца XX в. все районы Тамбовской области, как и соседней с запада Липецкой, находятся на черноземе. В Белгородской, Воронежской, Курской областях частично «заползли» в степную зону 2–5 районов. Наибольший разброс по расположению относительно черноземной полосы демонстрируют районы Рязанской области. Почти половина из 25 районов являются нечерноземными. С другой стороны, даже после выделения из территории бывшей Рязанской губернии Данковского и Раненбургского уездов в состав Липецкой области, в составе нынешней Рязанщины остались 4 «исконных» черноземных района. К тому же черноземными являются Сасовский и Шацкий районы, ранее входившие в состав Тамбовской губернии.

Таблица 2

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю почвы (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	62	58	70	58	70	57	69	42	61
2	18	10	8	10	8	10	9	19	28
3	10	32	22	32	22	33	22	39	11

Несколько меньшим разброс значений показателя почв в конце XX в. оказался в Тульской области, где 5 районов из 22 располагались в нечерноземной зоне, 7 районов – в черноземной, а еще 10 – на границах двух зон. В Пензенской области черноземными можно считать 3 района, нечерноземными – 8, «переходными» – 17. Еще меньший разброс мы увидели в данных по Орловской области, 5 – черноземных, 1 – нечерноземный район, остальные 18 – пограничные. Даже в Саратовской области 5 из 38 районов относятся к зоне северного чернозема.

Все эти данные по Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской и, в какой-то мере, Саратовской областям говорят о частичной правомерности не включения их в современный Центрально-Черноземный экономический район.

По понятным причинам наиболее сложно было проводить районирование по *климатическим показателям*. За основу мы решили взять описательные сравнительные данные К.И. Арсеньева середины XIX в., условно признали их адекватными для временных «срезов» середины XVII и конца XVIII в. [1]. Для последующих «срезов» учтены инструментальные наблюдения и климатические карты. В ходе исследования были установлены некоторые изменения в распределении территорий юга Центральной России по температурному режиму и осадкам.

Решая задачу установить степень однородности основных показателей климата в рассматриваемом регионе, мы предприняли попытку сопоставить повседневные проявления погоды на отдельных отрезках XVII–XX вв. в разных частях Центра России с Русским народным календарем, определить особенности этих проявлений в Окско-Донском междуречье. Итогом исследования стала гипотеза о том, что Русскому народному календарю наиболее соответствовала погода Москвы и прилегающих к ней территорий, которые были центром формирования русского народа. Имеющиеся данные о погодах на территории между Окой и Доном говорят об их заметном отличии от московской и, самое существенное, большей расбалансированности относительно народных примет [12].

Сравнение описательных материалов К.И. Арсеньева и «Полного описания» показывает некоторые изменения территории

распределения температурного режима в течение второй половины XIX в. К концу периода географы по-прежнему относили к наиболее типичным, умеренным по температуре, большую часть уездов Пензенской и Тамбовской губерний. В эту группу теперь включались только восточные уезды Воронежской и Орловской губерний, а из разряда «прохладных» перешли юг Тульской и юго-запад Рязанской губерний. К переходной, «прохладной» группе, как и в середине века, в географической литературе относились большая часть Тульской, северо-восток Рязанской и Тамбовской губерний, северо-запад Пензенской губернии. К противоположной переходной, «теплой группе» были отнесены Курская, западные части Воронежской и Орловской губерний. Все эти наблюдения об изменениях климата во второй половине XIX в. требуют дополнительного изучения. Но в целом уже сейчас можно сказать, что они принципиально не меняли географическое районирование юга Центральной России по показателю температурного режима.

Распределение изучаемых территорий по *показателю осадков* было несколько иным. К наиболее типичным для середины XIX в. мы отнесли сравнительно сухие уезды юго-восточной части Центра России. Более увлажненными были уезды, расположенные к северо-западу от них. Особую группу составили уезды, располагавшиеся в засушливой зоне. Сравнение описательных данных К.И. Арсеньева и «Полного описания» показывает некоторое смещение сухих уездов на северо-запад, в бывшие ранее умеренно влажные уезды Воронежской, Курской и Орловской областей [1; 13, с. 43–44]. Возможно, это было связано с отмеченным еще учеными-естественниками, современниками описываемых процессов, нарастанием сухости в Центральном Черноземье конца XIX в.

Современные наблюдения о наступлении леса на степь, связанном с ростом температур и увлажненности на границе лиственных лесов и лесостепи, ставят вопрос о том, что некоторые части Тульской, а также Рязанской областей «выбывают» из состава историко-географического Центрального Черноземья [14].

Для определения типичных для изучаемого района социально-экономических про-

цессов в первую очередь мы привлекли показатели миграций и плотности населения. В XVII–XVIII вв. юг Центральной России был вновь заселяемой территорией. Миграционный поток из «старомосковского» Центра России в южном и юго-восточном направлениях постепенно вел к выравниванию *плотности населения*, одного из важнейших показателей районирования. Но к середине XIX в. иммиграция в регион перестала быть существенной. К концу XIX в. показатель вселения в регион утратил особое значение. Здесь, наоборот, начинается процесс аграрного перенаселения и, соответственно, массовой эмиграции из региона.

Для разделения количественных данных о плотности населения на качественные оценки мы решили использовать предложенное П.И. Кеппеном в середине XIX в. деление губерний России по степени населенности на «сильно населенные», «со средним населением» и «бедно населенные» [15, с. 8–10]. Изучаемый нами историко-географический район в XVII–XVIII вв. главным образом относился к группе «со средним» населением. Для соответствующих уездов предлагается экспертная оценка 1. Часть северных территорий района входила в лесную «сильно населенную» зону (оценка 2). Напротив, некоторые южные земли находились в степной «бедно населенной» полосе (оценка 3). В XIX–XX вв. значение экспертных оценок показателя плотности заметно менялось. В конце XIX в. преобладали уезды с

высокой по тем временам плотностью, около 40 человек на кв. км, в конце XX в. – с низкой – 10–20 человек на кв. км (табл. 3).

В середине XVII в. малозаселенных уездов по меркам того времени на юге Центральной России не было. Большая часть уездов этой территории оказалась заселенной средне. Несколько меньше относилось к наиболее плотно заселенным. В конце XVIII в. во всей изученной совокупности вновь оказалось более всего уездов со средней плотностью, высокая плотность была характерна для трети уездов, низкая – для десятой части. Сохранение преобладания первой группы было, прежде всего, связано с появлением в течение середины XVII – XVIII в. на юге Центральной России новых уездов, которые быстро заселялись до среднего уровня плотности. Заметная доля второй группы была связана с тем, что все уезды Орловской, Тульской и Рязанской губерний, а также северо-востока Тамбовской губернии стали наиболее плотно заселенными. Появление третьей группы связано не только с учетом донских и саратовской земель, но и с существованием в Воронежской губернии 2-х малонаселенных уездов. Пересчет без саратовских уездов и донских округов показал преобладание типичных для региона уездов со средней плотностью. Уездов с высокой плотностью осталось столько же, но их доля выросла. Малонаселенные уезды имели очень незначительный удельный вес.

Таблица 3

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю плотности населения (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	54	52	51	63	76	63	65	38	38
2	46	38	47	13	9	35	21	26	30
3	0	10	2	24	15	2	14	36	32

В середине XIX в. во всей изученной совокупности оказалось более всего уездов с высокой плотностью – почти 2/3. Существенное преобладание первой группы было связано с окончательным заселением к середине XIX в. юга Центральной России большими группами крестьянства. Но некоторые юго-восточные территории этого большого региона еще продолжали осваиваться и достигли только средней плотности населения. В третьей группе находились не только «бедно населенные» степные донские округа и саратовские уезды, а также лесные Брянский и Трубчевский уезды Орловской губернии, Городищенский уезд Пензенской губернии, но и уже «перенаселенные» по меркам юга Центральной России, еще нетипичные для того времени отдельные уезды Курской, Орловской, Рязанской, Тульской губерний. Пересчет показателя плотности без саратовских уездов и донских округов еще убедительнее показал преобладание типичных для региона уездов с высокой плотностью. Доля уездов со средней и малой плотностью сократилась.

Данные конца XX в. оказались весьма специфическими. Они показывают некоторое преобладание малозаселенных районов как во всей совокупности, так и в группе территорий без учета Брянской, Ростовской и Саратовской областей. Вместе со 2-й группой (20–30 человек на кв. км) такие районы составляли около 2/3 при обоих вариантах подсчетов. По историческим меркам к концу XX в. на юге Центральной России произошло резкое снижение плотности населения, что стало типичной чертой этого большого региона. Районы с плотностью свыше 30 человек на кв. км, где были большие и средние города, и, наоборот, районы с очень низкой плотностью, где практически не было городского населения (3-я группа в наших оценках), не были характерны в конце XX в. для Центрально-Черноземного региона и прилегающих к нему территорий.

В историко-географическом районировании многонациональной и поликонфессиональной России важным является *этноконфессиональный* показатель. Для изучаемого нами региона принципиальное значение имеют изменения, связанные с ассимиляцией

русским народом и обращением в христианство некоторых «инородцев» и «иноверцев», а также приток в регион малороссов и немецких колонистов.

Категории населения, по которым косвенно можно определить «инородные» и «иноверные» элементы, стали фиксироваться уже в материалах подворных переписей, где нередко упоминались служилые черкасы (этнические украинцы), «новокрещенные» (в основном из мордвы и татар), «ясашные иноверцы» (мордва, татары, другие народы Поволжья) и т. д. Типичными для южной части Центральной России и сопредельных с нею земель мы посчитали территории, где население было полностью русским и православным с редкими, буквально единичными процентами «инородцев» и «иноверцев» (экспертная оценка 1). Во вторую группу мы включили уезды, где преобладали русские, но заметную долю составляли представители иных народов и религий. Экспертная оценка 3 присваивалась землям, где большинством были нерусские и неправославные жители (табл. 4).

Данные подворных переписей 1670-х гг. показали явное преобладание уездов с огромной долей русского и православного населения. Только в 4 пензенских и тамбовских уездах при общем преобладании русских доля «инородцев» и «иноверцев» была заметной. И лишь в Кадомском и Пензенском уездах большинство составляло ясачное население [8].

По данным конца XVIII в. в 3-ю группу из южных уездов Центральной России попал только Спасский уезд Тамбовской губернии, где наряду с русскими как минимум половину населения составляли некрещенные мордва и татары. В эту группу мы отнесли и Сальский округ области войска Донского, в котором практически все население было калмыками. Доля уездов 2-й группы для этого периода насчитывала чуть более десятой части. По-прежнему явно преобладали практически чисто русские и православные уезды. За вычетом из подсчетов донских и саратовских территорий этот показатель стал равняться 91 %. Другим словами, население юга Центральной России становилось все более однородно русским и православным.

Таблица 4

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю этноконфессиональной принадлежности населения (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	88	87	91	80	80	76	74
2	8	11	8	15	15	23	24
3	4	2	1	5	5	1	2

По данным середины XIX в., в 3-ю группу попали 3 южных уезда Курской губернии с преобладающим малороссийским населением и Спасский уезд Тамбовской губернии, где более половины населения составляли некрещенные мордва и татары. В эту группу мы отнесли и Сальский округ области войска Донского. В целом на юге Центральной России явно преобладали практически чисто русские и православные уезды. «Переходная» группа исчислялась только в 15 %.

Примерно таким же оставалось распределение значений этноконфессионального показателя на юге Центральной России и в конце XIX в. Некоторое увеличение «переходной» группы, вероятнее всего, связано с большей точностью учета этнических и конфессиональных признаков населения в ходе переписи 1897 г. Хотя нельзя отбрасывать и такой фактор, как ассимиляция русскими «иностранцев», в какой-то мере и миссионерскую деятельность православной церкви.

К концу XX в. этноконфессиональный показатель утратил значение для историко-географического районирования Центральной России. Во-первых, вследствие ассимиляционных процессов во всех районах Центра громадное преобладание русского населения стало очевидным. Во-вторых, районы с преобладанием мордвы были выделены в самостоятельную республику. В-третьих, в «безбожном» XX в. конфессиональная принадлежность перестала официально учитываться.

Вплоть до середины XIX в. сказывались особенности *социального состава* жителей

южной части Центра России. Применительно к середине XVII в. мы имеем в виду типичных для пограничья служилых людей (экспертная оценка 1). С другой стороны, в XVII в. те же территории заселялись тесно связанными со «старым» Центром дворцовыми, монастырскими и помещичьими крестьянами. Их преобладание было нетипичным для пограничных земель юга России того времени. Поэтому мы относим их к группе 2.

Полученное процентное соотношение 40 к 60 говорит о «глубоком» проникновении крепостничества в южные районы России уже в середине XVII в. (табл. 5). Изменения в социальной структуре населения южной части Центральной России в конце XVII – XVIII в. были связаны с переводом бывших служилых людей в однодворцы и значительным ростом на территории недавнего пограничья числа помещиков с крепостными крестьянами. Поскольку однодворцы жили значительно лучше крепостных, помнили о своем служилом прошлом, мы по-прежнему считаем их особой, характерной именно для рассматриваемого региона, социальной категорией, которая не была широко представлена в «старомосковских» уездах. Их преобладание оценивается единицей. Те уезды, где преобладали крепостные, экономические, дворцовые крестьяне, мы относим к группе 2. В связи с включением в «процедуру» районирования области войска Донского были выделена зона преобладания казаков, которой в наших показателях середины XVII в. не было. Подсчеты модельных данных по всей совокупности опять-таки показали преобладание уез-

дов с большинством крепостного населения. Специфические по российским меркам, но типичные для значительной части и юга Центральной России уезды с преобладанием однодворцев сохраняли значительное место – около трети изучаемых уездов. В середине XIX в. уезды с преобладанием однодворцев и близких к ним категорий государственных крестьян составляли менее трети. Преобладали уезды с большинством крепостного населения. Но без учета саратовских и донских земель, а также «пограничных» Пензенской, Рязанской и Тульской губерний их доля равнялась только 40 %. Другими словами, наиболее типичными для основной, черноземной части юга Центральной России (Воронежской, Курской, в меньшей мере Орловской и Тамбовской губерний) оставались уезды с преобладанием однодворцев и некоторых других категорий государственного крестьянства. После крестьянских реформ 1860-х гг. разделение крестьян на внутрисословные категории утратило существенное значение.

Самым существенным для аграрного общества вообще, особенно для вновь осваиваемых регионов, экономическим показателем является *доля распаханых земель*. Ввиду отсутствия точных данных о пашне вплоть до конца XVIII в. для определения этого показателя мы решили использовать данные Б.Н. Миронова о структуре природных угодий Европейской России по природным зонам [16, с. 23]. По этим данным, в лесостепной полосе доля пашни в природных угодьях приближалась к 20 %. Но это можно отнести только к лесостепной территории севернее Белгородской засечной черты. По-

этому мы отнесли уезды этой территории к типичным и присвоили им экспертную оценку 1. К югу от «черты» долгое время жить и пахать официально запрещалось. Но, как убедительно показано в исследованиях Ю.А. Мизиса и Д.А. Ляпина, других авторов, на этой территории и в условиях запрета велась хозяйственная деятельность в виде освоения бортовых ухажав [17–19]. Поэтому мы учитываем эту территорию как зону минимальной экономической освоенности российскими людьми территории (экспертная оценка 3). Экспертная оценка 2 предложена для уездов с относительно высокой долей распахки (более 20 %), расположенных близко к «старому» Центру страны.

Хотя преобладание типичных уездов в середине XVII в. было значительным, доля территорий с высоким по тем временам уровнем распахки была также немалой (табл. 6).

В конце XVIII в. распахка новых земель на юге Центральной России и сопредельных территориях еще продолжалась. В части уездов она достигла уровня «старомосковского центра» и даже превзошла его. Поэтому типичной и явно преобладающей стала группа с относительно высоким уровнем распахки (оценка 1). Пятая часть уездов юга Центральной России и прилегающих территорий была еще распахана средне. В этот период оставались уезды с минимальной распахкой. Но без учета саратовских уездов и донских округов только один лесной Городищенский уезд Пензенской губернии оставался распаханным мало.

Таблица 5

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю социального состава населения (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	40	29	34	27	31
2	60	63	66	65	69
3	0	8	0	8	0

В середине XIX в. заселение территории юга Центральной России в целом завершилось. К типичным для региона уездам с экспертной оценкой 1 мы отнесли территории с долей пашни от 50 до 70 %. Экспертная оценка 2 предложена для уездов с еще не очень высокой долей распашки (25–49 %), 3 – для малоосвоенных территорий, а также для «старопахотных» уездов с распашкой свыше 70 %, что было нетипично для южной части Центра страны. Как видно из табл. 6, «расклад» 1-й и 2-й групп при обоих вариантах подсчетов сильно не отличался. Иными словами, процесс втягивания юга Центральной России в широкое зерновое производство еще не завершился. С другой стороны, высоким оказалось значение «чрезмерной» распашки, что было связано с включением в подсчеты давно осваиваемых территорий Орловской, Рязанской и Тульской губерний, а также «забежавших вперед» по темпам распашки нескольких уездов черноземных губерний. Именно эти уезды обозначили историческую тенденцию, которая к концу XIX в. стала преобладающей. Типичными для юга Центральной России к этому времени стали территории с удельным весом распашки свыше 70 %.

К концу XX в. мы применили тот же экспертный подход. Во всей изученной сово-

купности районы с повышенной распашкой составили более 40 %. Но без учета нетипичных Брянской, Ростовской и Саратовской области – уже более 60 %. 2-я группа при обоих вариантах подсчетов оставалась сравнительно большой. Все это значит, что юг Центральной России, особенно его центрально-черноземная часть, остается территорией преимущественно аграрного земледельческого развития. Это и является его главной экономической особенностью.

В еще большей мере об этом свидетельствует специально введенный нами показатель *экономической направленности*. Для периода XVII в. наиболее типичной экономической направленностью в рассматриваемом регионе можно назвать «аграрно-служилую», когда все население уезда занималось сельским хозяйством, совмещая его с военной службой на Белгородской черте (экспертная оценка 1). Население прилегающих к этим уездам северных и западных территорий уже перестало нести военную службу и практически полностью занималось сельским хозяйством. Поэтому 2-ю группу уездов мы называем аграрными. К 3-й группе уездов, аграрно-индустриальной, мы отнесли три уезда Тульско-Каширского района, где с середины XVII в. заметно развилось металлургическое производство (табл. 7).

Таблица 6

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю распашки земли (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	60	69	80	40	48	63		41	63
2	36	22	19	32	22	35		51	32
3	4	9	1	28	30	2		8	2

Таблица 7

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю экономической направленности (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	64	74	78	75	79	80	81	242	175
2	30	18	22	22	18	12	14	63	39
3	6	8	0	3	3	8	5	24	7

В течение второй половины XVII – XVIII в. большинство уездов бывшей Белгородской черты утратили свои оборонительные функции и, в основном, стали чисто аграрными. Теперь они получили экспертную оценку 1. Часть из них приобрела заметные индустриальные функции (суконное и металлургическое производство). У этой группы осталась оценка 2. Замечен один «нелинейный» эффект, когда в связи с истощением рудной и топливной базы «захирел» Тульско-Каширский металлургический район, перестали быть индустриальными Алексинский и Каширский уезды. Для «чистоты эксперимента» мы должны были учесть, что прилегающие к югу Центральной России земли донских казаков были «аграрно-служилыми». Поскольку они были совсем нетипичными для конца XVIII в., их экспертная оценка составила 3. С учетом этих, а также саратовских земель, соотношение всей изученной совокупности по группам экономической направленности выглядело так: 74, 18, 8 %. Без учета прилегающих к южной части Центра страны территорий доля 1-й и 2-й групп поднялась на 4 %. Другими словами, при всех раскладах изучаемый регион оставался на этом временном «срезе» главным образом аграрным, хотя проникновение сюда крупной промышленности по сравнению с серединой XVII в. заметно выросло.

В середине XIX в. большинство уездов юга Центральной России были аграрно-индустриальными (естественно, по меркам промышленности того времени). Они получили экспертную оценку 1. Немало уездов

оставалось чисто аграрными – оценка 2. Некоторые территории запада и севера рассматриваемого большого района приобрели заметные индустриальные функции и могут быть отнесены к индустриально-аграрной группе (оценка 3). С учетом донских и также саратовских земель соотношение всей изученной совокупности по группам экономической направленности выглядело так: 75, 22, 8 %. «Отброс» прилегающих к южной части Центра страны территорий практически не изменил это соотношение, поскольку и там преобладала аграрно-индустриальная направленность.

К концу XIX в. ситуация изменилась только в том смысле, что на юге Центральной России и прилегающих территориях осталось совсем немного чисто аграрных уездов и округов (теперь они получили экспертную оценку 3) и, напротив, увеличилось число территорий индустриально-аграрной направленности (оценка 2). Преобладающей оставалась аграрно-индустриальная группа (оценка 1). Такая же направленность осталась преобладающей и в конце XX в. Доля «пограничной» индустриально-аграрной группы сохранялась также примерно на одинаковом уровне в сравнении с предыдущими временными «срезами». По-прежнему единичными процентами исчислялся удельный вес нетипичных для юга Центральной России и прилегающих территорий исключительно промышленных или аграрных районов.

Применительно к XIX–XX вв. мы обратили внимание на распределение промышленности на тяжелую и добывающую, с од-

ной стороны, и перерабатывающую – с другой. Именно преобладание переработки сельхозпродукции было характерно для аграрных территорий юга Центральной России. Такое преобладание мы оцениваем экспертной оценкой 1. В середине XIX в. во многих уездах рассматриваемого региона вообще не было промышленных предприятий. Такие уезды мы включили в группу 2. Совершенно нетипичным для среднерусской земледельческой полосы было преобладание в отдельных уездах тяжелой и добывающей промышленности (группа 3).

Изучение всех уездов и округов трех периодов показало, что наше предположение о преобладании в регионе перерабатывающей промышленности получила достаточно точное подтверждение (табл. 9). Даже в конце XX в., когда на юге Центральной России и в прилегающих территориях появилось немало современных промышленных центров тяжелой и добывающей промышленности, районы с преобладанием переработки сельхозсырья остались преобладающими, особенно в центрально-черноземной части этого большого района.

На всех срезах 1-я группа оказалась преобладающей, но только в конце XVIII в. имела явное преимущество (табл. 9). С другой стороны, при всех подсчетах малой оставалась нетипичная для района 3-я группа. Всегда значительной оставалась «пограничная» группа. Все это означает, что избранные нами социально-экономические критерии обладают высокой, но далеко не абсолютной четкостью. Конечно, социально-экономические критерии, необходимые для районирования во многом однородной, на большей части своей истории аграрной страны выделить непросто. Особенно это касается разделения «чисто» аграрных и аграрно-индустриальных (с одним винокурением или сахарным заводом) уездов или районов. Не случайно в конце XVIII в., применительно к которому мы вводили только один экономический критерий (направленности экономики), преобладание сугубо аграрной направленности было явным. Но и упрощать критерии для последующих, более сложных в со-

циально-экономическом отношении периодов, мы не имели права.

Нас «успокаивает» другое: распределение сумм экспертных оценок по более объективным географическим критериям оказалась очень близкой.

Мы видим, что географический фактор районирования медленно рос (табл. 10). Это свидетельствует о постепенно большем учете властями природных границ. Наиболее ярким примером можно считать образование в 1920 г. Брянской губернии, ядро которой составили западные уезды Орловской губернии, отличавшиеся в экономическом (промышленном) отношении и являвшиеся главным образом лесными и болотистыми территориями в отличие от остальных лесостепных орловских земель.

В XVII–XVIII вв. заметную для районирования роль играл военно-политический фактор, принадлежность изучаемого историко-географического района к зоне южного русского фронта. Но к концу XVIII в. этот показатель различий между уездами юга центральной части Европейской России утратил свое значение. В условиях примерно одинакового социально-экономического развития юга Центральной России и прилегающих территорий наибольшее значение приобретали географические признаки. Только в конце XVIII в. их суммарная оценка была ниже суммы социально-экономических показателей. Во все остальные периоды комплекс географических показателей был определяющим, особенно в «коренной» части юга Центральной России. Большая доля «пограничных» уездов и районов говорит не только об «искусственности» учета примыкающих к Центральному Черноземью территорий. Такой учет все-таки был необходим. На каждом временном «срезе» мы «уловили» в этой группе по несколько десятков уездов и районов, не относившихся формально к ЦЧР, но имевших признаки этого региона. Напротив, внутри Центрально-Черноземных губерний и областей всегда оказывались территории с признаками «пограничности». Понятно, что это отразилось в распределении экстенсивных экспертных оценок.

Таблица 8

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю отраслевой структуры промышленности (в %)

Экспертные оценки	Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	82	82	83	84	37	49
2	6	6	10	10	32	29
3	12	12	7	6	31	22

Таблица 9

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по сумме социально-экономических показателей (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	48	78	80	54	61	52		45	56
2	46	17	20	41	36	35		36	32
3	6	5	0	5	3	15		19	12

Таблица 10

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по сумме географических показателей (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	66	57	67	58	68	57		48	70
2	20	17	20	16	19	10		21	27
3	14	26	13	26	13	37		32	3

Таблица 11

Распределение экстенсивных экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских и брянских земель
1	38	41	42	55	65	33	39	41	60
2	50	47	49	32	30	44	53	34	36
3	12	12	9	13	5	15	8	25	4

Итоговая табл. 11 показывает, что «твердо» к единому региону только на некоторых временных «срезах» относилось большинство уездов или районов. Нередко преобладала «пограничная» группа. Но во всех случаях нетипичные аграрно-территориальные образования в изученной совокупности были в явном меньшинстве. Все это объяснимо при расширительном подходе к районированию и субъективности экспертных оценок.

И все-таки на основании представленных карт (рис. 1) можно говорить о длительном существовании устойчивой территории на юге Центральной России, которую можно квалифицировать как единый историко-географический район. Причем этот район всегда был шире современного Центрально-Черноземного экономического района. Практически во всех прилегающих губерниях и областях были уезды и районы, которые официально не попадали в Центрально-Черноземный регион по каким-то административным соображениям. В наибольшей мере это относится к восточной части Орловской области, юго-восточной части Тульской области и юго-западной части Рязанской области. С другой стороны, наше исследование не подтверждает мнения некоторых историков, которые относили к Черноземному Центру Пензенскую область.

Вместе с тем следует признать появление в конце XX в. в «коренном» Центрально-Черноземном регионе некоторой «рыхлости» общей территории. Несколько районов в силу социально-экономических особенностей

оказались в «пограничной» группе. В части из этих районов определяющими показателями стали промышленная направленность, преобладание тяжелой и добывающей промышленности над сельским хозяйством и, соответственно, высокая плотность населения. Наоборот, несколько районов остались сугубо сельскохозяйственными, нередко с отсутствием перерабатывающей промышленности вообще, с очень низкой плотностью населения. Наиболее наглядно это проявилось в центральной и восточной части Липецкой области, которая является явно лесостепной и черноземной по географическому положению, но по промышленной «продвинутой» нетипичной для Центрального Черноземья.

И все-таки можно говорить об определенных, более-менее точных итогах моделирования районирования юга Центральной России для разных временных «срезов». Удалось построить 5 моделей историко-географического районирования избранного региона для 5 временных «срезов». Эти модели представляются нам адекватными, в целом верифицируются имеющимися в историко-географической литературе представлениями о специфике Центрально-Черноземного района и прилегающих к нему территорий на разных отрезках истории. Они позволяют сделать следующие выводы:

1) в XVII–XVIII вв. район существовал как особая зона южнорусского фронта со сложным сочетанием административных и хозяйственных границ;

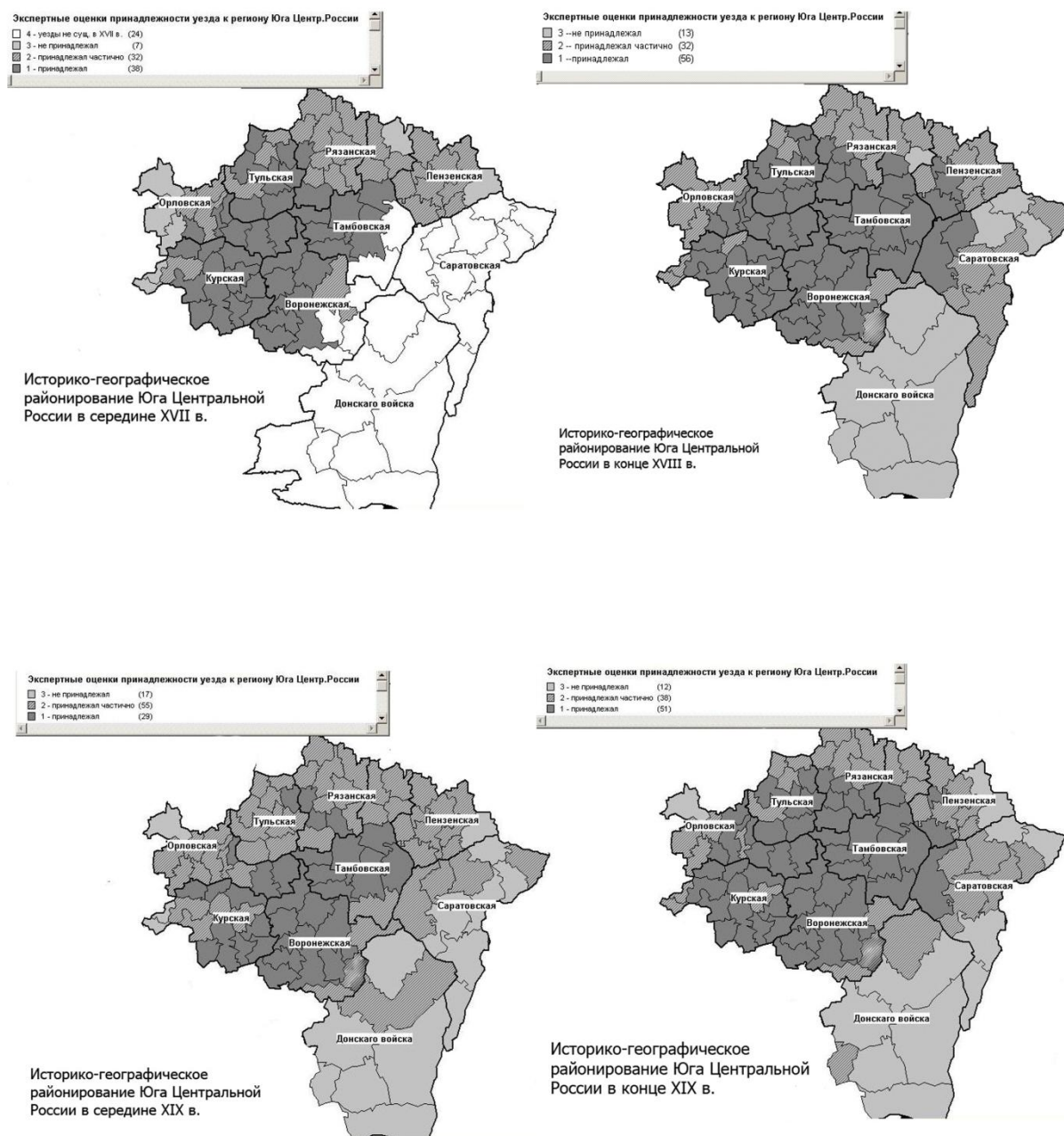

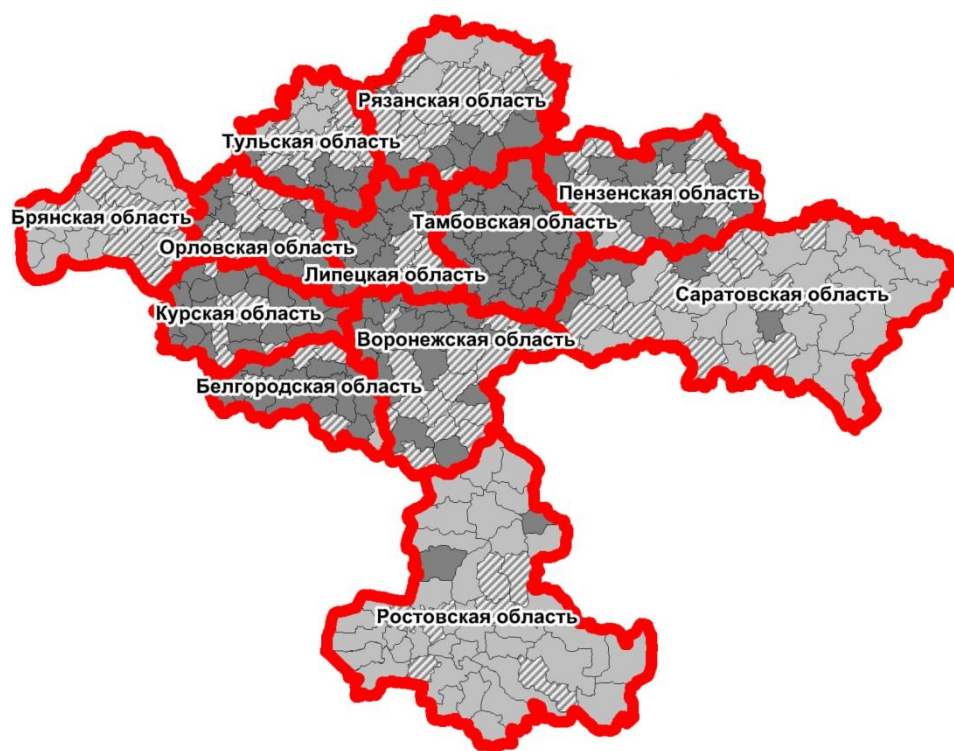
Рис. 1. Историко-географическое районирование юга Центральной России в середине XVII в., конце XVIII в., середине XIX в., конце XIX в.

2) к концу XVIII в. сформировался центрально-земледельческий район с преобладанием зернового сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности;

3) в течение XIX в. (модели середины и конца века принципиально не отличаются) шло уточнение конфигурации границ изучаемого района в связи с завершением его заселения, неравномерным переходом от

дельных уездов региона к неzemледельческим занятиям;

4) к концу XX в. в основном сохранились географические особенности района, несмотря на сильное влияние антропогенного фактора на его природную среду. В социально-экономическом положении региона выявилась некоторая «пестрота» в сочетании сельского хозяйства и промышленности, перерабатывающей и других отраслей промышленности в разных областях и районах.

Экспертные оценки принадлежности уезда к региону Юга Центральной России

■ 3 -- не принадлежал	(86)
▨ 2 -- принадлежал частично	(114)
■ 1 - принадлежал	(145)

Рис. 2. Историко-географическое районирование юга Центральной России в конце XX в.

1. *Арсеньев К.* Статистические очерки России. Спб., 1848.
2. *Крубер А.А.* Физико-географические области Европейской России // *Землеведение*. 1908.
3. *Семенов П.П.* Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // *Статистический временник Российской империи*. Спб., 1871. Вып. 2.
4. *Семенов П.П.* Несколько общих выводов из данных по статистике поземельной собственности и населенных мест Центральной Земледельческой области // *Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России*. Спб., 1880. Вып. 1. С. 14-64.
5. *Цинцадзе Н.С.* Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX в. в восприятии современников. Тамбов, 2012.
6. СУ РСФСР. 1918. № 21. Ст. 318.
7. *Тархов С.* Динамика административно-территориального деления России в XX в. // *Россия и ее регионы в XX в.: территория – расселение – миграции*. М., 2005. С. 33-75.
8. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
9. *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
10. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического познания. М., 1987.
11. *Канищев В.В., Ковалева Н.О., Ковалев И.В.* Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // *Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки*. Тамбов, 2012. Т. 17. Вып. 6. С. 1541-1547.
12. *Канищев В.В.* Русский народный календарь и реальные погоды на Юге Центральной России в XVII–XX вв. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к Международной научной конферен-

- ции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М., 2013. С. 417–422.
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: в 11 т. Спб., 1902. Т. 2.
14. Костовска С.К., Стульшанку В.О. Природно-географические особенности среднерусской черноземной историко-географической области // Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки. Тамбов, 2012. Т. 17. Вып. 6. С. 1537–1540.
15. Сборник статистических сведений о России. Кн. 1 / под ред. М.П. Заблоцкого. Спб., 1851.
16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Спб., 1999.
17. Ляпин Д.А. На степном пограничье: Верхний Дон в XV–XVII вв. Тула, 2013.
18. Мизис Ю.А., Напольникова П.К. Бортные уходы, как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к Международной научной конференции. М., 2013.
19. Чернявский В.И. П.П. Семенов-Тянь-Шанский и его труды по географии. М., 1955.
- regiony v XX v.: territoriya – rasselenie – migratsii. М., 2005. С. 33–75.
8. Vodarskiy Ya.E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka. М., 1977.
9. Koval'chenko I.D. Agrarnyy stroy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v. М., 2004.
10. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo poznaniya. М., 1987.
11. Kanishchev V.V., Kovaleva N.O., Kovalev I.V. Istoricheskoe pochvovedenie Tambovskoy oblasti: pervye rezul'taty issledovaniy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki. Tambov, 2012. Т. 17. Вып. 6. С. 1541–1547.
12. Kanishchev V.V. Russkiy narodnyy kalendar' i real'nye pogody na Yuge Tsentral'noy Rossii v XVII–XX vv. // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3: Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 21–23 noyabrya 2013 g. М., 2013. С. 417–422.
13. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: v 11 t. Spb., 1902. Т. 2.
14. Kostovska S.K., Stulyshapku V.O. Prirodno-geograficheskie osobennosti srednerusskoy chernozemnoy istoriko-geograficheskoy oblasti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki. Tambov, 2012. Т. 17. Вып. 6. С. 1537–1540.
15. Sbornik statisticheskikh svedeniy o Rossii. Кн. 1 / pod red. M.P. Zablotskogo. Spb., 1851.
16. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb., 1999.
17. Lyapin D.A. Na stepnom pograni'ch'e: Verkhniy Don v XV–XVII vv. Tula, 2013.
18. Mizis Yu.A., Napol'nikova P.K. Bortnye ukhozh'ya, kak forma zaseleniya i osvoeniya yuzhnorusskogo pograni'ch'ya v XVI–XVII vv. // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3: Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. М., 2013.
19. Chernyavskiy V.I. P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy i ego trudy po geografii. М., 1955.

Поступила в редакцию 20.11.2014 г.

Приложение

Образец матрицы экспертных оценок. Середина XVII в.

Показатели Уезды	Природная зона	Почва	Температура	Осадки	Сумма географических критериев	Политический контроль	Миграция	Плотность населения	Этноконфессиональный состав	Социальный состав	Пашня	Экономическая направленность	Сумма социально-экономических критериев	Сумма итого
Алексинский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	3	15	21
Белгородский	1	1	1	2	5	1	1	1	1	1	1	1	7	12
Белевский	2	2	2	2	8	3	2	2	1	2	2	1	13	21
Богородицкий	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	1	13	19
Болховский	2	2	1	2	7	2	2	2	1	2	2	2	13	20
Брянский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	2	2	1	13	22
Валуйский	1	1	2	1	5	1	1	1	1	1	1	1	7	12
Веневский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	2	14	20
Воронежский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	2	1	1	8	12
Данковский	1	1	2	1	5	2	2	1	1	2	1	1	10	15
Добренский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Елецкий	1	1	1	1	4	2	1	1	1	2	1	1	9	13
Епифанский	1	1	2	2	6	3	2	1	1	2	1	1	11	17
Ефремовский	1	1	2	2	6	2	2	1	1	1	1	1	9	15
Инсарский	3	3	1	1	8	1	1	1	2	1	1	1	8	16
Кадомский	3	3	2	2	10	3	2	2	3	1	1	2	14	24
Карачевский	2	2	1	2	7	3	2	2	1	1	2	2	13	20
Касимовский	3	3	2	2	10	2	2	1	2	2	2	2	13	23
Каширский	2	2	2	2	8	3	2	2	1	2	2	3	15	23
Керенский	2	2	1	1	6	1	1	1	2	1	3	1	10	16
Козловский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Короченский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Крапивенский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	2	14	20
Кромский	1	1	1	2	5	2	2	2	1	2	1	2	12	17
Курский	1	1	1	2	5	2	2	1	1	2	1	2	11	16
Лебедянский	1	1	1	1	4	2	1	1	1	2	1	1	9	13
Ливенский	1	1	1	1	4	2	1	1	1	1	1	1	8	12
Мценский	1	1	1	2	5	2	2	2	1	1	1	1	10	15
Новооскольский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Новосильский	1	1	2	2	6	2	2	1	1	2	1	1	10	16
Обоянский	1	1	1	2	5	2	1	1	1	1	1	1	8	13
Одоевский	2	2	2	2	8	3	2	2	1	2	2	2	14	22
Орловский	1	1	1	2	5	2	2	2	1	2	1	2	12	17
Пензенский	3	3	1	1	8	1	1	1	3	1	1	1	9	17
Путильский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	2	2	2	14	23
Романовский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	2	1	1	8	12
Рыльский	1	1	1	2	5	3	2	2	1	2	1	2	13	18
Ряжский	1	1	2	1	5	2	2	2	1	2	2	1	12	17
Рязанский	2	2	2	1	7	3	2	2	1	2	1	1	12	19
Саранский	3	3	1	1	8	1	1	1	2	1	3	1	10	18
Севский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	1	2	2	13	22
Старооскольский	1	1	1	2	5	2	2	1	1	1	1	1	9	14
Судженский	2	2	1	1	6	1	1	1	1	1	1	1	7	13
Тамбовский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	2	1	1	8	12
Темниковский	3	3	2	2	10	3	2	2	2	2	2	2	15	25
Трубчевский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	2	2	2	14	23
Тульский	1	1	2	2	6	2	2	2	1	2	2	3	14	20
Чернавский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Чернский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	1	1	12	18
Шацкий	2	2	2	1	7	2	2	1	1	2	2	1	11	18

UDC 94"15/18"

THE RESULTS OF MODELING OF HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL REGIONALIZATION (on materials of south-central Russia in 17th–18th centuries)

Valeriy Vladimirovich KANISHCHEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor of Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

Elena Vyacheslavovna BARANOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Senior Lecturer of Russian History Department, e-mail: troveo@mail.ru

Nikolay Anatolyevich ZHIROV, Eletsk State University named after I.A. Bunin, Eletsk, Lipetsk region, Russian Federation, Candidate of History, Senior Lecturer of Russian History and Archaeology Department, e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

The research summed up the results of the modeling process, historical and geographical regionalization one of the largest regions of Russia at five time points, “slices” – the middle of the 17th century, the end of the 18th century, middle and end of 19th century, the end of the 20th century. On the basis of experiments with the use of expert estimates of the total natural and geographical, administrative, political, socio-economic indicators the number and proportion of “basic”, “border” and “outsiders” counties southern center of the country at any given time are determined. 5 models were built, which led to the conclusion that in the 17th–18th centuries the area existed as a southern Russian frontier zone with a complex combination of administrative and economic boundaries are formed, by the end of the 18th century the central agricultural region dominated by grain farming and processing industries, during the 19th century is formed the configuration of borders in the region in connection with the completion of his settlement, uneven transition of individual counties in the region to the non-agricultural employment took place; by the end of the 20th century mostly geographical features of the region were preserved, socio-economic situation in the region to identify some “diversity” in combination of agriculture and industry, processing and other industries in different regions and districts, is disclosed.

Key words: historical and geographical regionalization; modeling of historical processes; south-central Russia; method of expert evaluations.

УДК 94(47).081

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

© Наталья Матвеевна СЕЛИВЕРСТОВА

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и политологии, e-mail: nseliverstova@mail.ru

Одним из ключевых моментов в отечественной истории является отмена крепостного права. Тем не менее, до настоящего времени не была достаточно детально изучена социально-экономическая программа поместного дворянства в период подготовки крестьянской реформы. Являясь весьма заинтересованной в итогах реформы стороной, владельцы имений вступили в активный диалог с властью накануне отмены крепостного права. Ставится цель показать процесс выработки социально-экономической программы поместного дворянства в связи с начавшимся обсуждением отмены крепостного права, ее постепенную трансформацию по мере изменения правительственной программы крестьянской реформы. Рассматриваются наиболее важные факторы, определявшие содержание этой программы, ее основные элементы, включая отношение к самому крепостному праву, личным и имущественным правам крестьян, организацию выкупа земли. Широко используются архивные материалы, в т. ч. неопубликованные дворянские проекты отмены крепостного права, адресованные в Главный комитет по крестьянскому делу. Делается вывод о существовании обратной связи между правительственной программой отмены крепостного права и социально-экономической программой поместного дворянства, сформированной им в предреформенный период.

Ключевые слова: дворянство; крестьянство; крепостное право; помещики; крестьянская реформа 1861 г.

В современном российском общественном сознании и отечественной историографии доминирует точка зрения, согласно которой роль дворянских комитетов по подготовке крестьянской реформы и шире – всего дворянского общества в выработке программы освобождения крестьян была либо весьма незначительной, либо вообще негативной. Но подобные представления оспаривались многими, начиная с современников событий, их участников и свидетелей, об этом говорили и различные исследователи, посвящавшие свои работы истории крестьянской реформы. Например, И.И. Иванюков так характеризовал ошибочные представления о роли дворянства в деле подготовки отмены крепостного права: «В обществе существует легенда, будто положения дворянских комитетов представляют целиком безобразный и ни к чему негодный хлам крепостнических тенденций, в котором только кое-где, в голове случайно замешавшихся единиц, мелькали здравая мысль и добросовестное отношение; будто Положение 19 февраля сочинил кружок умных и честных либералов, а общество ни причем и скорее мешало» [1, с. 166].

Достаточно подробно анализ помещичьих программ для предстоящей крестьянской реформы был предпринят А.А. Корниловым в его работе «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858–1859 гг.» [2]. Эта статья рассматривает не только программы губернских дворянских комитетов и их членов, но и само состояние крестьянского вопроса, каким его себе представляло общество и власть в период, начиная с предшествующего николаевского царствования и вплоть до отмены крепостного права.

Это же направление исследований продолжил Н.М. Дружинин в своей статье о деятельности «Журнала землевладельцев» в период подготовки крестьянской реформы. Крупнейший советский историк в своей ранней работе обратился к изучению позиции поместного провинциального дворянства по отношению к готовящейся отмене крепостного права. Согласно его выводам большинство публикаций в журнале, весьма популярном в поместной среде, основывалось на выводе о необходимости освобождения крепостного труда [3, с. 27].

В своем фундаментальном труде, посвященном подготовке крестьянской реформы,

Л.Г. Захарова значительное внимание уделила процессу выработки правительственной программы отмены крепостного права. На стадии работы Редакционных комиссий, и особенно в период призыва депутатов от губернских комитетов по крестьянскому делу, происходило весьма активное взаимодействие точек зрения поместного дворянства и правительственных структур. При этом программа, отстаиваемая Редакционными комиссиями, не была принята подавляющим большинством дворянства [4, с. 321]. Этим событиям и их осмыслению было уделено достаточно внимания на страницах монографии, ставшей эпохой в изучении крестьянской реформы 1861 г.

Чтобы охарактеризовать экономическую программу российского дворянства периода отмены крепостного права в целом, понять, как она складывалась, какие варианты решения крестьянского вопроса предлагались различными социальными группами внутри высшего сословия, необходимо учесть три группы факторов. Первая – несомненно, программа экономических преобразований, предлагаемая индивидом как представителем конкретной социальной общности, зависит от объективных условий, от социального статуса этой группы, от конкретно-исторических экономических условий существования, способа получения основного дохода и т. д. Две другие группы факторов носят в той или иной степени субъективный характер. Ко второй группе можно отнести те экономические теории, которые в изучаемое время считаются наиболее актуальными, распространенными, знакомство с которыми позволяет интериоризировать их и оперировать ими с достаточной легкостью. Эта группа факторов может быть применена только к такой социальной группе, которая в силу образовательного и культурного уровня способна воспринять господствующие в обществе интеллектуальные концепции. Российское дворянство середины XIX в. в своей массе обладало достаточным уровнем образования, для того чтобы иметь возможность воспринять современные экономические и общеисторические концепции, хотя бы в общих чертах. Третья группа факторов – личностный опыт, пристрастия, культурные предпочтения, определяемые воспитанием, кругом общения, индивидуальными характе-

ристиками. Причем не следует недооценивать именно эту, последнюю группу факторов. Поскольку совершенно очевидно, что при равенстве прочих факторов она может иметь определяющее значение при выборе позиции отдельной личности.

Важнейшими характеристиками любой социальной группы, а значит и сословия, в т. ч. являются данные об его экономическом положении. Несмотря на то, что для сословия важнейшим определяющим фактором является его правовой статус, экономические характеристики позволяют выделить различные группы в составе сословия, различающиеся по имущественному признаку и способам получения основного дохода, что во многом, если не напрямую, но опосредованно сказывалось на особенностях социального сознания и вариантах поведения разных его представителей.

Экономическое положение российского дворянства в дореформенное время прежде всего определялось размерами принадлежащих им населенных имений, куда включались данные о площади земель и количестве прикрепленных к ним крестьян. Но привилегией владения населенными землями обладали только потомственные дворяне. Личными дворянами, как правило, становились на государственной службе, и поэтому имущественное благосостояние этой части высшего сословия в основном зависело от размеров жалования. Потомственный дворянин, владелец поместья, состоявший на гражданской или военной службе, был в большей степени независим от государственного содержания.

Неоднократно отмечалось, что в дореформенный период помещичье хозяйство велось по-преимуществу традиционными методами, было в массе своей малоэффективным. Основным способом повышения доходности имений оставалось увеличение крестьянских повинностей: барщины и оброка. В барщинных имениях происходило неуклонное расширение помещичьей запашки и увеличивалось число барщинных дней, а в оброчных имениях увеличение размера оброка происходило с быстротой, опережавшей рост доходности крестьянского хозяйства.

При этом состояние поместного хозяйства в дореформенной России напрямую зависело от положения дел в хозяйстве подвластных ему крепостных крестьян, составляя

вместе с ним единый комплекс. Что немаловажно, эта основополагающая связь вполне осознавалась многими из помещиков, и, прежде всего, теми, кто задумывался о возможностях изменений устаревшей экономической модели, замене подневольного труда свободным.

Еще одним важным фактором, характеризующим состояние помещичьего хозяйства накануне крестьянской реформы и в серьезной степени повлиявшим на выработку помещным дворянством собственной точки зрения на предстоящие преобразования, являлась огромная задолженность владельцев имений кредитным учреждениям. В масштабе Российской империи на 1 января 1859 г. общая сумма помещичьего долга составляла 425 503 061 руб. Из 111 693 имений было заложено в разных банках и у частных лиц 44 166, т. е. 39,54 % [5, с. 136].

В то же время в первой половине XIX в. постоянно увеличивалось количество помещиков, владельцы которых стремились модернизировать и рационализировать производство сельскохозяйственной продукции за счет использования новых методов агрокультуры, улучшенного семенного материала, современных сельскохозяйственных машин. Активно действовали различные экономические и сельскохозяйственные общества, в помещичьей среде чтение специализированных изданий, посвященных вопросам ведения рационального хозяйства на селе, было делом достаточно обычным. Особенно оживляются эти процессы в последние предреформенные годы [6, с. 371-372]. Теснейшим образом рационализация помещичьего хозяйства была связана с распространением сферы действия товарно-денежных отношений. В свою очередь, растущая популярность в обществе современных западных экономических теорий в годы, предшествовавшие реформам 60–70 гг. XIX в., имела следствием все более явственное осознание необходимости модернизации устаревших социальных структур, связанных с функционированием крепостных отношений. В обществе в то время весьма распространены были идеи Ж.Б. Сэя, продолжателя А. Смита, который выделял три главных фактора производства: труд, капитал и землю, из которых фактору капитала отводилась ведущая роль. В полном соответствии с господствовавшими в сере-

дине XIX в. экономическими концепциями ключевым условием перестройки помещичьего хозяйства считалось наличие необходимых для этого свободных капиталов.

Эти средства предполагалось использовать при переходе от использования крепостного труда к вольнонаемному. Причем, если уже в первые пореформенные годы сложность этой перестройки стала очевидна для большинства практикующих хозяев, то до отмены крепостного права очевидные выгоды вольнонаемного труда предполагались большинству помещиков настолько значительными, что о проблемах перехода задумывались немногие.

Можно выделить несколько этапов, в ходе которых в дворянской среде происходило постепенное оформление экономической программы преобразований в аграрной сфере, включая отмену крепостного права. Первый, ранний этап может условно охватывать период до окончания Крымской войны.

Второй период связывается с подготовительными работами к крестьянской реформе, он был ознаменован созданием 3 сентября 1857 г. Секретного комитета по крестьянскому делу, переименованного впоследствии в Главный комитет, а также работой губернских дворянских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян. Третий период начинается со времени открытия Редакционных комиссий и заканчивается принятием Положений 19 февраля 1861 г. И, наконец, последний, четвертый период охватывает несколько пореформенных лет, когда в дворянской среде еще могли существовать надежды на возможный пересмотр условий крестьянской реформы. Очевидно, что наиболее активная работа по выработке социально-экономической программы помещичьего дворянства приходится на те годы, когда само правительство занималось подготовкой крестьянской реформы.

После окончания Крымской войны власть начинает делать первые шаги на пути к подготовке отмены крепостного права. В это время высшее сословие, достаточно неоднородное и дифференцированное как по имущественному признаку, так и по своим общественно-политическим установкам, оказывается перед необходимостью выработки собственной программы в этом вопросе. Неоднократно отмечалось, что уже в самом на-

чале царствования Александра II необходимость перемен, и, прежде всего, уничтожения крепостных отношений, начинает осознаваться значительной частью политической элиты, и, прежде всего, либеральной бюрократией. Колыбелью крестьянской реформы становится Министерство внутренних дел и его земский отдел. В то же время и в среде поместного дворянства реформаторские идеи, затрагивавшие сущность крепостных отношений, их социально-правовое и социально-экономическое обоснование, становятся все более распространенными. В этом было существенное отличие от предшествующей николаевской эпохи, когда идея о том, что крепостное право постепенно изжило себя и является тормозом экономического развития, становилась достоянием незначительной части образованного дворянского общества.

Тем не менее, идеи о незыблемости крепостного права оставались достаточно укорененными в дворянской среде. Даже накануне 1861 г. среди провинциального поместного дворянства по-прежнему оставались прочными позиции тех, кто считал крепостное право чрезвычайно полезным для России институтом.

Так, помещик Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии П.Я. Успенский в своем письме от 22 ноября 1859 г. А.Ф. Орлову, возглавлявшему Главный комитет по крестьянскому делу, предлагал не отменить крепостное право, а напротив, расширить сферу его применения, распространив на государственных крестьян [7, л. 138-139об.]. С его точки зрения, это поможет существенно сократить расходы на содержание административного аппарата за счет уничтожения структур Министерства государственных имуществ.

В своей записке, направленной в Главный комитет по крестьянскому делу, помещик Н.А. Никифоров представил целый очерк развития крепостного права в России. Он доказывал, что крепостное состояние «постепенно ...утвердилось в отечестве нашем, не злоупотреблением и не произволом частных лиц или владельцев земли, но рядом повременных узаконений, изданных мудрейшими из русских монархов, начиная от Иоанна III до Екатерины Великой включительно» [8, л. 60-61]. Автор записки отмечал,

«что учреждение крепостного состояния водворило порядок между поселянами, обеспечило Правительство в исправном взносе податей, а землевладельцев в постоянной оседлости у них крестьян...». Тем не менее, признавая исторические заслуги крепостного права, Н.А. Никифоров подчеркивает, что «в видах прогресса нравственного и политического» следует его упразднить, поскольку «оно тягостно для личности человека, затрудняет нравственное и промышленное его развитие» [8, л. 61].

Взгляды Ф.С. Офросимова, помещика Пронского уезда Рязанской губернии, на саму природу и назначение крестьянской реформы также не вполне укладываются в упрощенные клише, выстроенные по схеме «сторонник» либо «противник реформы». Получивший образование на юридическом факультете Московского университета, этот талантливый представитель старинного рода был среди первых представителей рязанского дворянства, поставивших свои подписи под адресом, в котором выражалась просьба об открытии в губернии комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. П.П. Семенов Тян-Шанский называл его «человеком выдающегося ума» [9, с. 108]. Но он, также как и его сторонники в губернском крестьянском комитете, выступал за максимально возможное сохранение status quo. В качестве исходного принципа выдвигалось следующее требование: «Помещики сохраняют неотъемлемое право собственности на всю землю без различия той, которая находится в пользовании помещика и отведена в пользование крестьян» [10, л. 3]. Что же касается освобождаемых крепостных, то консервативное большинство рязанского комитета выступало за передачу им только в пользование как усадебной, так и пахотной земли [11, л. 24]. За это крестьянин должен был платить весьма серьезные суммы, которые рассчитывались в зависимости от ценности земли. Само право пользования могло сохраняться за бывшими помещичьими крестьянами на протяжении переходного двенадцатилетнего периода, по истечении которого все земли должны были вернуться помещику. Личные повинности крестьян также должны были подлежать выкупу, при этом для дворовых также не делалось исключения [10, л. 12-14]. Что же оставалось на долю крестьян? Личная

свобода, не обремененная никакими правами на земельную собственность.

Надо сказать, что среди помещиков различных губерний на различных этапах подготовки крестьянской реформы были весьма популярны проекты отмены крепостного права, предусматривающие личное освобождение крестьян без наделения их землей.

Один из крупнейших помещиков Российской империи граф В.П. Орлов-Давыдов, владевший огромными имениями в различных губерниях, также являлся автором записки о возможных путях решения крестьянского вопроса. В достаточно решительных выражениях он подверг критике правительственную программу реформы. Особенно останавливаясь на положении помещичьего хозяйства в центральных нечерноземных губерниях, он говорит о его незавидном состоянии, когда земля истощена, а крестьяне отрабатывают оброк вдали от своих деревень. Он писал: «ценность многих имений российских зависит не от количества земли, но от числа крепостных людей, живущих на этой земле или удаляющихся от нее на промыслы, но платящих постоянную дань или оброк» [12, л. 119-119об.]. Исходя из этих условий, В.П. Орлов-Давыдов считал несправедливым тот вариант крестьянской реформы, когда крестьяне платят помещику только за выкупаемую землю, а не за личность, и называл его «передачей собственности из рук помещичьих в крестьянские». Он отмечал, что в средней полосе России во многих губерниях нет необходимого количества земли для поддержания благосостояния всех крестьян, следовательно, после выкупа повинностей у помещика можно разрешить им свободное переселение на те территории, где больше свободной земли.

В то время, когда развернулась работа губернских комитетов по крестьянскому делу, в дворянской среде весьма распространенной становится концепция предстоящей реформы, близкая по своему содержанию правительственной программе 21 апреля 1858 г. На тот момент правительство допускало выкуп крестьянами усадебной земли и передачу им в пользование пахотной земли за определенные повинности. В 1859–1860 гг. аналогичной точки зрения придерживались многие помещики, в то время как само правительство постепенно переходило к пози-

ции признания необходимости наделения крестьян не только усадебной, но и пахотной землей. В качестве примера можно привести «Проект положения о прекращении крепостной зависимости», составленный князем С.М. Воронцовым, графом А.П. Шуваловым, графами В.А. и А.П. Бобринскими [13, л. 1-13]. Его авторы принадлежали к наиболее знатным дворянским фамилиям, их объединял опыт военной и придворной службы, при этом все они в той или иной мере проявляли живой интерес к делам дворянского сословия. Стоит отметить, что на момент составления этого документа все они находились на службе, но при этом также были помещиками. Согласно точке зрения авторов данного проекта, освобожденные от крепостной зависимости крестьяне должны были получить от помещика безвозмездно в бессрочное пользование усадебную и огородную землю. Каждое крестьянское общество помимо этого наделялось поземельными угодьями в пользование за определенные повинности в пользу помещика [13, л. 4-5об.]. Заметим, что речь в обоих случаях идет лишь о праве пользования крестьянами помещичьей земли, а не о выкупе даже незначительной их части. Впрочем, проект предусматривал и возможность выкупа усадебной оседлости, а также выкупа надела, но только лишь в течение определенного ограниченного срока.

Этот проект по своему основному смыслу был направлен на такую реформу в деревне, когда превалирующее значение получил бы вопрос о земельной собственности. Все повинности и налоги привязывались к земле, отказ от земли вел за собой снятие вопроса о повинностях. В числе главных исходных пунктов этого документа можно назвать признание за крестьянами сразу после оглашения реформы всех личных прав свободных податных сословий государства, причем речь не шла о возможном выкупе личности крестьян или их повинностей. Стоит добавить, что авторы выступали с ходатайством о допущении в состав дворянского собрания землевладельцев всех сословий.

Значительная группа проектов, представленных на рассмотрение Главного комитета по крестьянскому делу с 1857 до 1860 г., особое внимание посвящает рассмотрению финансовой стороны предстоящей отмены

крепостного права, а конкретно – организации выкупа.

Существовавшая накануне отмены крепостного права значительная задолженность помещичьих хозяйств кредитным учреждениям заставляла владельцев поместий искать приемлемый для себя выход, в т. ч. за счет освобождающихся крестьян. Такой проект был предложен А.О. Армфельдом. Профессор судебной медицины Московского университета, известный педагог, владелец имения в Можайском уезде Московской губернии, в целом он был человеком достаточно передовых взглядов. Одна из его дочерей впоследствии стала революционеркой, участницей народнического движения. В своем проекте, датированном январем 1858 г., А.О. Армфельд выступал за наделение крестьян усадебной землей и передачу им во временное пользование пахотной, сенокосной и выгонной земли за известную плату. При этом долг помещиков казне немедленно переводился на крестьян, «по числу душ, без изменения срока, с предоставлением желающим права внести всю капитальную сумму и ранее этого срока» [14, л. 9-9об.]. По истечении определенного периода вся земля, кроме отведенных крестьянам усадеб, должна быть возвращена владельцу-помещику.

Проект В.К. Ржевского, члена Орловского губернского комитета по крестьянскому делу, датированный февралем 1858 г., предусматривал иной, достаточно оригинальный способ погашения долгов помещиков перед казной. В.К. Ржевский рассматривал возможность выкупа крестьянами у помещика не только усадебной, но и остальной земли. Для финансового обеспечения операции он предлагал образовать акционерное общество, наделив его широким кругом полномочий и возможностей. Это общество должно было бы предоставлять ссуды крестьянам на покупку земли, но не индивидуально, а сразу целым крестьянским мирским обществам, которые несли бы совокупную ответственность за платежи крестьян, обладая правом удалять из своих рядов неисправных плательщиков. При этом цена земли не могла быть слишком завышена, дабы крестьяне имели возможность ее купить. «За полученную ссуду крестьяне обязаны платить ежегодно 6 и 1 % в уплату капитала, так чтобы долг мог быть погашен в 33 года» [14,

л. 12-12об.]. Предполагалось, что для выкупа на каждую ревизскую душу следует отвести две десятины земли по цене от 10 до 40 руб. за десятину. Надо сказать, что хотя размеры наделяемого участка были явно недостаточными для полноценного ведения крестьянского хозяйства, предполагаемая В.К. Ржевским цена земли действительно не была слишком велика. Это становится особенно понятно, если принять во внимание, что автором проекта был помещик черноземного края, где земля ценилась особенно высоко.

К числу широких полномочий акционерного общества-посредника выкупной операции относились: право выпускать особые срочные облигации на определенную сумму под наблюдением правительства, а также акции для продажи на свободном рынке; «уплачивать помещикам за купленную у них крестьянами землю 1/3 часть суммы наличными деньгами и 1/3 облигациями, а остальную треть акциями»; «переводить на себя долги кредитным учреждениям, с обязанностью продолжать срочные платежи по прежним обязательствам, независимо от сбора платежей с крестьян» и т. д. [14, л. 12об.-13]. Этот проект интересен, прежде всего, тем, что он основан на взаимодействии правительства и частной инициативы, общества. Автор особенно выделял в качестве важнейшего достоинства своей программы то, что она не потребует от правительства никаких финансовых затрат. Тем не менее, предполагаемая высокая степень участия общества в реализации системно важной реформы, каким была отмена крепостного права, возможно, стала одной из причин, почему этот проект остался невостребован правительственными чиновниками.

Один из вариантов решения проблемы выкупа крестьянами земли представлен в проекте помещика Михайловского уезда Рязанской губернии П.Н. Шепелева. Поскольку это предложение было датировано 5 марта 1860 г., когда принципиальный вопрос об освобождении крестьян с землей за выкуп уже был одобрен правительством, автора заботит, прежде всего, как будут обеспечены права собственности дворян. Само освобождение крестьян он предлагает произвести как можно быстрее. В то же время, относительно размера выкупаемого надела земли, П.Н. Шепелев сетует, что Редакционные комиссии,

«без знания местных удобств, потребностей и средств, без всяких оснований отвергли назначение губернского комитета и произвольно увеличили назначенные нормы вдвое и более» [7, л. 150]. Что же касается долговых обязательств, обременяющих помещичьи хозяйства, то он предлагал переложить их на земли, выкупаемые у владельцев имений крестьянами, рассрочив им уплату этого долга на 37 или более лет. По его расчетам выходило, что выкупаемого количества земель будет достаточно для погашения долгов. Остальные земли, свободные от залога, помещики имели бы возможность заложить в кредитные учреждения, а полученные ими суммы могли бы составить капитал, необходимый для переориентации помещичьих хозяйств на использование вольнонаемного труда [7, л. 150об.].

Совершенно очевидно, что данный проект, в первую очередь, выражал интересы той части помещиков, имения которых были заложены и перезаложены до крестьянской реформы, и которые надеялись на нее как на быстрый способ решения своих экономических проблем.

Весьма интересной с точки зрения знакомства с распространенными в обществе экономическими концепциями можно назвать записку Д.Н. Шереметева об основных принципах освобождения крестьян, составленную в период работы дворянских губернских комитетов. Автор записки, крупнейший латифундист, всю жизнь осознанно занимался благотворительностью, с большой отзывчивостью отнесся к готовящейся отмене крепостного права. Он считал ее чрезвычайно актуальной, поскольку прежние патриархальные отношения помещиков и крестьян уже совершенно отжили, и поэтому необходимо заменить их более рациональными, основанными на свободном труде [15, л. 2об.]. Причем преимущества свободного труда перед подневольным трактуются автором как аксиома. Важным тезисом, отстаиваемым Д.Н. Шереметевым, было положение о невозможности постепенного освобождения крестьян – в этом пункте он, по сути, оппонировал правительственной концепции реформы. Автор записки настаивает на том, что «полумеры... порождают антагонизм, ибо поселяют в крестьянах уверенность, что правительство желает освобождения, но что по-

мещики противопоставляют этому всевозможные препятствия» [15, л. 9].

Оптимальным решением крестьянского вопроса автор записки считал освобождение крестьян с наделением их необходимым количеством усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли, при этом помещики «в видах сохранения справедливости» должны получить вознаграждение как за выкупаемую землю, так и за личность бывших крепостных. Что любопытно, Д.Н. Шереметев считал необходимым облегчить тяжесть выкупа крестьян, распределив необходимую сумму между всеми сословиями Российской империи и всеми разрядами ее населения, поскольку крепостное право существовало как государственная система, и его уничтожение также должно быть общим делом [15, л. 60-65].

Среди дворянских проектов будущей крестьянской реформы, различающихся по своему происхождению, существует группа документов, содержащих предложения, которые на момент своего появления превосходили своей решительностью правительственную программу, которая, в свою очередь, также претерпевала со временем существенные изменения.

Наиболее радикальный способ решения крестьянского вопроса отстаивался тверским дворянством во главе с губернским предводителем дворянства А.М. Унковским. В тверском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян точку зрения губернского предводителя дворянства разделяло большинство членов. Эта точка зрения предполагала полное освобождение крестьян с землей, что подразумевало выкуп не только усадебной, но и надельной полевой земли. А.А. Корнилов совершенно справедливо заметил, что подобный взгляд на разрешение крестьянского вопроса в полной мере отвечал интересам помещиков нечерноземной полосы, если подойти к ним с достаточной долей здравого смысла [2, с. 181]. В то же время сам А.М. Унковский во время заседаний губернского комитета по крестьянскому делу утверждал, что «поддержание помещичьих хозяйств... может и должно быть принимаемо в расчет только в видах обеспечения общего народного продовольствия и государственного хозяйства, а никак не в видах сохранения частных интересов некоторых помещиков. Поэтому мы будем говорить

о поддержании помещичьих хозяйств настолько, насколько оно не противоречит общей государственной пользе» [16, л. 5об.]. Здесь, как мы видим, идет речь о достаточно верно понятом удачном сочетании интересов определенной части владельцев имений и государства, намеренного упразднить крепостное состояние, при этом интересы государства выдвигаются на первый план.

Программа решения крестьянского вопроса, отстаиваемая А.М. Унковским, была им выработана еще до открытия губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Основные положения своей программы он изложил в записке по крестьянскому делу, составленной им в соавторстве с А.А. Головачевым после обнародования высочайших рескриптов от 20 ноября и 5 декабря 1857 г.

Следует отметить, что одной из немаловажных идей этой записки являлось признание прав помещика на вознаграждение не только за землю, отходящую крестьянам, но и за личность самих крестьян. При этом авторы документа полагали справедливым, что вознаграждение за людей будет возложено на государство, а земли будут выкупать сами крестьяне [17, с. 104]. Таким образом, этот элемент программы А.М. Унковского мог быть поддержан значительным числом помещиков, и вполне определенно противоречил намерениям правительства. Кроме того, в данной записке отрицается необходимость переходного периода, выдвигается тезис о скорейшем прекращении любых взаимных обязательств между бывшими крепостными и их владельцами [18, с. 103-104].

В то же время, уже во время заседаний тверского губернского комитета по крестьянскому делу, А.А. Головачев считал необходимым не только высказаться в пользу существования самого переходного периода, во время которого будет сохраняться временно-обязанное положение крестьян, но и за сохранение на это время обязательного труда крестьян (модифицированной барщины). Достаточно интересно познакомиться с системой экономических доказательств, приводимых А.А. Головачевым, представленной в особом мнении этого депутата к заседанию губернского комитета от 22 сентября 1858 г.

Полемизируя с депутатом Змиевым, который высказался за уничтожение обязатель-

ного труда даже на время переходного периода и о замене его денежными повинностями, А.А. Головачев рассматривает помещичье хозяйство как промышленное предприятие, которое для своей успешной деятельности нуждается в капитале, как в основном, так и оборотном [19, л. 1]. В качестве основного капитала помещичьего хозяйства он рассматривал не только землю, но и обязательный труд крестьян. Отметим, что к подобной мысли приходило значительное число помещиков, отстаивающих различные варианты решения крестьянского вопроса. Продолжая далее цепь своих рассуждений, А.А. Головачев делает вывод о том, что внезапное уничтожение обязательного труда неизбежно лишает помещика не только оборотного капитала, но и части основного. При этом денежный оброк, который продолжили бы выплачивать крестьяне в переходный период, не может заменить оборотного капитала, поскольку его не уплачивают впрок. Что же касается основного капитала, то оброк представляет собой лишь проценты с этого капитала, а не сам капитал; «между тем как помещику при самом начале наемного хозяйства нужен капитал, а не проценты с него» [19, л. 1об.]. И снова, как у многих современников-помещиков, звучит тезис о необходимости свободных капиталов для переориентирования хозяйств на использование вольнонаемного труда. Автор данного «мнения» допускает использование ипотечных банков в качестве источника этих свободных капиталов, но для их создания тоже нужно было время.

Наконец, по мнению А.А. Головачева, новые условия хозяйствования потребуют использования сельскохозяйственных машин, производство которых в России еще не налажено. Также по известным причинам практически отсутствует рынок свободной рабочей силы в деревне. Исходя из всего вышеперечисленного, вывод А.А. Головачева о необходимости переходного периода, когда возможно будет использование как обязательного, так и вольнонаемного труда, не кажется произвольным.

Проекты разрешения крестьянского вопроса, близкие по содержанию программе тверского либерального большинства, составлялись авторами из различных губерний, в т. ч. из Московской. В качестве примера

можно привести «Записку дворянина Звенигородского уезда Д.А. Неронова об основаниях предстоящего освобождения крестьян от крепостной зависимости» от 17 февраля 1858 г. Ее автор входил в круг лиц, близких по взглядам Д.А. Ровинскому, видному представителю либерального меньшинства Московского губернского комитета.

Д.А. Неронов, прежде всего, заявляет о стремлении соблюсти справедливость и в отношении самостоятельности крестьянина, как нового члена гражданского общества, и права собственности помещика [20, л. 1об.]. Он также не отрицает существования права помещика на труд (или личность) крестьянина. Автор записки считает, что крестьянина следует наделить, помимо усадебной, пахотной землей в размере двух десятин на душу, что в среднем составит пять десятин на тягло. Он настаивает на том, что освобождение крестьян должно произойти везде одновременно.

Для разрешения финансовой стороны выкупа Д.А. Неронов предлагает способ, подобный тому, который практиковался различными кредитными учреждениями того времени. В каждой губернии предполагалось создать специальный комитет, избираемый из местных дворян для осуществления реформы. Этот комитет должен был оценить ту собственность, которой лишился помещик, включая стоимость земли и оценку труда крестьянина. Затем следовало размежевание земель на основании взаимного соглашения помещика и крестьян. После этого каждому помещику комитетом выдавался специальный сертификат, где указывается конкретное число душ и количество земли, подлежащих выкупу, а также сумма, на которую они были оценены. Если помещик закладывал свое имение в кредитных учреждениях, то эти сведения также должны быть отражены в выданном сертификате. Оставшиеся же у помещика земли оказывались свободными от долгов [20, л. 2об.-3].

Проект Д.А. Неронова предполагал, что сумма долга крестьян будет погашаться за счет выплаты ими оброка, рассчитанного исходя из шести процентов с той суммы, в которую оценена их личность и выкупаемая ими земля. Этот оброк должен был поступать в местный комитет, отвечающий за проведение реформы. Из шестипроцентного оброка

5 % (5/6) комитет выплачивает помещику. Оставшаяся часть – 1/6 оброка – должна остаться в самом комитете. Эти суммы предполагалось тратить на покупку сертификатов на местах, начиная с меньших имений, согласно жребию. «С погашением всех сертификатов сбор оброка с крестьян прекращается, и они делаются свободными крестьянами, поселенными на своих собственных землях, и подлежат будут только платежу одних подушных казенных повинностей» [20, л. 3об.].

Коренное отличие данного проекта крестьянской реформы от правительственного составляет открытое признание прав помещика на выкуп не только крестьянских земель, но и самой личности бывшего крепостного. Впрочем, как неоднократно отмечалось многими исследователями реформы 1861 г., скрытый выкуп крестьянской личности фактически был заложен в чрезмерно высокой оценке малопродуктивных участков нечерноземных губерний. Кроме того, в проекте Д.А. Неронова выкупная операция должна была стать делом выборных местных дворянских комитетов, наделенных широкими полномочиями. Вряд ли правительство могла устроить столь значительная доля участия общества, пусть и дворянского по своему социальному составу, в решении финансовых задач общегосударственного масштаба.

Тем не менее, после завершения дебатов о предстоящей крестьянской реформе в губернских комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян, и даже после окончания деятельности Редакционных комиссий, вызвавшей массу критических откликов в помещичьей среде, в дворянском обществе по-прежнему сохранялись разнонаправленные представления о возможных проектах отмены крепостного права. При этом значительная масса дворянства, особенно провинциального, сохраняла надежду на такой вариант развития событий, когда правительство, наконец, поймет беспочвенность своих ультра-реформаторских идей и обратится к реальным насущным проблемам, волнующим дворян-помещиков – «соль земли русской». Идея отмены крепостного права сама по себе все же утвердилась в сознании высшего сословия, но весьма спорным для многих был вопрос о способах осуществления реформы.

Вся масса проектов, составленных различными представителями дворянства, сыг-

рала роль необходимой информационной среды, в которой происходило постепенное оформление окончательного варианта крестьянской реформы. О том, что правительственная бюрократия весьма чутко прислушивалась к голосу высшего сословия, которое в то же время было сословием землевладельцев, свидетельствуют многие факты. Ни один из дворянских проектов, направленных как на высочайшее имя, так и в адрес Главного комитета по крестьянскому делу, а также в другие инстанции, не был оставлен без внимания. Их содержание было внимательно проанализировано, оценено с точки зрения возможности использования интересных и здравых предложений, наконец аннотировано и прокомментировано. Проекты губернских дворянских комитетов в той или иной степени были использованы в работе Редакционных комиссий. Кроме того, общественное мнение формировалось и со стороны печати, в которой вопрос отмены крепостного права также достаточно активно обсуждался в конце 50-х гг. XIX в. Если конкретные положения отдельных частных или коллективных дворянских проектов и не стали элементом правительственной программы, тем не менее, самим фактом достаточно широкого обсуждения проблемы в обществе, пусть в рамках среды высшего сословия, был задействован уникальный для отечественной истории механизм принятия решений, удачно сочетающий общественную и государственную инициативу.

В целом же анализ совокупной массы дворянских проектов крестьянской реформы, в которых зачастую в тесной взаимосвязи находится система экономических взглядов и политические предпочтения, позволяет исследователю лучше понять, почему правительственная программа отмены крепостного права стала именно такой, какой мы ее знаем. Отталкиваясь от тех проектов, которые по той или иной причине оказались неподходящими для либеральной бюрократии, можно с большей степенью достоверности понять отстаиваемые ею приоритеты. При всей значимости предпринятой правительством крестьянской реформы нельзя не отметить, что сама подготовка ее вызвала к жизни огромную волну дворянской активности, спровоцировала интенсивное осмысление важнейших наиболее актуальных вопросов со-

циально-экономической политики. Далеко не единодушная, сложная реакция на готовящуюся отмену крепостного права в дворянском обществе в то же время позволяла правительству маневрировать и использовать те сегменты общественного мнения, которые были ему наиболее близкими. Можно сказать, что чиновники, готовившие реформу, пользовались плодами коллективного разума образованного меньшинства российского общества, но по своему собственному усмотрению. В сфере экономической политики, как и на других, наиболее значимых направлениях преобразований, не могло быть и речи об инициативе любой силы, кроме власти. Это касалось всех подданных государства, включая высшее сословие, представители которого в значительной части формировали персональный состав этой самой власти, ведь даже император нередко называл себя первым дворянином. Но слова не меняли сути дела – в отмене крепостного права основная и инициативная роль принадлежала, конечно, государству.

1. *Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1882.
2. *Корнилов А.А.* Губернские комитеты по крестьянскому делу // Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.
3. *Дружинин Н.М.* «Журнал землевладельцев» (1858–1860 гг.) // Дружинин Н.М. Избранные труды: социально-экономическая история России. М., 1987.
4. *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
5. *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. (Опыт статистической характеристики сословно-классового населения русского государства). СПб., 1912.
6. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002.
7. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 82.
8. РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 80.
9. Мемуары П.П. Семенова Тян-Шанского: в 4 т. Пг., 1915. Т. 3. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861).
10. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 898. Оп. 1. Ед. хр. 25.
11. ГАРО. Ф. 898. Оп. 1. Ед. хр. 3.
12. РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 86.
13. РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ед. хр. 159.

14. РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15. Ед. хр. 111.
15. РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 669.
16. ГАТО (Государственный архив Тверской области). Ф. 148. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 1846.
17. Записка А.М. Унковского по крестьянскому делу // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994. С. 98-108.
18. Записка А.М. Унковского и А.А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы (1857 г.) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 1992. Т. 2-3. С. 98-118.
19. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1822.
20. ЦГА Москвы (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. 1650. Оп. 1. Ед. хр. 25.
6. Kozlov S.A. Agramnye traditsii i novatsii v doreformennoy Rossii (tsentral'no-nechernozemnye gubernii). М., 2002.
7. RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 82.
8. RGIA. F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 80.
9. Memuary P.P. Semenova Tyan-Shanskogo: v 4 t. Pg., 1915. T. 3. Epokha osvobozhdeniya krest'yan v Rossii (1857–1861).
10. GARO (Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti). F. 898. Op. 1. Ed. khr. 25.
11. GARO. F. 898. Op. 1. Ed. khr. 3.
12. RGIA. F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 86.
13. RGIA. F. 1092. Op. 1. Ed. khr. 159.
14. RGIA. F. 1180. Op. 1. T. 15. Ed. khr. 111.
15. RGIA. F. 1088. Op. 1. Ed. khr. 669.
16. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti). F. 148. Op. 1. T. 2. Ed. khr. 1846.
17. Zapiska A.M. Unkovskogo po krest'yanskому delu // Konets krepostnichestva v Rossii (dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i). М., 1994. С. 98-108.
18. Zapiska A.M. Unkovskogo i A.A. Golovacheva o nedostatkakh pravitel'svennoy programmy krest'yanskoy reformy (1857 g.) // Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh. М., 1992. Т. 2-3. С. 98-118.
19. GATO. F. 148. Op. 1. Ed. khr. 1822.
20. TsGA Moskvy (Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy). F. 1650. Op. 1. Ed. khr. 25.

Поступила в редакцию 15.10.2014 г.

UDC 94(47).081

SOCIO-ECONOMICAL PROGRAM OF RUSSIAN LOCAL NOBLE PEOPLE IN PEASANT REFORM PREPARATION PERIOD

Natalia Matveyevna SELIVERSTOVA, Russian Chemical-Technological University named after D.I. Mendeleev, Moscow, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of History and Political Science Department, e-mail: nseliverstova@mail.ru

One of the key moments in the Russian history is the abolition of serfdom. However, till now has not been studied in detail the socio-economic program of the landed gentry in the period of preparation of the peasant reform. Being side very interested in the results of the reform, the owners of estates were engaged in active dialogue with the government on the eve of the abolition of serfdom. The reserch aims to show the process of developing the socio-economic program of the landed gentry in connection with the start a discussion of abolition of serfdom, its gradual transformation in process of changing the government program of the peasant reform. The most important factors determining the content of the program, its main elements, including attitudes toward the serfdom, personal and property rights of the peasants, and organization of land purchase are examined. The archival material, including unpublished noble projects of abolition of serfdom addressed in the Main Committee on Peasant Affairs is widely used. It is concluded that the feedback existed between the government program of abolition of serfdom and the socio-economic program of the landed gentry, which was formed in pre-reform period.

Key words: nobility; peasantry; serfdom; landlords; the peasant reform of 1861.

УДК 94 (282.247.36)08

СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЕСТЬЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НА ДОНУ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

© Мария Андреевна КОЛОМЕЙЦЕВА

Донской государственный аграрный университет,
пос. Персиановский, Ростовская область, Российская Федерация,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
e-mail: marijaandreeva@mail.ru

Исследуются вопросы становления системы народного крестьянского образования на Дону в пореформенный период. Одним из проблемных вопросов развития образовательной системы являлось положение сельской школы. Тема становления и развития образования в среде донского крестьянства остается одной из малоизученных проблем историографии, является актуальной при обращении к социально-культурной истории региона. Кроме того, внимание к историческому опыту представляется необходимым для определения парадигмы образовательной системы в будущем. Цель исследования – рассмотрение истории становления образования в среде крестьянства, выявление особенностей образовательной системы в указанный период, определение места и роли сельской школы в образовательной среде региона. Проанализированы материалы, касающиеся открытия сельских школ, их финансового, материального, методического обеспечения, статистика по количеству школ и учащихся, характеристики учебных заведений, приводимые в источниках. Сделан вывод, что отсутствие поддержки в организации школ и учебного процесса (финансовой, учебно-методической) со стороны управленческих структур с переложением всей нагрузки на население, которое на свой счет открывало и содержало учебные заведения, являлось причиной крайне тяжелого состояния школ, медленного и трудного становления и развития образования в среде аграрного населения Дона. Крестьянское образование оставалось традиционным, фрагментарным и малодоступным.

Ключевые слова: область войска Донского; крестьянство; образование; сельская школа.

Образование – один из важнейших общественных институтов, выполняющий функции не только обучения и воспитания, но и социализации, овладения основами правового и гражданского поведения, самоидентификации. Социально ориентированные институты (образование, здравоохранение, культура) не могут оставаться без государственной поддержки. Внимание к вопросам становления и функционирования образования является актуальным при изучении социально-культурной истории; кроме того, обращение к историческому опыту представляется необходимым для определения парадигмы образовательной системы в будущем. Особенно актуальным является изучение истории развития образования в связи с реформированием существующей образовательной системы.

Одним из проблемных вопросов развития образовательной системы является положение сельской школы. Тема исследования – становление образования в крестьянских поселениях на Дону – остается малоизученной в историографии, в которой основное внимание традиционно уделялось

казачеству. Обращение к проблематике развития сельской школы представляется актуальным в контексте воссоздания исторической картины социально-культурного развития региона во второй половине XIX в., в период сложного перехода России к построению индустриального общества, а также объясняется тем неоспоримым фактом, что создание массовой школы и ее развитие на селе являлось и продолжает оставаться важнейшей задачей развития аграрного населения страны.

Объектом нашего исследования является образовательная система в среде крестьянства, предметом – условия и основные характеристики функционирования школ. Нами исследовано становление и состояние сельской школы в период 60–70 гг. XIX в. – до введения земской школы на Дону. Как известно, земская реформа была принята в 1864 г., однако на Дону в связи с особенностями войсковой системы управления земства были введены с 1876 г., с конца 1870-х гг. началось открытие земских школ, что следует считать отдельным этапом в развитии образовательной системы. Изучение земства и

земских учреждений является темой самостоятельного исследования.

Область войска Донского являлась одним из крупнейших казачьих регионов страны, что и определяло ее специфику: сословное деление, традиционализм, акцентирование внимания на нуждах казачества, что объяснялось несением воинской службы. Крестьянское население Дона, составлявшее во второй половине XIX в. свыше трети населения, по реформе 1861 г. было освобождено от крепостной зависимости, что привело к появлению на Дону многотысячного свободного крестьянства, принимавшего активное участие в хозяйственном и социальном развитии региона [1, с. 242; 2, с. 48]. Однако положение аграрного населения оставалось тяжелым, что объяснялось особенностями социально-правового устройства казачьего региона, мизерными земельными наделами, налоговым бременем. Развитие образования в крестьянской среде – один из маркеров социального положения.

Общий уровень грамотности населения Дона оставался во второй половине XIX в. крайне низким, причем касалось это не только крестьянства, но и казачества.

Вопросами образования казаков войско занималось еще с XVIII в., направляя в учебные заведения (семинарии) наиболее способных из казаков и детей священников [3, с. 133, 134-136]. Неоднократно и сами станицы «ходатайствовали перед войсковым начальством об освобождении от полевой службы грамотных казаков, без которых «общество будет в затруднении избранием лиц в какие-нибудь должности по станице» и «дабы впоследствии вовсе не лишится грамотных людей из казачьего звания» [4, с. 457]. С конца XVIII – начала XIX в. в Войске открываются учебные заведения разных ступеней – сначала в городах, затем в течение первой половины XIX в. – в казачьих станицах. На местах действовали приходские и домашние частные школы [4, с. 457-458]. Имеющихся учебных заведений было недостаточно для области, однако положение образования в крестьянской среде было несравнимо ниже.

В силу существующих социальных установок образование оставалось сословным. Доля крестьян, имевших образование, была минимальной. Основная причина – отсутст-

вие школ в крестьянских поселениях, в результате чего, по словам исследователя Е.П. Савельева, «в крестьянских поселениях стояла беспросветная тьма» [5, с. 34]. Первыми учебными заведениями массового обучения в селе стали приходские школы. Согласно Указу Правительствующему Сенату от 24 января 1803 г. в предварительных правилах народного просвещения предусматривалось: «Всякий церковных приход или 2 прихода вместе... должны иметь по крайней мере 1 приходское училище. Приходские училища в казенных селениях вверяются приходскому священнику и одному из почетных жителей, в помещичьих селениях они представляются просвещенной и благонамеренной попечительности самых помещиков» [3, с. 138-139]. В условиях крепостничества не приходилось говорить о радении помещиков в деле распространения грамотности среди крестьянства, и донские помещики в этом отношении не были исключением. В школах обучались немногие свободные крестьяне, проживавшие в казачьих станицах и записанные в казачье сословие. В конце 50-х гг. XIX в. учился в среднем каждый 12 дворянин, в то время как среди крестьян один учащийся приходился на 42240 человек и на 400 казаков [4, с. 457]. Предварительные правила определяли содержание учебного материала, в частности, предписывалось: «В приходских училищах учитель обучает чтению, письму и первым действиям арифметики, наставляет в главных началах Закона Божьего, в благонравии в обязанностях к Государю, начальству и ближнему, и вообще простым, ясным и состоянию учащихся соответственным образом старается дать им правильное понятие о вещах» [3, с. 139]. Роль учителей выполняли священники. На практике в церковно-приходских школах главными предметами обучения были Закон Божий, чтение на церковнославянском языке, церковное пение, чистописание, гражданская азбука и реже – арифметика. Большинство таких школ располагалось в крайне стесненных условиях – церковных сторожках, не предусмотренных для проведения занятий. Безусловно, образование, полученное в приходской школе, не могло быть признано удовлетворительным и вырабатывало лишь элементарные навыки, однако сами школы

сыграли важную роль в формировании образовательной системы.

Качественные изменения в положении крестьянства произошли после отмены крепостного права, либеральные реформы открывали для страны путь прогрессивного развития, и создание эффективной системы образования было одним из важнейших направлений в реализации государственных задач. В 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах» и новый устав средних учебных заведений (гимназий), предусматривавшие бессловесный принцип обучения, кроме того, санкционировалось открытие народных училищ «для утверждения в народе религиозных и нравственных понятий и распространения первоначальных полезных знаний» [4, с. 457]. Положение сыграло важную роль в развитии образования. В течение 60–70 гг. XIX в. почти во всех станицах и многих хуторах, помимо приходских школ, началось открытие начальных и средних учебных заведений. Войсковая администрация поощряла и непосредственно участвовала в открытии учебных заведений, особенно в окружных станицах и наиболее заселенных местностях. В области был открыт даже ряд женских учебных заведений, содержавшихся в основном за станичный счет.

Параллельно шло открытие крестьянских народных школ, однако в меньших масштабах. Всего в 1869 г. в области насчитывалось около 780 крестьянских поселений с численностью до 300 тыс. человек [6, с. 12], но школы были открыты лишь в незначительном их количестве. Всего с 1861 по 1869 гг. в области было открыто 85 крестьянских сельских школ [7, л. 1-97]. Главная причина – отсутствие финансирования, т. к. школы открывались на средства общества. Уровень обеспеченности станичных и сельских обществ разнился в пользу казачьих селений. Кроме того, станицы могли рассчитывать на помощь со стороны администрации. Содержание крестьянских школ целиком и полностью ложилось на сами крестьянские общества.

Общее руководство учебными заведениями в области осуществляли две Дирекции – Новочеркасская (подведомственные округа – Новочеркасский, I Донской, II Донской, Донецкий, Миусский) и Усть-Медве-

дицкая (Усть-Медведицкий, Хоперский), которыми руководили директора гимназии и училищ. В штат входили 4 инспектора (по 2 на каждую дирекцию), а также ведомству подчинялись штатные смотрители окружных училищ. Инспектора и смотрители училищ производили ревизии учебных заведений. Дирекции выполняли роль координирующего органа и отчитывались о состоянии образования перед Харьковским учебным округом, Войсковой администрацией, Министерством просвещения. Согласование по вопросам образования проходило также по линии Военного министерства. Непосредственное участие в открытии и функционировании сельских школ принимало областное по крестьянским делам присутствие.

Практически все вопросы, касающиеся развития отдельных местностей до введения земства, проходили через мировых посредников, они же непосредственно поставляли сведения в административные инстанции и правительственные учреждения. По сообщениям мировых посредников, крестьянские школы оставались практически вне поля зрения Дирекций; на 1873 г. до 90 % сельских школ оставалось не ревизованными ни разу [7, с. 1-97]. Данный факт не следует, однако, рассматривать как полное пренебрежение к нуждам крестьянской школы: во-первых, действительно, четырех инспекторов было явно недостаточно для проведения ревизий всех учебных заведений обширной области; во-вторых, основное внимание уделялось казачьим учебным заведениям, часть из которых, особенно станичные, субсидировались войсковой администрацией и государством, и подобный контроль был первоочередным; и, наконец, в-третьих, как указывалось в сообщении из дирекции: «К сожалению, как Директору, так и Штатным Смотрителям невозможно следить и иметь правильный надзор за крестьянскими школами: «...потому что учение в них начинается 1 декабря и оканчивается в феврале, следовательно, продолжается не более 3 месяцев, так, например, в половине октября... при осмотре училищ и крестьянских школ ученики в этих последних еще не собирались...» [7, л. 98].

Открытие школ инициировалось самими обществами, согласование по данному вопросу было длительным и проходило через различные инстанции. Школы были двух ос-

новых типов – волостные и сельские, первые содержались из средств волости, вторые – на средства сельского общества. Однако часто сельским школам помогали волостные власти. Содержание школ могли позволить наиболее крупные, многонаселенные села, общества которых имели достаточно средств для организации дела. В ряде случаев денежные средства предоставляли частные лица – богатые односельчане.

Сельское население, несмотря на все тяготы своего положения, стремилось к знаниям. Инициатива открытия учебных заведений исходила чаще всего от самих обществ, реже – от частных лиц. Относительно открытия учебного заведения составлялся приговор, в котором в качестве обязательного условия указывалось, что общество берет на себя обязательство предоставить участок под школу из земель общества, построить либо же представить помещение; вносить средства на содержание (отопление, освещение, ремонт) помещения, оплату прислуги, в т. ч. сторожа, приобретение мебели (учебных столов, скамеек, классных досок). Составлялась общая смета расходов, включавшая и оплату жалования учителю. Кроме того, для учителя должно было быть предоставлено помещение – либо отдельное, либо при школе.

Если инициатива исходила от частного лица, то вышеперечисленные расходы или же определенную часть меценат брал на себя по согласованию с обществом. Так, например, в 1872 г. с предложением открыть за свой счет сельскую школу в слободе Даниловке выступил потомственный почетный гражданин купец Мордовцев. Он обязался не только выстроить здание для школы и обустроить ее в соответствии с требованиями, но и вносить на ее содержание ежегодно по 500 руб. в течение 10 лет. В своем прошении Мордовцев указывал: «Польза, которую может принести школа в течение 10 лет, приведет к осознанию необходимости ее существования, и тогда уже школа не будет нуждаться в такой поддержке, как моя» [8, л. 1-3]. В 1876 г. эта школа была открыта.

Состояние учебного заведения определялось возможностями общества. В отдельных местностях для школы выстраивали новое здание, что было показателем благосостояния сельского общества. Вот как описывается вновь открытая школа в слободе Да-

ниловке: школа представляла собой деревянное здание на каменном фундаменте, размеры: 34×12×6 аршин. Внутри прихожая и 4 комнаты: 1 – для учащихся на 64 человека, 1 – для учащихся на 50 человек, 1 – комната для учителя, 1 – комната для сторожа. Во всех комнатах имелись окна с двойными летними и зимними рамами, наружными ставнями и вентиляторами в окнах. Отапливалось здание 2 голландскими печами, в которых имелись отдушины. Здание школы, построенное на деньги купца Мордовцева, было оценено в 7 тыс. руб. [8, л. 2об.].

Подобного рода благоустроенные школы были редкостью. Чаще всего школы располагались в непригодных помещениях – церковных караулах, зданиях волостного или сельского правления, снятых в наем домах, что имело самые негативные последствия. По сообщению Усть-Медведицкой Дирекции: «Всем известно, какие сцены часто происходят в Волостных расправах.... [которые часто. – М. К.] кончаются попойкой, а иногда ссорой и дракой. Дети... видят дурные сцены, которые оставляют в душе их следы, пагубно действующие на нравственное развитие. Хотя в некоторых волостных и сельских сходах соблюдаются благочиние и порядок, но это бывает редко».

Обстановка учреждений была типовой и довольно бедной. Классную мебель составляли школьные столы (рекомендовались с наклонными крышками для удобства учеников) и лавки. Только в самых благоустроенных школах дети рассаживались попарно, в большинстве школ в классном помещении находилось 2–3 ученических стола с плоскими крышками (нередко заменявшихся простыми кухонными), вокруг столов на лавках рассаживались все дети. Одним из обязательных предметов была классная доска, но и она зачастую отсутствовала. Отмечались случаи, когда из всей обстановки в школьном помещении имелись только один стол и классная доска, а в некоторых – вообще отсутствие учебных пособий и классной мебели [7, л. 109]. Небольшое число учеников могло заниматься и на дому – у учителя, что было также неудобно, с учетом, что в соседних комнатах располагалось семейство.

Остро наблюдался недостаток квалифицированных кадров. Учителями, как правило, были выходцы из мещан, отставные военные,

духовные лица или грамотные крестьяне, окончившие курс в окружном училище или семинарии, нередко занимавшие должности писарей в сельской администрации. Отмечались случаи, когда крестьяне-самоучкиставляли детей частным порядком. Среди учителей были и женщины – вдовы, девицы, реже – замужние женщины. Содержание учителей, шедшее от обществ, могло быть разным – от 40 до 200 руб. в год, что зависело не столько от количества учеников, сколько от благосостояния общества. Как правило, общество выплачивало учителю заранее оговоренную сумму, однако в некоторых случаях учитель взимал плату непосредственно с родителей учеников ежемесячно. Оплата могла быть также и в виде продуктов, чаще – хлеба. По замечанию Усть-Медведицкой Дирекции, в итоге «направлять преподавание и следить за учебной частью этих школ невозможно, потому что наем учителей зависит от общества, который при найме обращает главное внимание на дешевизну платы, а не на научные сведения и педагогические способности. При осмотре крестьянских школ не приходилось встречать в них наставников, которые при хорошей нравственности и достаточных научных сведениях вполне знакомы были бы с методами первоначального обучения и обладали бы необходимыми педагогическими приемами» [7, л. 98об.]. Подчеркивалось, что именно недостаточность жалования становится причиной низкого уровня сельских учителей: «типичным для сельской школы 60–70 гг. XIX в. на Дону оставалось такое положение... По неимению в школах мест на коронную службу... учителя нанимаются обществами то из отставных солдат, то из казаков и других сословий, часто люди малограмотные и нетрезвые, потому что для найма учителей способных крестьянские общины не имеют средств» [4, с. 458]. Общее положение сельских учителей было стесненным, возникали случаи задержки уплаты жалования, несоблюдения договоренностей. Отмечались и случаи конфликтов между обществом и учителем [7, л. 121].

Основными предметами в школах были Закон Божий, первые четыре правила арифметики, чтение книг церковной и гражданской печати и чистописание, церковное пение. Учебники: Псалтырь, Букварь, Часо-

слов, «Родное слово» – весьма распространенная книга для обучения, книга для чтения Паульсона. Приобретение книг было довольно трудным делом. Как правило, учебники приобретались у местных торговцев по довольно высоким ценам или брались в долг – за хлеб. Книги были редкостью, и зачастую занятия в классе проводились по разным книгам, что, конечно, не способствовало повышению качества обучения. Библиотеки были редкостью; собственная библиотека с несколькими десятками экземпляров книг, пожертвованных каким-нибудь заинтересованным в развитии народного образования лицом, являлась показателем более высокого уровня школы.

Занятия в большинстве случаев проводились в период с осени по весну (с ноября по март–апрель), на летнее время детей отпускали на каникулы, точнее – на полевые работы. В ряде случаев занятия прекращались с наступлением весны, когда в крестьянских хозяйствах начинал острее чувствоваться недостаток рабочих рук. В силу отсутствия дорожных коммуникаций дети даже из относительно недалеко отстоящих мест не всегда могли посещать школу, особенно по распутице и в зимнее время.

Довольно распространенная характеристика положения сельской школы – на примере рапорта смотрителя училищ о бедственном состоянии Мариновской сельской школы от марта 1874 г.: «Мариновская сельская школа в слободе Мариновке, при р. Ольховой, открыта в 1868 г. Учащихся по списку числится 26, налицо было 8, а прочие отстали по причине слабого занятия учителя и домашнему хозяйству. Учитель – заштатный дьячок Иван Куренков, который около 2 недель в отсутствии по своим промыслам, и дети безо всякого надзора. С помощью волостного старшины я едва смог собрать 8 учеников, и те – преимущественно из певчего хора и вместе числятся учениками, – учат церковную азбуку, Часослов, а взрослые – Псалтырь, читают посредственно; немногие из них пишут на тетрадах азбуку и прописи, но неправильно и небрежно. Учитель получает от общества жалования 84 руб. в год.

Из школьной мебели – один изломанный стул и более ничего. Школа помещается в церковной караулке, в одной комнате со сторожами; комната очень тесная и до того за-

гажена, что совестно войти, и вдобавок сквозь потолок, вероятно, от растаявшего снега, падают капли на стол – одним словом, школа самая жалкая во всех отношениях» [4, с. 466].

В случае, если общество не могло содержать учебное заведение, школа, как правило, закрывалась по тому же приговору сельского схода.

По сведениям мировых посредников в области в 1873 г. насчитывалось 123 школы, среди них – 116 сельских (волостных и слободских), в т. ч. 1 частная – школа в пос. Петропавловском Громославской волости II Донского округа. Во II мировом участке Миусского округа действовали, кроме того, 6 приходских школ и одно приходское училище в слободе Кузнецово-Михайловке. Во II Донском округе помимо сельских школ действовало Калмыцкое окружное училище в слободе Ильинской. Распределялись школы крайне неравномерно как по округам, так и внутри них, что определялось численностью крестьянских поселений.

Таким образом, отсутствие действенной помощи в организации школ и учебного процесса (финансовой, учебно-методической) со стороны управленческих структур с переложением всей нагрузки на население, низкий жизненный уровень самого населения являлись причинами медленного и трудного становления и развития образования в среде аграрного населения Дона, прямым следствием чего являлся высокий уровень невежества и безграмотности населения. Подобная ситуация была характерна для всей второй половины XIX и начала XX в. И если начальное образование оставалось относительно доступным, то обучение в средних учебных заведениях могли позволить только наиболее зажиточные слои крестьянства [9, с. 224-225]. Изучая причины спада сельскохозяйственного производства на Дону в начале XX в., местные сельскохозяйственные комитеты, объединявшие представителей сельской буржуазии, торговых кругов, интеллигенции, ставившие своей целью улучшение сельского хозяйства и жизни аграрного населения, в своих заседаниях подчеркивали «безусловную необходимость народного образования и повышения общего уровня умственного развития населения», указывали, что «...во главе общих мероприятий надо поставить дело

народного образования, которое составляет основу всякого прогресса...» [10, с. 33]. Осознание на государственном уровне, что просвещение и образование являются источниками не только конкретных знаний, но и основой формирования морального и нравственного облика, мотивированности и умения проявлять свои гражданские, деловые и прочие качества, является одним из залогов прогрессивного развития общества.

1. Памятная книжка области войска Донского на 1892 г. Новочеркасск, 1892.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 12. Область войска Донского. Спб., 1905.
3. Материалы по истории народного просвещения на Дону // Сборник области войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1906. Вып. 5.
4. Наш край. Документы по истории Донской области. Ростов н/Д, 1963.
5. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917.
6. Памятная книжка области войска Донского на 1871 г. Новочеркасск, 1871.
7. ГАРО (Государственный архив Ростовской области). Ф. 46. Оп. 1. Д. 1120.
8. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1374.
9. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / под ред. А.М. Анфимова. Ростов н/Д, 1990.
10. Греков А.М. Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов // Сборник области войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1905. Вып. 5.

1. Pamyatnaya knizhka oblasti voyska Donskogo na 1892 g. Novocherkassk, 1892.
2. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g. / pod red. N.A. Troynitskogo. T. 12. Oblast' voyska Donskogo. Spb., 1905.
3. Materialy po istorii narodnogo prosveshcheniya na Donu // Sbornik oblasti voyska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1906. Vyp. 5.
4. Nash kray. Dokumenty po istorii Donskoy oblasti. Rostov n/D, 1963.
5. Savel'ev E.P. Krest'yanskiy vopros na Donu v svyazi s kazach'im. Istoriko-statisticheskiy ocherk. Novocherkassk, 1917.

6. Pamyatnaya knizhka oblasti voyska Donskogo na 1871 g. Novocherkassk, 1871.
7. GARO (Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti). F. 46. Op. 1. D. 1120.
8. GARO. F. 46. Op. 1. D. 1374.
9. Krest'yanstvo Severnogo Kavkaza i Dona v period kapitalizma / pod red. A.M. Anfimova. Rostov n/D, 1990.
10. Grekov A.M. Nuzhdy Dona v trudakh mestnykh sel'skokhozyaystvennykh komitetov // Sbornik oblasti voyska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1905. Vyp. 5.

Поступила в редакцию 12.11.2014 г.

UDC 94 (282.247.36)08

DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION IN PEASANT SETTLEMENTS ON THE DON IN THE POST-REFORM PERIOD

Mariya Andreevna KOLOMEYTSEVA, Don State Agrarian University, setl. Persianovsky, Rostov region, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of History and Philosophy Department, e-mail: marijaandreeva@mail.ru

The development of primary education of the peasant on the Don in the post-reform period is studied. The subject remains one of the least-studied problems in historiography and is relevant to the socio-cultural history of the region. In addition, attention to historical experience, it seems necessary to define the paradigm of the education system in the future. The aim of the research is to study the history of education in the environment of the peasantry, to determine the characteristics of the educational system in that period, the value of rural schools in the educational system in the region. In the article there is analysis of materials of the rural schools, their financial, material, methodological support, statistics on the number of schools and children in schools, characteristics of schools. It can be concluded that the lack of effective support for the schools and the educational process (financial, methodological and training) from the State and the Government and placing the entire responsibility on the population that for opened and included educational institutions, were causes of heavy State schools, slow and difficult in the formation and development of education in the agricultural population of the Don. The peasant education remained traditional, fragmented and inaccessible.

Key words: region of Don Cossacks; Don peasantry; education; country school.

УДК 9 (с 139)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКИХ ДВОРЯН ДАВЫДОВЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

© Денис Андреевич ШУВАЕВ

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политических наук, e-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Исследование посвящено известному Тамбовскому дворянскому роду Давыдовых. Исследована служба дворян Давыдовых в учреждениях образования и культуры в конце XIX – начале XX в. Источниками послужили делопроизводственная документация общественных учреждений, справочно-статистические материалы, периодические издания, а также мемуары Давыдовых и их современников. Была проанализирована деятельность видных представителей дворянского рода Давыдовых: Екатерины Васильевны (председательница дирекции Тамбовского отделения Императорского русского музыкального общества), Николая Васильевича (приват-доцент Московского университета, председатель правлений Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского и Московского отделения Толстовского общества) и Юрия Васильевича (член правления Общества по устройству народных чтений в Тамбове и Тамбовской губернии). Доказывается, что участие представителей Давыдовых в учреждениях культуры и образования различного уровня отражало их благородную готовность к просвещению и высших слоев общества, и «простого» народа. Деятельность дворян проявилась в организации музыкальных коллективов и открытии библиотек, проведении концертов, лекций, спектаклей, народных чтений, литературно-музыкальных и прочих мероприятий. При этом Н.В. Давыдов внес существенный вклад в российское образование и культуру.

Ключевые слова: общественная служба; общественные учреждения; образование; культура; тамбовское дворянство.

Государственная и общественная служба дворянства в общероссийском плане исследована широко [1–4]. Значительно меньше внимания в трудах ученых уделено деятельности российского высшего сословия в учреждениях образования и культуры. Наша цель: на примере тамбовских дворян Давыдовых рассмотреть службу российского дворянства в учреждениях образования и культуры в конце XIX – начале XX в.

В пореформенный период дворяне Давыдовы приняли активное участие в работе учреждений образования и культуры. В частности, благодаря деятельности Екатерины Васильевны Давыдовой (Чолокаевой) на посту председательницы дирекции Тамбовского отделения Императорского русского музыкального общества вторая половина 1890-х гг. стала переломным моментом в истории отделения.

В 1895–1896 гг. дирекцией был организован оркестр из любителей. При содействии правления открылись симфонические концерты, которые «в 2 года снискали к себе симпатию значительной части тамбовской публики» [5]. В этих концертах ставились

пьесы для оркестра или хора как иностранных (В.А. Моцарта, Ф.И. Гайдна, Ф. Шуберта, Р. Шумана и др.), так и русских композиторов (П.И. Чайковского, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, Э.Ф. Направника и др.). Кроме того, благодаря дирекции под руководством Е.В. Чолокаевой были открыты «камерные собрания» (1898 г.) [5]. Устраивались квартетные собрания и ученические вечера [6].

За годы председательствования Екатерины Васильевны Тамбовское отделение Императорского русского музыкального общества пополнилось новыми членами [7, с. 150].

Она способствовала улучшению материального положения находившихся при отделении музыкальных классов. Е.В. Чолокаева в 1895 г. смогла исходатайствовать на их содержание первое единовременное пособие от Тамбовского губернского земства в 500 руб., которое регулярно выдавалось и в последующие годы ее председательствования [5; 7, с. 150]. Подобное же пособие в размере 200 руб. на 1898 г. ассигновало и Тамбовское уездное земское собрание [5].

Дирекцией в течение 1895–1896 гг. была выработана новая система организации му-

зыкальных классов и программа преподавания специальных предметов с подразделением ее на 5 курсов (2 младших и 3 старших), расширено преподавание теоретических предметов. В 1897/1898 учебном году правление открыло новый виолончельный класс с очень удачным выбором в преподаватели, по мнению газеты «Тамбовские губернские ведомости», «молодого человека г. Рогового, снискавшего как исполнитель в короткое время симпатию публики» [5].

В результате, благодаря деятельности дирекции под руководством Е.В. Чолокаевой, количество учащихся музыкальных классов возросло за 1894–1898 гг. с 42 до 110 человек [5; 6; 7, с. 150].

Ее младший брат, Николай Васильевич Давыдов, входя в состав руководства действовавшего при Московском университете Историко-филологического общества, способствовал осуществлению крупных образовательных мероприятий высшего учебного заведения. Так, в 1903 г. он принимал участие в организации и проведении образовательной экскурсии студентов университета в Грецию [8, с. 116–126].

Н.В. Давыдов, состоя приват-доцентом Московского университета, вместе с другими профессорами и преподавателями работал в 1905 г. над созданием еженедельного журнала «Московская неделя», который должен был стать печатным органом кружка прогрессистов. «Журнал должен был служить, будучи независимым, правдивым беспартийным, – вспоминал он, – к укреплению порядка, установлению в России правового режима, действительной свободы совести, слова и печати, к уничтожению абсолютизма, произвола и насилия, откуда бы они ни исходили, к упорядочению низшей, средней и высшей школы и проведению необходимых реформ в администрации, церкви, суде и местном самоуправлении» [8, с. 136]. Однако задуманное Николаем Васильевичем и его коллегами не смогло осуществиться. Первый же напечатанный номер журнала «вызвал арест его цензурным ведомством... на... основании, что он, идя по курсу, нежелательному с точки зрения правительства, слишком умерен, вернее недостаточно радикален и, будучи органом солидным, тем самым (т.е. своей умеренностью) и опасен» [8, с. 136]. Такая же участь постигла второй и третий номера

«Московской недели». В результате редакция, «убедившись... в тщете своего начинания», решила прекратить издание [8, с. 136].

Николай Васильевич Давыдов по вопросу об университетской автономии являлся сторонником лозунга «университет для науки, а не для политики», выступал за самостоятельность советов высших учебных заведений и их корпоративное устройство, предоставление им права на выбор ректора и деканов, уничтожение инспекции [8, с. 127, 128]. Более того, он содействовал избранию первого выборного ректора Московского университета. Именно в его доме 1 сентября 1905 г. состоялось частное собрание профессоров университета, заручившееся согласием Сергея Николаевича Трубецкого баллотироваться на пост ректора, который был избран им на следующий день [8, с. 114, 129–132].

Подобных же взглядов Н.В. Давыдов придерживался и в дальнейшем. В 1911 г. он был в числе лиц профессорско-преподавательского состава, покинувших Московский университет в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо по ограничению автономии высших учебных заведений, уволившего ректора и нескольких профессоров университета [8, с. 116; 9, с. 235].

После оставления университета основной работой Николая Васильевича стало председательствование в правлении Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского, который за время его руководства «чрезвычайно широко и успешно развивал свою деятельность» [9, с. 235]. Современник Н.В. Давыдова Валентин Федорович Булгаков вспоминал: «Николай Васильевич с увлечением и радостью отдавал руководству университетом свои силы. Как председателя правления его в высшей степени ценили. Он пользовался всеобщим уважением, никогда не вносил в дело ничего личного и умел примирять все противоположные течения и отстранять тяжелые столкновения в профессорской среде» [9, с. 235].

Н.В. Давыдов, преподавая в высших учебных заведениях, занимался редактированием юбилейных, исторических и литературных сборников. Он принимал участие в работе издательской комиссии, редактировавшей «Толстовский ежегодник» 1912 г. [10, с. 5]. Под его, совместно с Н.Н. Полян-

ским, редакцией в 1915 г. вышел двухтомный сборник «Судебная реформа 1864–1914» [11, с. 102]. В этом же году выпущен и другой редактированный им сборник «Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости» (1863–1913)» [12, с. 75]. Кроме того, согласно воспоминаниям известного русского советского писателя Н.Д. Телешова, под их совместной с Николаем Васильевичем редакцией были изданы литературный сборник всероссийского студенчества («Общестуденческий сборник») и в годы Первой мировой войны «большой том... в помощь пленным воинам, томившимся в неприятельских тюрьмах» [13, с. 32, 33]. Вместе с тем Н.В. Давыдов активно публиковал свои очерки и рассказы («Из прошлого», «Лев Николаевич Толстой и суд», «Уголовный суд в России» и мн. др.) [12, с. 74, 75].

За годы преподавательской деятельности он регулярно собирал на свои «четверги в Левшинском переулке весь цвет московской интеллигенции» [14, с. 129]. В его доме наряду с профессорами и преподавателями бывали председатель первой Государственной думы С.А. Муромцев, лидеры кадетов В.А. Маклаков и Ф.Ф. Кокошкин, публицист и общественный деятель, фактический редактор журнала «Русская мысль» В.А. Гольцев, религиозный философ В.С. Соловьев, театральные актер, режиссер и педагог А.П. Ленский и мн. др. [8, с. 110, 129–131, 151–154; 13, с. 31; 14, с. 129].

Значительных успехов Николай Васильевич добился на посту председателя правления Московского отделения Толстовского общества. На первом же году существования отделения общества правлением под его руководством была организована посмертная выставка Льва Николаевича Толстого в Москве (1911 г.) [9, с. 236; 10, с. 258–260; 13, с. 31]. Причем идеи создания выставки, а впоследствии на ее основе и музея, зародились на частных собраниях в доме Н.В. Давыдова [13, с. 31]. Правлению, несмотря на стесненность в средствах, удалось привлечь к этому делу несколько московских фирм, которые настолько уменьшили расходы по устройству выставки, что бывшие в распоряжении руководства 2 тыс. руб. оказались вполне достаточными [10, с. 260]. На призывы организаторов откликнулась и московская периодическая печать, поспособствовавшая,

в значительной степени, «распространению идеи выставки и обогащению ее экспонатами частных лиц» [10, с. 260]. Кроме того, благодаря личным ходатайствам Николая Васильевича Давыдова и члена выставочного комитета Михаила Александровича Стаховича удалось получить экспонаты Академии наук, Петербургской публичной библиотеки, Румянцевского и Исторического музеев Москвы и Толстовского музея в Санкт-Петербурге [10, с. 260].

В конце декабря того же года на основе поступивших в дар, оставленных на хранение и приобретенных экспонатов правление открыло постоянный Толстовский музей [9, с. 236; 10, с. 258, 261, 262; 13, с. 31]. Его открытию предшествовала большая организационная работа, проделанная Николаем Васильевичем. В.Ф. Булгаков вспоминал: «Давыдов сделал много полезного, доброго и важного, как прекрасный руководитель большого и ответственного культурно-образовательного начинания. И, конечно, без любви к Толстому (Льву Николаевичу. – *Д. Ш.*) он не мог бы столь удачно и с таким самозабвением руководить созданием музея – памятника великому писателю и мыслителю. Заведую Толстовским музеем (В.Ф. Булгаков, занимая с 1916 г. должность помощника хранителя, фактически являлся хранителем музея. – *Д. Ш.*), я убедился сам, как легко работать с Николаем Васильевичем и как искренне заботился он о деле, нигде не выдвигая вперед своей личности, умело сглаживая все шероховатости в работе и действительно соединяя, а не разъединяя людей в этой деятельности» [9, с. 236, 237; 15, с. 3].

Правление под руководством Н.В. Давыдова содействовало посещению экскурсантами Ясной Поляны, устраивало торжественные публичные собрания общества в ознаменование годовщин смерти Л.Н. Толстого, бесплатные и общедоступные литературно-музыкальные мероприятия [10, с. 259, 261; 16, с. 3, 4]. Значительную прибыль (1000 руб.) дал организованный правлением в пользу Толстовского общества в Москве концерт знаменитой польской пианистки Ванды Ландовска (1911 г.) [10, с. 261]. Кроме того, при председательствовании Николая Васильевича общество в 1912 г. приняло участие в жевневских торжествах, посвященных 200-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо [10, с. 170–

175]. В годы Первой мировой войны деятельность руководства общества в этом направлении практически не велась. Так, в 1915 г. не было организовано ни одного платного собрания в пользу общества. Не устраивались и «бесплатные собрания и лекции, посвященные Льву Николаевичу, ввиду вызванного войной особого настроения русского общества» [17, с. 3, 4]. В следующем 1916 г. правление провело лишь два платных литературно-музыкальных вечера 5 и 7 ноября. Причем последний был организован «совместно с Обществом им. А.Н. Островского, при участии общества любителей российской словесности» [15, с. 3, 4].

Толстовское общество под председательством Н.В. Давыдова вело издательскую деятельность. Так, в 1915 г. эта деятельность «выразилась в напечатании принадлежащих Музею писем Л.Н. Толстого: 1) к кн. С.С. Урусову; 2) кн. Л.Д. Урусову; 3) Г.А. Русанову» [17, с. 4].

По поручению руководства общества в 1912–1916 гг. была проведена работа по описанию яснополянской библиотеки [15, с. 3; 16, с. 4; 17, с. 4, 5].

Возглавлявшееся Н.В. Давыдовым Толстовское общество вело борьбу с использованием имени Л.Н. Толстого в коммерческих целях. В частности, в 1911–1912 гг. обществом совместно с Обществом Толстовского музея в Санкт-Петербурге был опубликован в иностранной печати протест против «гг. Казеевых, устраивающих Толстовскую выставку в Лондоне и других городах Европы и Америки» с подобными целями [10, с. 263]. «Толстовское Общество в Москве и Общество Толстовского музея в Петербурге, – говорилось в нем, – обращаются к общественному мнению Европы с протестом против всякого рода начинаний, связанных с именем Льва Толстого и не носящих исключительно общественного и научно-просветительного характера. Считая извлечение коммерческой выгоды путем эксплуатации мировой славы великого писателя и мыслителя деянием, коренным образом противоречащим его взглядам и, несомненно, оскорбляющим его память, названные общества считают допустимыми только такого рода предприятия, как: музеи, выставки и т. п., которые носят определенно общественный характер и составлены с научной тщательностью под ру-

ководством вполне компетентных лиц» [10, с. 263].

Племянник Н.В. Давыдова Юрий Васильевич, входя с 1908 г. в состав руководства Общества по устройству народных чтений в Тамбове и Тамбовской губернии, содействовал просвещению населения губернии. Он как член правления способствовал открытию новых сельских библиотек и читален, следил за состоянием и работой художественного отдела и библиотек (особой, выдачной и народной), находившихся в непосредственном ведении правления, занимался вопросами их пополнения, изыскивал средства для привлечения земств к участию в просветительской деятельности общества. Принимал решения о снабжении отдельных лиц и учреждений брошюрами и «туманными» картинами для устройства народных чтений в городах и селениях губернии. Совместно с другими членами правления и редакционной комиссией общества составлял расписание чтений «для Тамбовской народной аудитории» [18, с. 11, 12; 19, с. 9-11; 20, с. 8, 9; 21, с. 10, 11; 22, с. 6, 7; 23, с. 10-13, 15, 16].

Правление в 1908–1913 гг. регулярно устраивало в Тамбове свыше 50 народных чтений в год. Кроме того, руководство общества предоставляло бесплатно или за небольшие деньги помещение для проведения лекций, чтений, бесед, концертов и прочих мероприятий как отдельным лицам, так и просветительным и благотворительным учреждениям. К числу последних относились Тамбовское отделение Императорского православного палестинского общества, Тамбовское физико-медицинское общество, Тамбовская ученая архивная комиссия [18, с. 12, 13; 19, с. 11-12; 20, с. 9-10; 21, с. 11-13; 22, с. 7, 8; 23, с. 13, 14, 16, 17].

Для привлечения на свои чтения большего числа посетителей правлением, в которое входил Ю.В. Давыдов, наряду с приглашением народного хора под руководством Поликарпа Никитича Бигдаш-Богдашева и оркестра военной музыки устраивались во время антрактов пения религиозных песнопений, кантат и пьес патриотического содержания самими слушателями [20, с. 10; 21, с. 12; 22, с. 8; 23, с. 13, 14, 17].

Итак, пример тамбовских дворян Давыдовых показал, что российское дворянство, участвуя в работе учреждений образования и

культуры, содействовало просвещению населения. Деятельность дворянства проявилась в организации музыкальных коллективов и открытии библиотек, проведении концертов, лекций, спектаклей, народных чтений, литературно-музыкальных и прочих мероприятий. Причем, занимаясь этой деятельностью, некоторые представители высшего сословия (в частности, Н.В. Давыдов) смогли внести существенный вклад в российское образование и культуру.

1. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.
2. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25-39.
3. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
4. Пенькова О.П. Дворянство Тамбовской губернии (1861–1906): монография. Тамбов, 2009.
5. Тамбовские губернские ведомости. 1898. 2 мая.
6. Тамбовские губернские ведомости. 1898. 8 декабря.
7. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903.
8. Давыдов Н.В. Из прошлого: в 2 т. М., 1917. Т. 2.
9. Булгаков В.Ф. Лев Николаевич Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970.
10. Толстовский ежегодник. 1912 г. М., 1912.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
12. Русские писатели 1800–1917: биографический словарь: в 5 т. / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1992. Т. 2 (Г-К).
13. Телешов Н.Д. Записки писателя: воспоминания и рассказы о прошлом. Саратов, 1987.
14. Давыдов А.В. Надписи к Кулеватовским фотографиям // Земство. 1994. № 4.
15. Годовой отчет Толстовского общества в Москве за 1916 г. М., 1917.
16. Годовой отчет Толстовского общества в Москве за 1913 г. М., 1914.
17. Годовой отчет Толстовского общества в Москве за 1915 г. М., 1916.
18. Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1908 г. Тамбов, 1909.

19. Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1909 г. Тамбов, 1910.
20. Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1910 г. Тамбов, 1911.
21. Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1911 г. Тамбов, 1912.
22. Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1912 г. Тамбов, 1914.
23. Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1913 г. Тамбов, 1915.

1. Faizova I.V. "Manifest o vol'nosti" i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii. M., 1999.
2. Pissar'kova L.F. Razvitie mestnogo samoupravleniya v Rossii do Velikikh reform: obychay, povinnost', pravo // Otechestvennaya istoriya. 2001. № 3. S. 25-39.
3. Korelin A.P. Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii 1861–1904 gg. Sostav, chislennost', korporativnaya organizatsiya. M., 1979.
4. Pen'kova O.P. Dvoryanstvo Tambovskoy gubernii (1861–1906): monografiya. Tambov, 2009.
5. Tambovskie gubernskie vedomosti. 1898. 2 maya.
6. Tambovskie gubernskie vedomosti. 1898. 8 dekabrya.
7. Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 god. Tambov, 1903.
8. Davydov N.V. Iz proshlogo: v 2 t. M., 1917. T. 2.
9. Bulgakov V.F. Lev Nikolaevich Tolstoy, ego druž'ya i blizkie. Tula, 1970.
10. Tolstovskiy ezhegodnik. 1912 g. M., 1912.
11. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. SPb., 2000. T. 2.
12. Russkie pisateli 1800–1917: biograficheskiy slovar': v 5 t. / gl. red. P.A. Nikolaev. M., 1992. T. 2 (G-K).
13. Teleshov N.D. Zapiski pisatelya: vospominaniya i rasskazy o proshlom. Saratov, 1987.
14. Davydov A.V. Nadpisi k Kulevatovskim fotografiyam // Zemstvo. 1994. № 4.
15. Godovoy otchet Tolstovskogo obshchestva v Moskve za 1916 g. M., 1917.
16. Godovoy otchet Tolstovskogo obshchestva v Moskve za 1913 g. M., 1914.
17. Godovoy otchet Tolstovskogo obshchestva v Moskve za 1915 g. M., 1916.
18. Otchet pravleniya Obshchestva po ustroystvu narodnykh chteniy v g. Tambove i Tambovskoy gubernii za 1908 g. Tambov, 1909.

19. Otchet pravleniya Obshchestva po ustroystvu narodnykh chteniy v g. Tambove i Tambovskoy gubernii za 1909 g. Tambov, 1910.
 20. Otchet pravleniya Obshchestva po ustroystvu narodnykh chteniy v g. Tambove i Tambovskoy gubernii za 1910 g. Tambov, 1911.
 21. Otchet pravleniya Obshchestva po ustroystvu narodnykh chteniy v g. Tambove i Tambovskoy gubernii za 1911 g. Tambov, 1912.
 22. Otchet pravleniya Obshchestva po ustroystvu narodnykh chteniy v g. Tambove i Tambovskoy gubernii za 1912 g. Tambov, 1914.
 23. Otchet pravleniya Obshchestva po ustroystvu narodnykh chteniy v g. Tambove i Tambovskoy gubernii za 1913 g. Tambov, 1915.
- Поступила в редакцию 4.12.2014 г.

UDC 9(с 139)

ACTIVITY OF TAMBOV NOBLE FAMILY DAVYDOVS IN INSTITUTIONS OF EDUCATION AND CULTURE AT THE END OF 19th – BEGINNING OF 20th CENTURY

Denis Andreevich SHUVAYEV, Tambov branch of Russian Presidential academy of National Economy and Public Service, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Political Science Department, e-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

The paper is devoted to the famous of Tambov noble family of Davydovs. The service of gentry Davydovs in the educational and cultural institutions at the end of 19th – beginning of 20th century is studied. Sources for this writing became record keeping documentation of public institutions, information and statistics, periodicals, as well as memoirs Davydovs and their contemporaries. The activities of prominent members of the noble family Davydovs are analyzed. They were Ekaterina Vasilyevna (chairwoman of the Directorate of Tambov branch of the Imperial Russian Musical Society), Nikolai Vasilyevich (assistant professor at Moscow University, chairman of the Moscow City People's University named after A.L. Shanyavsky and the Moscow branch of the Tolstoy Society) and Yuri Vasilyevich (member of the board of the Society for the holding of public readings in Tambov and the Tambov province). It is proved that the participation of Davydovs in cultural and educational institutions at various levels reflected their noble readiness to education and higher strata of society, and the “ordinary” people. The activities gentry manifested in the organization of musical ensembles and opening libraries, concerts, lectures, performances, popular lectures, literary, musical and other events. At the same time N.V. Davydov has contributed a significant contribution to the Russian education and culture.

Key words: public service; public institutions; education; culture; Tambov nobility.

УДК 008(091); 330.3414:339.13

**РОДСТВЕННЫЕ, ДЕЛОВЫЕ И СОСЕДСКИЕ СВЯЗИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ ГОРОДОВ
ТАМБОВА И МОРШАНСКА В XIX в.¹**

© Вера Дмитриевна ОРЛОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры российской истории, e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

Анализируются взаимоотношения представителей семей предпринимателей губернского и уездного городов Тамбовской губернии в разных сферах деятельности. Семейственность в бизнесе была типична для русского купечества. В качестве объекта исследования нами были выбраны преуспевающие купеческие семьи, известные в XIX в. в двух городах Тамбовской губернии. Моршанск был крупным центром транзитной торговли сельскохозяйственной продукцией российского масштаба и значимым речным портом в первой половине XIX в. Тамбов являлся центром деловой и общественной жизни губернии. Новизна исследования определяется микроисторическим подходом к изучению корпоративно-родственных связей торгово-предпринимательских слоев русских городов, обращением к восстановлению истории конкретных семей. Именно корпоративно-родственные связи, включенность во властные и общественные структуры города, поддержка местной администрации и дворянства определяли экономическое положение семьи, ее место в жизни города. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проследить влияние корпоративно-родственных связей на процессы социальной и территориальной мобильности населения провинциальных городов России. Предпринимательская деятельность определяла особенности не только социальной мобильности, но и демографического поведения купечества. Несмотря на то, что изучаемые города были крупными торговыми центрами, имевшими постоянные связи со многими губерниями России, невест выбирали «своих», из хорошо знакомых семей, скорее всего, из-за общих хозяйственных интересов.

Ключевые слова: семья; купечество; семейный бизнес; торгово-предпринимательские слои; семейно-деловая консолидация.

В первой половине XIX в. в российских городах шло формирование новых, прежде всего предпринимательских, слоев населения. Интересно проследить деловые, родственные и соседские отношения предпринимательских слоев населения провинциального города. Исследованием социальной истории города Моршанска успешно занимается М.К. Аколзина [1–3]. Тамбовских предпринимателей изучает В.Д. Орлова [4, с. 45; 5, с. 30–33; 6, с. 39].

В поле нашего зрения оказалось чуть больше 20 купеческих семейных кланов. Мы выбрали тех, кто главным образом занимался торговлей и производством товаров, оставив в стороне крупных домовладельцев и строителей, относившихся к купеческому сословию. Пополнение купечества было результатом не только вертикальной восходящей мобильности местного населения, но и переме-

щения сюда купцов из других территорий. В связи с частными ухудшениями экономической ситуации или усилением налогового пресса правительства на купцов представители этого сословия Моршанска совершали нисходящее движение по социальной лестнице, хотя обычно не опускались ниже уровня мещан. Особым способом выживания купеческого сословия города в условиях активизации в 1820-е гг., а затем кризиса хлебной торговли середины 1850-х гг. стали клиентарные отношения с дворянами, помещиками и чиновниками, семейно-деловая консолидация и территориальная мобильность.

Главным отличием купечества Моршанска от купечества других городов России была его семейно-деловая консолидация в условиях ухудшения экономической конъюнктуры. Консолидация была связана с конкуренцией между принадлежавшими купцам однотипными перерабатывающими предприятиями и сопровождалась разорением части купечества в связи с изменявшимися условиями торговли.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Формирование культуры корпоративных связей торгово-предпринимательских слоев русского провинциального города в первой половине XIX в.», проект РГНФ № 14-01-00384а.

Например, моршанский купец Конон Давыдов на протяжении ряда лет был поверенным господина гвардии полковника Афанасия Даниловича Соломки, по доверенности участвовал в торгах и содержал крупные мельницы и земельные участки в уездах Тамбовской губернии. У него же во владении находилась крупная мельница с сукновальней близ Праволамской волости, в с. Вирятино с ежегодным оброком в 600 руб.; в с. Пичаево содержалась наливная мельница с крупорушкой с ежегодным оброком в 705 руб. Обе мельницы были отданы ему в оброчное содержание Казенной палатой сроком на 12 лет.

У поверенного крестьянина графини И.И. Воронцовой Михайлы Матвеева Луннова многие моршанские дворяне и купцы занимали крупные суммы. Примечательно, что в 1834 г. его сын, Максим Михайлов Луннов, уже был купцом 3 гильдии, а в 1850 г. – купцом 2 гильдии и городским головой Моршанска [7].

Причисленный в 1833 г. из экономических крестьян Макар Филипов Лысковский и его дети в середине XIX в. стали известными не только в Моршанске купцами. Так, купец 3 гильдии Иван Макаров Лысковский, причисленный к купеческому обществу города Кирсанова, шацкий купец Симеон Макаров Лысковский, моршанский мещанин Петр Макаров Лысковский реально проживали в Моршанске.

В первой половине XIX в. в Моршанске в системе родственных связей податных сословий уже просматривалась корпоративная структура, хотя в целом сохранялись характерные для аграрного общества родственные связи.

Новым было то, что число купцов увеличивалось за счет раздела семей, выделения купеческих детей, братьев, племянников и внуков в самостоятельные домохозяйства и соответственного изменения их сословного статуса. Переходили купцы или в мещанство (в большинстве случаев), или повышали свой социальный статус, становясь почетными гражданами.

Купеческий бизнес в первой половине XIX в., как правило, был семейным. Так, моршанский купец 2 гильдии Степан Кондратьев Житков с братьями Яковом и Евдокимом владели сообща лавкой стоимостью

1800 руб. серебром, приносившей ежегодно 300 руб. дохода. В собственности моршанских купцов Поповых в 1828 г. были 6 каменных лавок с усадьбой землей стоимостью 15000 руб. ассигнациями на Вознесенской торговой площади. Часто лавки и жилые помещения располагались под одной крышей.

Часть купцов занималась торговой деятельностью в других городах России.

Предпринимательская деятельность всегда была связана с риском, и Моршанскому городскому магистрату часто приходилось разбирать дела о невыплате долгов местными купцами. В этом отношении интересно дело 1846 г. о взыскании денег кредиторами с моршанского купца Василия Иванова Кособрюхова. Он был должен 6 кредиторам 9500 руб. серебром (огромную по тем временам сумму): московскому купеческому сыну по двум векселям, московской купчихе по 6 векселям, своему брату и отцу, влиятельному моршанскому купцу Егору Давыдову, московскому купцу, купцу Рошфор по 4 векселям. И взыскать этот долг с него было весьма трудно. Сам он находился в бегах, недвижимого имущества по документам в Моршанске не имел, а разного товара, принадлежавшего ему, было найдено и описано лишь на 553 руб. серебром [8].

Другой купец, также в 1846 г. признанный судом несостоятельным и находившийся в розыске, Михайла Петров Гусев, был должен 2477 руб. серебром ярославским почетным гражданам братьям Василию и Ивану Семеновым Соболевым и 495 руб. войска Донского торговому казаку Александру Петрову Андропову. Эти факты очень ценны с точки зрения микроистории, поскольку позволяют представить реальные торговые связи моршанского купечества. Сам М.П. Гусев признал эти долги, но выплатить их не мог, причем объяснил это тем, что хотя и имел дом, но тот находился в залоге у его матери – мещанки Пелагеи Гусевой – с 1836 г. за 5000 руб. ассигнациями. В лавке же, в которой он торговал по контракту, все (товары и винный погреб) принадлежало моршанскому купцу Гавриле Котельникову. М.П. Гусев Г. Котельниковым был принят «в товарищи» для торговли овощами и винами и вложил в дело 20000 руб. ассигнациями. Городской полицией было описано и оценено товаров на

1200 руб. серебром, которые пошли на покрытие долга М.П. Гусева. Магистрат вынес решение о розыске должников и отдаче их под стражу. Для этого было составлено объявление о наложении запрета на продажу и залог движимого и недвижимого имущества должников и об аресте их движимого имущества [9].

В 1816 г. Тамбовская удельная контора заключила контракт с моршанским купцом Петром Тихоновым об отдаче ему в 4-летнее содержание мельницы, располагавшейся в даче с. Серповое «из объявленного с окончательных торгов оброка на 5230 руб. в год» [10].

С 1808 по 1832 г. в оброчном содержании моршанского купца Сорокина находилась крупная «хлебомольная» мельница, располагавшаяся при с. Ракше Моршанского уезда, за которую он выплачивал ежегодно по 1054 руб. 73 коп. [11].

Самая крупная мельница принадлежала моршанскому купцу Сливину. Она находилась при с. Давыдове и облагалась оброком в 3025 руб. серебром. Чтобы оставить ее за собой, купец на очередных торгах 1816 г. повысил сумму оброка на 1975 руб. в год, предоставил «благонадежный» залог и обошел всех конкурентов, среди которых был инженер англичанин Кларк. Мельница стоила того. Ежемесячно от помола ее хозяин выручал по 1500 руб. серебром, в среднем по 50 руб. в день [12].

Купцы заключали договоры о коммерческой деятельности. Так, в 1830 г. моршанский купец Гаврила Герасимов Васильев с товарищами, моршанским купцом Иваном Федотовым Родионовым и тульским мещанином Иваном Тупинкиным, заключили договор с ряжским помещиком Федором Андреевым Сухаревым на куплю лесной рощи в Ряжском уезде при с. Кензене для вырубки на 10-летнее содержание за 8000 руб. и 1000 руб. задатка. По контракту им было разрешено построить поташный завод [13].

Все владельцы заводов Моршанска были указаны в Списке фабрикантов и заводчиков Российской империи 1832 г. В этот перечень был включен и владелец единственного в городе свечносального завода Кондратий Михайлов. Крупными кожевенными предприятиями руководили купцы Матвей Якжин (Янжин) и Егор Толмачев. В собственности Карпа и Егора Смесовых находилась пря-

дильная фабрика, производившая канаты и бечеву. Самым крупным промышленником города в 30-е гг. XIX в. был владелец трех салотопенных заводов с числом рабочих 27 человек, купец 2 гильдии Карп Ильин Смесов. В 1831 г. у него же находились в собственности лесные дачи у с. Кутли.

Предпринимательская деятельность определяла особенности социальной мобильности и демографического поведения купечества. Представители провинциального предпринимательства старались по возможности продвинуться в более высокую страту. В первой половине XIX в. брак был одной из форм повышения социального статуса. Так, в метрических книгах церковью Моршанска встречаются записи о венчании купеческого сына и дочери коллежского регистратора; неслужащего дворянина, сына статского советника, и дочери моршанской почетной гражданки; приписанного к г. Тамбову, «но коренного жителя Моршанска» мещанина и купеческой дочери; временного жителя города, титулярного советника и купеческой дочери [14].

Интересен пример социальной мобильности Василия Алексеева Кособрухова. Удельный крестьянин моршанской пригородной слободы женился на мещанке и к 39 годам стал уже купцом. Чтобы закрепить свое положение, выдал 15-летнюю дочь Екатерину за купеческого сына Александра Акулова, представителя известной и влиятельной в Моршанске купеческой семьи.

Более позднее вступление в брак купцов Моршанска объясняется их активной хозяйственной деятельностью, стремлением «стать на ноги», обзавестись капиталом для ведения собственного дела до заключения брака, а потом выбрать невесту из богатой семьи. В целом брачное поведение купечества было характерным для традиционного общества. Несмотря на то, что город был крупным торговым центром, имевшим постоянные связи со многими губерниями России, невест выбирали «своих», из хорошо знакомых семей, скорее всего, из-за общих хозяйственных интересов.

Подавляющее большинство тамбовских родственных кланов были уроженцами Тамбовской губернии и вели свой бизнес в масштабах этого губернского города. Разные купеческие фамилии не одновременно занялись

предпринимательством. Наиболее интересными для раскрытия темы являются корпоративно-родственные отношения моршанской семьи Тюлюкиных, потомков отпущенного на волю крестьянина г-на Нарышкина Дмитрия Ефимовича Тюлюкина. Клан Тюлюкиных был одним из самых богатых и влиятельных в Моршанске. Они вели активную торгово-предпринимательскую деятельность, занимались благотворительностью, финансировали постройку церквей как в Моршанске, так и уезде, участвовали в управлении городом.

Началом семейного бизнеса братьев-судовладельцев Тюлюкиных стала скупка и крупные поставки зерна из Моршанска [15]. Но они занимались не только перевозкой сельскохозяйственных грузов, но и их переработкой. В 1810–1820-е гг. в содержании у Алексея Тюлюкина находились две крупные оброчные мельницы при селе Давыдове на речке Серп. Вместе с родственником Карпом Смесовым Алексей Тюлюкин длительное время содержали две мукомольные мельницы, принадлежавшие помещикам Томилиным. Одновременно купцы получили право на владение землей, принадлежавшей мельницам. В собственности у Федора Тюлюкина были салотопенные заводы и склады, «береговые места», использовавшееся для складирования сплавляемого хлеба. Моршанский купец Тюлюкин платил сверх установленной суммы оброка ежегодно 150 руб. за береговое место в дачах с. Старое Устье по течению р. Цны, использовавшееся для складирования сплавляемого хлеба, чтобы Казенная палата не передала его многим другим желающим [16]. В Борисоглебском уезде проходила дорога Борисоглебск–Усмань по земле, находившейся во владении моршанского купца 2 гильдии Алексея Дмитриевича Тюлюкина «на коей поселян хутор». Недалеко, в селе Завьялово Балашовского уезда Саратовской губернии, находилась вотчина его бывшего господина А.Л. Нарышкина, куда в 1812 г. были перевезены крепостные крестьяне из села Заметчино Тамбовской губернии. И у Алексея, и у Федора Тюлюкиных были дворовые. Об этом мы узнаем опосредованно, через записи в метрических книгах (больше никакие документы наличие дворовых у купцов не зафиксировали).

Дети Тюлюкиных занимались уже другими видами коммерческой деятельности, владели салотопенными предприятиями с наемными работниками [17]. Для этого нужно было иметь очень хорошие связи с представителями городских властей и бизнес-элиты.

Жилые дома братьев Тюлюкиных, впрочем, как и других купцов, в т. ч. и их родственников, располагались в непосредственной близости от предприятий, пристани и складских помещений, на берегу реки Цны. Это представляло опасность для судоходства в случае пожара [18].

В сохранившихся ревизских сказках г. Моршанска зафиксировано несколько малых семей клана Тюлюкиных: братьев Трифона, Ермила, Агафона Федоровичей и братьев Ивана, Афанасия и Николая Ивановичей (племянники Ермила).

Для того чтобы утвердиться в высококонкурентной торгово-предпринимательской среде Моршанска, Тюлюкины использовали не только патронат бывшего помещика, но и выдвижение и укрепление во властных структурах города, а также семейно-родственные связи.

Корпоративно-родственные связи семьи Тюлюкиных хорошо прослеживаются по материалам метрических книг. Как в деловой, так и личной жизни представители семьи предпочитали контакты с выходцами из окско-волжских городов, «нужными» людьми. Так, в одном только 1811 г. Ермил Федорович Тюлюкин был восприемником, т. е. крестным, у детей влиятельных моршанских купцов Умниковых, Городковых и Смесовых [19].

В семье Тюлюкиных очень ответственно относились к выбору супругов. Об определенной сословной замкнутости брачного поведения членов семьи свидетельствует то, что жен братья выбирали из богатых и влиятельных семей, с которыми были налажены (или предполагались) экономические связи, что позволяло проникать и в сферу управления городом, рождались с «нужными» людьми. Также это было связано с высокой конкуренцией между принадлежавшими купцам однотипными перерабатывающими предприятиями и с опасностью разорения в связи с изменявшимися условиями торговли в середине XIX в. Существует вероятность, что эти

семьи принадлежали к старообрядчеству. Интересно, что поручителями (свидетелями) на бракосочетании, кумовьями или крестными были, как правило, не представители местного купечества, а дворяне, чиновники – представители управленческих структур или купцы, выходцы из окско-волжских городов, а также отпущенники от г. Нарышкиных.

Женитьба братьев Тюлюкиных, «чужих» для моршанского купечества, занимавшегося однотипными видами деятельности, на представительницах богатых и влиятельных «местных» семейств позволяла им войти в сферу провинциальной административной и бизнес-элиты. Так, только путем заключения браков, из 30 владельцев самого крупного в Моршанске салотопенного производства в 1830-е гг. 11 были родственниками Тюлюкиных. Это представители семей купцов, зафиксированных уже в ревизии 1782 г., первой после получения Моршанском статуса города, Алексеевых, Медведевых, Смесовых, Шубиных, Сливиных, Золотовых, Кожиных. Среди 28 моршанских купцов, вытапливавших говяжье и баранье сало, вошедших в Список фабрикантов и заводчиков Российской империи 1832 г. [20], были Тюлюкины Алексей, Федор и Ермил и их родственники купчиха Медведева, Сливин Иван, Смесовы Карп и Егор, купчиха Шубина Пелагея. Четверо из них, в т. ч. и купец 2 гильдии Карп Ильич Смесов, тесть Ермила Тюлюкина, владелец прядильной фабрики, одного из самых крупных предприятий Моршанска, имевших общероссийское значение [21, с. 130, 157, 322], Дорофей Кожин, которого сменил Ермил Тюлюкин на посту городского головы, были включены в алфавитный список потомственных почетных граждан Российской империи [22, с. 258, 261, 277].

Вольноотпущенники братья Тюлюкины были женаты на дочерях самых известных на протяжении всего XIX – начала XX в. моршанских родов: Сливиных, Фоминых, Алексеевых, Золотовых.

Через браки детей Тюлюкины породнились с представителями крупных богатых и влиятельных семейств Моршанска – купцов Марковых, Медведевых, Алексеевых, Никифоровых, Шубиных, моршанского, а затем тамбовского купца Никиты Григорьевича Куприянова.

Таким образом, на примере этой большой семьи видно, что корпоративно-родственные связи были не только фактором социальной и территориальной мобильности торгово-предпринимательских слоев провинциального города, но и способом выживания в трудных условиях конкуренции на хлебном рынке России в первой половине XIX в.

Конкуренция в торгово-предпринимательской деятельности во второй половине XIX в. была гораздо острее. Деловым центром губернии являлся Тамбов. Туда стремились купеческие семьи из уездных городов. Еще в 1831 г. купец второй гильдии Андреян Семенов, сын Сорокин из Моршанска, приобрел билет на лавку в городе Тамбове. В 1835 г. Андреян Сорокин, купец, имел уже 3 дома общей стоимостью 20 тыс. руб. в Тамбове в 32 квартале. Они и стали центром родового гнезда Сорокиных в Тамбове. Сын Андреяна, почетный гражданин Петр Андреевич Сорокин, в 1868 г. с капиталом 6 тыс. руб. просил разрешения торговать по свидетельству купца второй гильдии. Два его дома стояли рядом, а третий – отдельно. Их унаследовали сыновья, почетные граждане Николай, Петр и Алексей. Алексей Петрович Сорокин, почетный гражданин, имел в 1914 г. дом в том же 32 квартале по Знаменской 21.

Николай Петрович Сорокин чаще фигурирует в документах как потомственный почетный гражданин, но в 1905–1908 гг. числится купцом. Он избирался в гласные в Тамбовскую городскую думу в 1891–1908 гг. В 1892–1901 гг. был директором губернского попечительного о тюрьмах комитета. Его брат Петр был членом этого же комитета [23].

Изучить родословную каждой купеческой семьи XIX в. не представляется возможным, но такая цель и не ставилась. Метрические книги все более многочисленных городских церквей сохранились не полностью. Зато сохранились разнообразные источники, отражающие развитие общественной жизни губернского центра, а также окладные книги, свидетельствующие о купеческой недвижимости.

Среди активных во второй половине XIX в. тамбовских купцов были малые семьи из родителей и детей, в которых младшее поколение продолжало дело старшего, степени родства прослеживаются (Багрянцевы,

Шоршоровы, Широковы). Нам известно об участии в бизнесе только двух поколений этих семей. Были расширенные семьи с братьями-совладельцами (Носовы, Патутины, Исаевы, Замятины). Были семьи, в которых активную деловую роль играла женщина, обычно вдова (Егоровы). И, наконец, были два родственных клана со сложной разветвленной многопоколенной родственной сетью – Аносовы и Толмачевы. Степень родства между малыми семьями этих фамилий не всегда ясна. Принадлежность конкретной семьи к одному из названных типов не может быть жесткой, т. к. на протяжении десятилетий сменялись поколения и их активность в бизнесе.

Для большинства из рассматриваемых нами купеческих фамилий типично декларирование название своего дела с подчеркиванием его семейного характера: «такой-то и сыновья», «братья такие-то», «наследники такого-то» и т. п. Это свидетельствует о желании выглядеть в глазах конкурентов сплоченной противостоящей силой, а в глазах клиентов – идеальным патриархальным семейством. Горожане обычно называли магазины, употребляя фамилию владельца во множественном числе. Социальные связи каждой купеческой семьи не ограничивались родственниками и кумовьями. Каждый купец имел некие горизонтальные связи и обеспечивал за счет этого более гибкие и адаптивные формы организации дела. Степень развития горизонтальных коммуникаций позволяет судить о переходе от традиционного к модернизирующемуся обществу.

Некая социальная сеть у предпринимательских семейств была. Насколько они сами это осознавали – сказать сложно. Но залогом успеха и повышения престижа было информирование горожан о своем успешном предпринимательстве. Об этом свидетельствуют фасады домов и магазинов этих купцов. Большинство зданий сохранились до XXI в. Они строились и перестраивались в модном архитектурном стиле модерн. Одной из наиболее шикарных купеческих усадеб была усадьба Аносовых на центральной Большой улице. Дом Егоровых на тихой Дубовой улице не мог конкурировать с подобными архитектурными изысками. Но в решетке ограды был выкован вензель Дмитрия Егорова. Для кого? Соседи и так знали, кто живет по ту

сторону забора. Значит, мнение даже случайного прохожего было важно.

Губернский город требовал коммуникации деловых людей. Одна связь влекла за собой последующие. Расположение жилья и предприятий явно свидетельствует о соседских связях. Можно говорить о районе компактного проживания рассматриваемых нами семей. Это самый центр Тамбова, тяготеющий к базару. Земля под застройку здесь была самой дорогой. Во второй половине XIX – начале XX в. сложился архитектурный облик главных торговых кварталов города. Судя по сведениям из окладных книг, интересующие нас семьи нередко не просто жили очень близко, но арендовали друг у друга лавки и производственные помещения (склады, дворы и т. п.), исходя из предпринимательской выгоды.

Толмачев Александр Иванович жил на Гимназической наискосок через дорогу от Толмачевых Федоровичей. Наверняка они общались, т. к. торговали хлебобулочными изделиями, имели свои пекарни и воспринимались горожанами как компаньоны, хотя, скорее, были конкурентами.

Багрянцевы и Широковы жили в соседних домах по Носовской. При этом Багрянцевы арендовали лавку в доме Широкова, а часть торговых помещений в собственном доме сдавали в аренду третьим лицам. Мыловаренный заводик Багрянцевых был во дворах этого же квартала, но на земле Асеевых. Двор Багрянцевых был своего рода платной стоянкой для лошадей крестьян, приехавших торговать. Въездная арка в этот двор расположена как раз напротив базара. Столярная мастерская Широковых была тоже в этом квартале, но через три двора и на земле Патутина.

Ряшенцевы сдавали часть торговых помещений на Гимназической Асеевым, которым принадлежал соседний дом. В свою очередь, Асеевы сдавали внаем абсолютно все помещения принадлежавшего им строения на этой бойкой торговой улице. Такие хитрые взаимопереплетения недвижимости требовали личных контактов владельцев и арендаторов и умения находить взаимовыгодные решения.

Уплотнение застройки городских усадеб было типично для второй половины XIX – начала XX в. В кварталах близ базара выгод-

нее всего были торгово-производственные, а не жилые, как на тихих улочках, постройки. Анализ характера вышеперечисленных предприятий показывает мотивы такого перекрестного их размещения. Мыловарение – производство вонючее. Зачем же устраивать его во дворе своего жилого дома? А владелец двора, где заводик поставили, жил очень далеко от этого объекта своей недвижимости. Столярное производство очень шумное. И его разместили там, где домовладелец не проживал. Мнение квартиросъемщиков верхних этажей не интересовало хозяев предприятий. Квартиранты должны были понимать, что выбрали и так самую беспокойную часть города.

Во второй половине XIX в. младшие поколения купеческих семейств получали среднее образование. В городе было всего две мужских гимназии, реальное училище, одна министерская и две частных женских гимназии. Так что молодые наследники были еще и одноклассниками. А их отцы частенько являлись почетными попечителями этих же учебных заведений, знали директоров и педагогов.

Нельзя забывать о церковных приходах. Купцы-соседи виделись еще и в храме. Пусть в центре города было много церквей, но в Тамбове богатые семьи часто отдавали предпочтение благолепной Уткинской церкви, в часовне возле которой хранилась чудотворная икона Тамбовской Божьей Матери. Религиозность купечества иногда рассматривают только как признак традиционного менталитета. Многие купцы были активными жертвователями на нужды храма и прихода. Но ведь тем самым они заводили обширные неформальные знакомства среди прихожан разного социального положения и пользовались благосклонностью духовенства, в т. ч. и монашествующего. А монастырь – это монастырское хозяйство и широчайшие связи в любых кругах, в т. ч. за пределами города.

Глубоко верующий человек, Андрей Михайлович Носов перед смертью завещал участок земли и капитал для основания мужского монастыря (Носовский Преображенский мужской монастырь) [24, с. 401]. В.М. Аносов внес большие пожертвования на строительство Христорождественского собора, обустройство церкви в тамбовском Вознесенском женском монастыре, на со-

держание неимущих семинаристов. В 1905 г. подарил Вознесенскому монастырю 288 десятин земли в Кирсановском уезде. Многие купцы были старостами домовых и городских церквей. С одной стороны, это делалось на помин души. Но с другой стороны, имя жертвователя становилось известно верующим. А мнение верующих о богоугодном купеческом семействе становилось важным для наследников дела.

Купеческая благотворительность была достаточно щедрой. Но среди всех жертвователей особо выделились Носовы и А.И. Толмачев. Полагаем, что этому способствовала некая «компактность» их благотворительных заведений, носивших имя благодетелей. Горожане воспринимали не совокупную сумму пожертвований на бедных, а солидное здание в центре города. Их уже не интересовало, что для нормального функционирования высшего начального училища им. А.И. Толмачева требовались крупные капиталовложения других купцов. М. Шоршоров был почетным смотрителем Толмачевского училища, обеспечивал учащихся из бедных семей школьной формой, обувью и учебниками [24, с. 680]. Финансовую поддержку этому учебному заведению оказывали также Патутины и Асеевы [25, с. 275].

Некоторые свойства социальных сетей не укладываются в рамки традиционной иерархической связи. К таким свойствам относятся и т. н. слабые связи. К слабым связям относят, например, взаимоотношения с людьми, не входящими в повседневный круг общения индивидуума или группы. Сравнительно недавно экспериментально было доказано, что именно слабые связи значительно расширяют масштабы привлекаемой информации. На содержательном уровне это подтверждает важную роль, например, слухов в обществах, где средства коммуникации находятся в дотехнологическом состоянии. Полагаем, что городские слухи о щедрости Носовых и Толмачевых, а также внушаемая обитателям благотворительных заведений благодарность добрым опекунам немало способствовали формированию местного делового имиджа этих семейных кланов.

Андрей Михайлович Носов в 1883 г. был избран Почетным гражданином города Тамбова. Он разбогател на скототорговле, приобрел более 6 тыс. десятин земли в Борисог-

лебском уезде и начал вести там рациональное хозяйство. В 1869 г. учредил Тамбовскую городскую богадельню, для которой были построены 4 каменных корпуса с Лазаревской домовою церковью, а позже открыты приюты для больных и странников, для сирот мальчиков и девочек. По инициативе Носова и на его средства в Тамбове были открыты ночлежный дом и бесплатная лечебница его имени, ремесленное училище. Всего в благотворительных заведениях Носова содержались около 700 человек. За благотворительную деятельность А.М. Носов был награжден орденом Анны 3 степени и Станислава 3 степени. [24, с. 401]. Именем благотворителей Носовых была даже названа улица.

Но, вероятно, содержание «собственно-го» благотворительного заведения могло породить меньше социально неоднородных деловых связей, чем активное участие в деятельности разных учреждений этого рода. Свои коммуникативные возможности давало членство в благотворительных организациях. Купцы частенько были членами благотворительного комитета при городской управе. Он занимался распределением пожертвований. Получалась парадоксальная ситуация: сам жертвовал – сам и распределил. Но распределялись-то не только деньги, но и подряды на снабжение богоугодных заведений, их ремонт и т. п. Здесь уже можно и о коммерческой выгоде подумать.

На городское благоустройство жертвовали самые успешные купцы: Носовы, Исаевы, Шоршоровы, Аносовы. В 1860–1870-е гг. А.М. Носов входил в комитет по благоустройству Тамбова, организовал сбор пожертвований на благоустройство набережной Цны, разбивку скверов и цветников. Несомненно, в этом был и элемент саморекламы. В сквере Шоршорова имя жертвователя было отлито на чугунных ножках скамеек: чтобы не забывали и не украли. Забота об облике города позволяла запечатлеться в сознании людей не просто торговцем, но и городским деятелем.

Во многих общественных организациях их члены-купцы были казначеями. Считать-то умели. Но в столь популярных организациях, как попечительный о тюрьмах комитет, общество спасения на водах, Красный Крест, общество любителей конского бега и других состояло и много дворян-чиновников. У ка-

значеев могли сложиться деловые знакомства с выходом за пределы одного города.

В городе Тамбове выделялись несколько известных купеческих семейств, члены которых не только занимались организацией производства и сбыта товаров, но и активно участвовали в жизни города. При этом логично предполагать, что, избираясь в различные органы местного самоуправления, они преследовали и свои деловые интересы. Популярны были одни и те же места: городская дума, мещанская управа, учреждения по налогам. Наверняка появлялись нужные знакомства в чиновно-дворянской среде.

Многие купцы за свою жизнь успевали поработать на самом разном общественном поприще. Например, Авдей Леонтьевич Носов в 1817 г. был выбран купеческим старостой, в 1822–1834 гг. был заседателем в гражданской и уголовной судебных палатах. П.Г. Аносов в 1810–1830-е гг. был заседателем приказа общественного призрения, ктитором церкви Николая Чудотворца, заседателем в совестном суде. В.М. Аносов в 1870–1900-е гг. был членом губернского податного присутствия, почетным мировым судьей, земским гласным, казначеем общества попечения о раненых и больных воинах, попечителем нескольких учебных заведений. Но некоторые имели одно общественное поприще. Владелец паровой вальцово-мельницы купец Дмитрий Федорович Егоров состоял членом городского по фабричным и горно-заводским делам присутствия. Он был членом представителем от фабрикантов [26].

А.И. Толмачев являлся гласным Тамбовской городской думы, казначеем Общества охотников конского бега и др. [24, с. 604–605], членом и казначеем тамбовского окружного управления Императорского Российского Общества спасения на водах [27].

Общественная активность членов одной семьи бывала разной. Федор Толмачев числится в 1869 г. в списке лиц, имеющих право участвовать в городских выборах. Первое обнаруженное нами упоминание о Степане Федоровиче Толмачеве, купеческом сыне, относится к 1891 г., когда он впервые был избран в гласные городской думы. Он избирался в нее на сроки 1891–1896, 1897–1902, 1909–1912, 1917 гг. В 1910 г. Степан Федорович Толмачев, купеческий сын, был членом губернского попечительного о тюрьмах

комитета, членом городского благотворительного комитета. Умер в 1917 г. Его брат Александр Федорович (1857 – после 1917) был избран в гласные городской думы в 1917 г., других общественных обязанностей не имел.

Отцы и сыновья часто были членами разных общественных организаций. Несомненно, это расширяло коммуникативные связи семьи в целом. Например, в 1892 г. купец Степан Григорьевич Ряшенцев был директором губернского попечительного о тюрьмах комитета, членом губернского податного присутствия. Его сын Александр Степанович был в 1910 г. членом городского по квартирному налогу присутствия, товарищем председателя правления общества взаимного вспоможения приказчиков в городе Тамбове [28]. Сергей Матвеевич Патутин – многолетний гласный городской думы, член губернского податного присутствия, благотворительного комитета, Тамбовского уездного воинского присутствия. Его брат Федот Матвеевич был гласным городской думы и членом правления общества «Работный дом». А Александр Федотович состоял членом местного управления Российского общества Красного Креста [24, с. 431].

До общероссийского уровня смог подняться Александр Николаевич Аносов. Он окончил юридический факультет Московского университета. Занимался сельским хозяйством в Софьинском имении отца в Никольско-Кабаньевской волости Борисоглебского уезда (свыше 6 тыс. дес.). Избирался гласным Тамбовского губернского и Борисоглебского уездного земств. Член 4 Государственной думы (1912–1917) от Тамбовской губернии, входил во фракцию октябристов [24, с. 32].

Организация страхования имущества и жизни тоже расширяла деловые связи семьи. Конторы нескольких страховых обществ располагались в купеческих домах, купцы бывали тамбовскими агентами этих обществ. О нарушениях в организации страхования в интересах агентов мы не знаем. Но предположить, что хорошо знакомое страховое общество «держалось про запас» – можем.

Михаил Николаевич Багрянцев (1877 – после 1917) состоял членом губернского по налогу с недвижимости присутствия, собрания приказчиков, вольного пожарного общества, был помощником начальника пожарной команды [24, с. 48]. Столь трепетную заботу

о противостоянии огню можно объяснить тем, что Багрянцевы торговали керосином. Был он и агентом страхового общества «Россия» (по другим данным «Второго Российского»). Контора страхового общества располагалась в его доме [29]. Эти страховые общества специализировались на транспортном страховании грузов при транспортировке их по суше: от поражения огнем, молнией, обвалами, наводнениями, а также от злого умысла посторонних лиц, открытого или тайного хищения [25, с. 225]. Это явно полезные страховые случаи при перевозках нефтепродуктов.

В доме Исаевых на улице Долгой в конце XIX в. располагалась контора страхового общества «Волга», представителем которого в Тамбове был В.А. Исаев. «Волга» страховала имущество, товары, хлеба, фабрики, заводы, выигрышные билеты от тиражей погашения и продажи, ценные бумаги. Заключались договоры страхования жизни, на дожитие, капиталов, рент, приданого. В Сборнике-календаре Тамбовской губернии за 1903 г. В.А. Исаев назван агентом «Русского Страхового общества».

Егоровы застраховали свою мельницу в обществе взаимного страхования от пожаров «Саламандра». Но они просчитались в сумме страхового взноса. После большого пожара в сентябре 1901 г. они получили возмещение, но ущерб превысил страховую сумму [30, с. 96].

Особую важность для купечества представляли финансовые связи. Поэтому причастность к банковскому делу можно считать серьезным успехом в построении социальной сети семейства. Вряд ли случайно в доме Шоршорова располагался тамбовский филиал коммерческого Волжско-Камского банка. Ведь Шоршоровы вели дела не только в Тамбове, но и в Нахичевани, Екатеринодаре, Москве, Воронеже.

Председателем общества взаимного кредитования был представитель крупного купечества, почетный потомственный гражданин, директор Мариинского приюта И.К. Крюченков. Это было кредитное учреждение, хозяевами которого являлись сами заемщики, связанные круговой порукой. Заседания общества проходили в доме Крюченкова на Тезиковской улице [25, с. 160]. Интересно, что среди благотворителей и членов попечительского совета Мариинского

приюта (учреждения общероссийского подчинения) были родственники Крюченковых по женской линии – Асеевы. Эти факты говорят об очень сложной социальной сети этого клана, требующей специального исследования.

Вероятно, главы тамбовских преуспевающих купеческих фамилий были знакомы. Были ли это отношения приятельскими – трудно сказать. Но разделение сфер их предпринимательской деятельности было очень четким.

В сфере производства и сбыта продуктов питания фамилии владельцев лучших магазинов были «говорящими» для нескольких поколений покупателей: Егоровы (мука), Толмачевы (хлебобулочные и кондитерские изделия), Носовы (мясо), Аносовы (рыба), Селезневые (мясо и бакалея), Багрянцевы (мармелад, халва), Замятины (табак). Самый большой из вышеперечисленных семейный клан булочников Толмачевых оставался в памяти состарившихся покупательниц до начала 1970-х гг. Посылая внучек за булками, бабушки настаивали, что надо сбегать пусть и подальше, но непременно в «толмачевский» магазин.

Конкуренция в торговле тканями была более сложной: Исаевы (шерстяные ткани и меха), Патутины (шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные), Асеевы (сукна и шерстяные ткани, одеяла собственного производства), Шоршоровы (различная мануфактура), Аносовы (различная мануфактура). Если судить по исторической памяти горожанок, то по качеству шерстяных тканей покупательницы выделяли Асеевых. А вот по магазинному сервису и рекламе, бесспорно, лидировали Патутины. Они лучше всех учли в розничной торговле тканями женские капризы. Приказчики их магазина были в курсе модных тенденций, получали каталоги столичных фирм. Остальные фамилии были забыты.

В производстве и сбыте стройматериалов было не так людно: Замятины (кирпич и изразцы), Аносовы (железо-скобяные изделия, краска), Широковы (столярные изделия). Мыло производили и продавали Замятины и Багрянцевы. Причем, у Багрянцевых были дешевые, простые сорта, пригодные и для стирки, и для мытья. В витрине их лавки стоял огромный кусок «мраморного» мыла.

Посудой торговали Багрянцевы (стекло, Кузнецовский фаянс) и Аносовы (хрусталь, фарфор, металл). Крупных конкурентов керосиновым лавкам Багрянцевых не было.

Гостиничным бизнесом, наряду с торговлей, занимались Аносовы, Шоршоровы. Крупное землевладение в уездах Тамбовской губернии имели Носовы, Аносовы, Толмачевы, Патутины. Сдавали доходное жилье и торговые помещения внаем все исследуемые купеческие семьи.

Проведенное исследование свидетельствует, что каждый из успешных семейных купеческих кланов усилиями своей мужской части построил систему связей с расчетом на успешное развитие своего бизнеса и формирование благоприятного общественного мнения о себе. Неформальные связи женской половины семейств требуют специального изучения.

1. *Акользина М.К.* Корпоративно-родственные связи как фактор социальной мобильности торгово-предпринимательских слоев населения провинциального города России в первой половине XIX в. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 2013.
2. *Акользина М.К.* Изменение социальной структуры населения уездного города в первой половине XIX в. (по материалам Моршанска Тамбовской губернии). Тамбов, 2010.
3. *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX в.). Тамбов, 2011.
4. *Орлова В.Д.* Недвижимость в Тамбове в начале XX в. // Регион 68. 2014. № 7-8.
5. *Орлова В.Д.* Тамбовские предприниматели на рубеже XIX и XX вв. // Деловой Тамбов. 2014. № 2.
6. *Орлова В.Д.* Тамбовские предприниматели-пищевики начала XX в. // Регион 68. 2014. № 5-6.
7. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1263. Л. 20; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1373. Л. 48, 121.
8. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 25-27об.
9. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 21-24об.
10. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 42. Л. 263.
11. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 100. Л. 94об.-97об.
12. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 42. Л. 92, 165-166об.
13. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 30. Л. 31-32об.

14. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 6192. Л. 88об.; Д. 5168. Л. 93об.; Д. 6192. Л. 83; Д. 5168. Л. 131об.
15. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 289.
16. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-2об.; Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 29-31об.
17. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 681; Д. 728. О. ц. Л. 60-92об., 106-131.
18. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-2об.
19. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 1518. Л. 2; Д. 1519. Л. 13об.
20. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 г. Сост. в Департаменте мануфактур и внутренней торговли. Спб., 1833. Ч. 2.
21. Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. Спб., 1816.
22. Петров А. Памятная книжка Российской промышленности на 1843 год. М., 1843.
23. ГАТО. Ф. 16. Оп. 20. Д. 5. Л. 121; Ф. 143. Оп. 3. Д. 773. Л. 1об.
24. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов, 2004.
25. Молчанова Г., Олонцева Н., Щукин Ю. Старый Тамбов от А до Я. Тамбов, 2004.
26. Сборник-календарь Тамбовской губернии. 1903. Тамбов, 1904.
27. Почетные граждане города Тамбова. Тамбов, 1997.
28. Адрес-календарь 1892, 1910.
29. ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 773. Л. 2; Ф. 17. Оп. 45. Д. 789. Л. 168.
30. Горелов А.А., Щукин Ю.К. Тамбов. Центральная часть: справочник-путеводитель. Тамбов, 1999.
5. Orlova V.D. Tambovskie predprinimateli na rubezhe XIX i XX vv. // Delovoy Tambov. 2014. № 2.
6. Orlova V.D. Tambovskie predprinimateli-pishcheviki nachala XX v. // Region 68. 2014. № 5-6.
7. ГАТО (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1263. Л. 20; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1373. Л. 48, 121.
8. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 25-27об.
9. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 21-24об.
10. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 42. Л. 263.
11. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 100. Л. 94об.-97об.
12. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 42. Л. 92, 165-166об.
13. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 30. Л. 31-32об.
14. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 6192. Л. 88об.; Д. 5168. Л. 93об.; Д. 6192. Л. 83; Д. 5168. Л. 131об.
15. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 289.
16. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-2об.; Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 29-31об.
17. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 681; Д. 728. О. ts. Л. 60-92об., 106-131.
18. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-2об.
19. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 1518. Л. 2; Д. 1519. Л. 13об.
20. Spisok fabrikantam i zavodchikam Rossiyskoy imperii 1832 g. Sost. v Departamente manufaktur i vnutrenney trgovli. Spb., 1833. Ch. 2.
21. Vedomosti o manufakturakh v Rossii za 1813 i 1814 gg. Spb., 1816.
22. Petrov A. Pamyatnaya knizhka Rossiyskoy promyshlennosti na 1843 god. M., 1843.
23. ГАТО. Ф. 16. Оп. 20. Д. 5. Л. 121; Ф. 143. Оп. 3. Д. 773. Л. 1об.
24. Tambovskaya entsiklopediya / gl. nauch. red. L.G. Protasov. Tambov, 2004.
25. Molchanova G., Olontseva N., Shchukin Yu. Staryy Tambov ot A do Ya. Tambov, 2004.
26. Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii. 1903. Tambov, 1904.
27. Pochetnye grazhdane goroda Tambova. Tambov, 1997.
28. Adres-kalendar' 1892, 1910.
29. ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 773. Л. 2; Ф. 17. Оп. 45. Д. 789. Л. 168.
30. Gorelov A.A., Shchukin Yu.K. Tambov. Tsentral'naya chast': spravochnik-putevoditel'. Tambov, 1999.

Поступила в редакцию 8.12.2014 г.

UDC 008(091); 330.3414:339.13

RELATED, BUSINESS AND NEIGHBOR'S RELATIONSHIP OF BUSINESS FAMILIES OF TAMBOV AND MORSHANSK IN 19th CENTURY

Vera Dmitriyevna ORLOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

The relations of the representatives of family businessman town and district city of Tambov region in miscellaneous sphere to activity are analyzed. The nepotism in business was peculiar to Russian merchants. As object of the study we were chose succeeding merchant's families known in 19th century in two cities of Tambov region. Morshansk was a large centre to transit trade of agricultural product of Russian scale and significant river port in the first half of 19th century. Tambov was shown by centre business and public life region. Novelty of the study defines by detailed approach to study corporative-related relationships trade-business layers of Russian city, addresses to recovering the histories concrete family. Exactly corporative-related relationship, participation in powerful and public structures of the city, support of the local administration and gentry defined the economic position to families, its place in life of the city. The purpose of our study consists in tracking the influence of corporative-related relationships on processes social and territorial transportability of the population provincial city to Russia. Business activity defined the particularities to not only social transportability, but also demographic behavior merchants. In spite of the fact that the studied cities were large shopping centers, having constant relationships with many regions of the Russia, brides were chosen from "own", from familiar family because of the general economic interest.

Key words: family; merchants; household business; trade-business layer; household-business consolidation.

УДК 94(470.326):658.871

ТОРГОВЫЕ ДОМА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX в.© **Наталья Валентиновна РЯБИКИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, начальник отдела по организации
просветительной работы, соискатель, кафедра российской истории,
e-mail: ryanata68@mail.ru

Исследуется тема т. н. «торговых домов» как особой формы организации предпринимательской деятельности в дореволюционной России, процесс зарождения которых в Тамбовской губернии пришелся на конец XIX в. На основе ранее не изученных архивных материалов и опубликованных официальных общероссийских статистических сборников выявляются особенности развития предпринимательства на региональном уровне. Исследуется законодательная и правовая база функционирования торговых домов, динамика их учредительства в конце XIX в., определяются основные направления коммерческой деятельности, выявляются наиболее крупные по размерам капиталов торговые дома, определяется состав учредителей (численный и по сословиям), размещение торговых товариществ по городам и уездам губернии. Отдельное внимание уделено исследованию отдельных личностей, семей, кланов – владельцев торговых домов губернии.

Ключевые слова: социально-экономическая история; торговые дома; торгово-промышленные товарищества; предпринимательство.

Законодательно-правовой статус торговые дома как форма предпринимательской деятельности впервые получили в манифесте 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». Этим законодательным актом устанавливались два вида «купеческих товариществ»: полное и на вере (коммандитное общество) [1, с. 57].

Одной из первостепенных причин популярности данного вида коммерческих объединений был упрощенный порядок их учреждения.

Основным нормативным документом при организации торгового дома считался фирменный договор, в котором фиксировались взаимные обязательства всех участников дела.

Датой основания товарищества считалось время регистрации нотариально заверенного договора в органах местного управления.

В книгу заносилась выписка из договора, содержащая сведения о форме товарищества («полное» или «на вере»), составе товарищества (фамилии, имена товарищей), об объеме складочного капитала, о назначении товарищей-распорядителей, роде деятельности товарищества.

Возникновение торговых домов в России началось еще в дореформенное время, но

шло крайне медленно. К концу XIX в., особенно в период промышленного подъема 1890-х гг., процесс учреждения торговых домов заметно усилился.

До отмены крепостного права в стране действовало 2 торговых дома. В эпоху «Великих реформ» количество торговых домов немного увеличилось. Так, в период с 1871 по 1891 г. в России возникло 8 торговых домов [2, с. 97].

В провинции торговые дома стали возникать значительно позже, чем в экономических и торговых центрах Европейской России. Примером является Тамбовская губерния, в которой до середины 1870-х гг., по существу, отсутствовали торговые дома.

Согласно требованиям Торгового устава (свод законов издания 1857 г.), городские управы по окончании каждого года (до января следующего года) должны были представлять в Департамент мануфактур и внутренней торговли ведомости о вновь образованных торговых домах.

Впервые упоминания о такого рода ведомостях встречаются в архивных фондах Тамбовской городской управы за 1875 г. [3, д. 435].

Согласно представленной ведомости в г. Тамбове в 1875 г. функционировало 3 торговых дома, основанных в 1874 г. и занимавшихся торговлей мануфактурным товаром.

Первый – товарищество полное «Малин и Аврамов», основанное усманским 2 гильдии купцом Иваном Семеновичем Малиным и тамбовским мещанином Петром Николаевичем Аврамовым. Договор между товарищами был заключен на 6-летний срок еще в 1870 г., но копию договора они представили в городскую управу только в 1874 г. Как указано в документе, товарищество было организовано для торговли мануфактурными и меховыми товарами, а также мужским и дамским готовым платьем. Для ведения дела компаньоны сложили по 3 тыс. руб., и размер складочного капитала фирмы составил 6 тыс. руб., прибыль и убытки они договорились делить пополам [3, д. 435, л. 4].

Второй – товарищество полное «Патутины» было основано тамбовскими временными купцами 2 гильдии братьями Сергеем и Федотом Матвеевичами Патутиными, размер складочного капитала составлял 20 тыс. руб. [3, д. 435, л. 11].

Третий – товарищество полное «Иванов и Жмаев», основанное тамбовскими 2 гильдии купцами Василием Семеновичем Жмаевым и Василием Алексеевичем Ивановым сроком на 6 лет [3, д. 435, л. 13].

В аналогичной ведомости за 1878 г. [3, д. 1056] отмечены всего 2 торговых дома: вышеназванный «Патутины» и товарищество на вере, основанное в 1878 г. потомственным почетным гражданином Иваном Михайловичем Носовым и липецким купцом 2 гильдии Василием Ивановичем Куницыным в целях производства и продажи мыла и сальных свечей. Согласно условию, заключенному между товарищами на 6-летний срок, размер складочного капитала составил 20 тыс. руб., причем Носовым было внесено 15 тыс. руб., а Куницыным – 5 тыс. руб. Для организации производства ими был приобретен завод стоимостью 8,3 тыс. руб. Распределение прибыли было решено осуществлять поровну, на каждый вложенный рубль получать по 6 коп., а оставшуюся сумму оставлять на развитие производства [3, д. 4056, л. 9].

В 1879 г. был основан торговый дом «Братья Гладилины» для торговли мануфактурным товаром. Временные тамбовские купцы 2 гильдии Михаил и Афанасий Егоровичи Гладилины заключили договор на 6-летний срок. Размер складочного капитала составил 2 тыс. руб. Тамбовская городская

дума постановила внести данное товарищество в список существующих в городе торговых домов и сообщить о нем в Департамент мануфактур и внутренней торговли [3, д. 1255, л. 2-3].

Проведенная Тамбовской городской управой в 1886 г. генеральная проверка торговых и промышленных заведений засвидетельствовала существование в городе Тамбове еще 5 торговых домов и правления одного акционерного общества [3, д. 2325].

Из указанных в документе товариществ наиболее крупным являлся торговый дом под фирмою «Николай и Александр Ивановичи Толмачевы», принадлежавший членам известной в городе купеческой семьи.

В лавке по ул. Носовской братья торговали фарфоровой, фаянсовой и медной посудой, годовой оборот составлял 20 тыс. руб., а на лесной пристани за железной дорогой – лесными материалами, где годовой оборот доходил до 25 тыс. руб. [3, д. 2325, л. 17об.-18] (данные о годовом обороте содержатся только у 3 из 6 товариществ).

Торговый дом Михаила Яковлевича Яковлева и мещанина Николая Филипповича Попова с суммой годового оборота в 22 тыс. руб. занимался торговлей чаем, мелочным и игольным товаром в лавке по ул. Носовской [3, д. 2325, л. 12об.-13].

Торговый дом под фирмою «Николай Ульянов и Иван Козлов» в лавке, расположенной в деревянном корпусе на Базарной площади, производил торговлю галантерейным и мелочным товаром [3, д. 2325, л. 39об.-40].

Еще одно торговое предприятие, зарегистрированное в журнале, не имело т. н. «фирмы», т. е. названия, и записано просто как Товарищество торгового дома. Владельцами безымянного товарищества указаны: коллежский секретарь Николай Николаевич Иванов и дворянин Сергей Александрович Петров. Товарищи владели магазином на ул. Гимназической, где осуществляли торговлю мануфактурным товаром [3, д. 2325, л. 25об.-26].

Особый интерес представляет указанный в журнале торговый дом под фирмою «Василий Перлов с сыновьями», производивший торговлю чаем и сахаром в лавке по ул. Носовской. Знаменитое в России товарищество частотворцев, владельцами которого были члены московского купеческого семейства

Перловых, имело свои отделения во многих российских городах, в т. ч. и в Тамбове. Здесь непосредственную торговлю в лавке вел крестьянин Николай Иванович Палкин [3, д. 2325, л. 4об.-5].

Правление знаменитого в России Мальцевского промышленного акционерного товарищества владело одним из своих складов земледельческих орудий в г. Тамбове. Известно, что торговля земледельческими машинами со склада на Дворянской улице приносила фирме 5 тыс. руб. годового оборота [3, д. 2325, л. 36об.-37].

Аналогичная проверка торговых и промышленных заведений, проведенная городской управой в 1898 г., выявила уже 8 торговых домов, причем 7 из них ранее не упоминавшихся и один зафиксированный еще в 1886 г. («Василий Перлов с сыновьями»). Из вновь появившихся, пять фирм общероссийского масштаба, которые имели свои отделения в Тамбове – чаоторговцы «Василий Перлов с сыновьями», «Братья К. и С. Поповы», «Компания Зингер», «Трехгорное пивоваренное товарищество», «Корнеев, Горшанов и К°». В списке оказались и три тамбовских фирмы [3, д. 3672].

Обратимся к истории крупнейшего в России чаоторгового общества «Братья К. и С. Поповы». В 1842 г. Константин Абрамович Попов основал в Москве фирму для торговли чаем. В 1843 г. он принял в сотрудники родного брата Семена и в компании с ним учредил торговый дом «Братья К. и С. Поповы». К 1883 г. дела фирмы настолько расширились, что торговый дом был преобразован в паевое товарищество чайной торговли и складов «Братья К. и С. Поповы». Фирма выпустила 300 именных паев по 5 тыс. руб., капитал общества составил 1,5 млн руб. В состав предприятия входили: главный склад и развеска чая, при нем свинцепрокатное заведение и типография в Москве; склад в Ханькоу (Китай) и контора в Лондоне (Англия); таможенные склады и развеска в Одессе, Самарканде, Челябинске; центральные оптовые склады в главных городах России и на ярмарках, а также за границей. Как свидетельствует рекламное объявление, фирма торговала цветочными, черными, цейлонскими и зелеными чаями, расфасованными по хрустальным, жестяным и деревянным чайницам [4, т. 1, Торгово-промышленные

предприятия, с. 1299, т. 2, Рекламные объявления, с. 26-27]. В Тамбове фирменный чайный магазин располагался в доме Швечикова на Гимназической улице [3, д. 3672, л. 9об.].

Акционерное общество «Компания Зингер» было учреждено в 1897 г. в столице для устройства и содержания заводов по изготовлению швейных и пишущих машин, велосипедов, земледельческих орудий, паровых котлов и всякого рода электрических машин и аппаратов, а также для торговли швейными машинами. В разных городах империи были открыты фирменные магазины, принадлежавшие временному Санкт-Петербургскому 1 гильдии купцу Георгу Нейдлингеру. Всего в России действовало более 1200 фирменных магазинов. В Тамбове магазин располагался в доме Нейдлингера на Гимназической улице. Его годовой доход составлял 29050 руб. [3, д. 3672, л. 15об.; 4, т. 1, Торгово-промышленные предприятия, с. 1569; т. 2, Рекламные объявления, с. 101]. В списках купцов города Тамбова, объявивших суммы своих капиталов на 1891–1899 гг., значится, что Георг Нейдлингер в 1894–1897 гг. объявлял временный капитал по 2 гильдии 3-го класса [3, д. 3073, л. 13, 30, 47, 66об., 89об.].

Два московских пивоваренных завода содержали в Тамбове свои оптовые пивные склады. Один из них располагался на Дворянской улице и принадлежал «Трехгорному пивоваренному товариществу», основанному в 1875 г. в Москве для устройства и содержания пивоваренного завода [3, д. 3672, л. 57об.].

Другой пивной склад в Тамбове располагался на Долевой улице. Он принадлежал торговому дому «Корнеев, Горшанов и К°», основанному также в Москве для развития пивомедоваренного завода в 1879 г. с размером складочного капитала в 80 тыс. руб. [3, д. 3672, л. 59; 4, т. 1, Торгово-промышленные предприятия, с. 92; 5, с. 31].

Зафиксированные в журнале 1898 г. три тамбовских товарищества «Братья В. и И. Мокроусовы», «Братья В., П. и М. Николаевы» и «Товарищество П.И. Мелентьева, И.П. Мусакова, А.А. Андреева и М.П. Лоскутовой» занимались торговлей вином и спиртом [3, д. 3672, л. 25об., 26об., 30об., 67об., 68об.].

Аналогичные материалы проверок торговых и промышленных предприятий содержатся также в фондах Козловской, Моршанской и Кирсановской городских управ. Од-

нако упоминаний о существовании торговых домов в них не встречается вплоть до середины 1880-х гг.

Увеличение количества вновь открываемых торговых домов, произошедшее в 1880-х гг., выявило необходимость введения общероссийской торгово-промышленной статистической регистрации.

Первым общероссийским статистическим сборником стали ведомости, опубликованные Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов в 1893 г. под названием «Сведения о торговых домах, действовавших в России в 1892 г.».

В целях приведения в известность сведений о количестве, роде деятельности и денежных средствах торговых домов департаментом был разослан запрос в 148 городских и купеческих управ. В итоге удалось выяснить, что на 1 января 1893 г. торговые дома были зарегистрированы только в 96 городах империи, в то время как в 52 городах их не существовало совсем или действовали только отделения крупных торговых домов, местонахождение главных контор которых располагалось в других городах [6, с. 3].

Всего в сборнике указаны сведения о 1313 торговых домах, из которых 867 фирм являлись полными товариществами, 388 – товариществами на вере и 58 – единоличными предприятиями, использовавшими название «торговый дом». Суммарный размер капиталов всех торговых домов составлял чуть более 94 млн руб. [6, с. 3].

Из всех зафиксированных предприятий старейшими по времени учреждения являлись товарищества «А. Равич и К°» (Варшавская губерния) и «А.Г. Зенгбуш и К°» (Лифляндская губерния), основанные в 1769 г. [6, с. 3].

По подсчетам А.Н. Боханова наибольшее количество торговых домов было зарегистрировано в наиболее экономически развитых губерниях: Московской – 463 фирмы, Петербургской – 374, Херсонской – 81 и Варшавской – 80. Причем самые крупные фирмы, учитывая средний размер капитала, были представлены в Петербурге [7, с. 97].

По количеству торговых домов Тамбовская губерния занимала средние позиции – всего 8 зарегистрированных товариществ. Для сравнения, в Курской губернии было зафиксировано лишь 3 фирмы, в Воронеж-

ской и Пензенской – по 5, в Орловской – 7 и только в Саратовской их было 21.

Анализ среднего размера капитала показывает, что более богатыми предприятиями являлись Пензенские и Саратовские торговые дома (в среднем по 97,5 и 93,8 тыс. руб. на 1 фирму), Тамбовские занимали промежуточную позицию (в среднем по 66 тыс. руб.), в то время как Воронежские, Курские и Орловские имели гораздо более скромные показатели (в среднем около 36,6, 23,3 и 17,3 тыс. руб., соответственно) (подсчеты автора по: [6, с. 6-7]).

Все 8 предприятий, зарегистрированных в Тамбовской губернии, по роду своей деятельности являлись торговыми. Из них 7 были полными товариществами с суммарным размером капитала 518 тыс. руб. и 1 – товарищество на вере с размером капитала 10 тыс. руб.

Торговые дома были открыты только в трех городах губернии: 4 фирмы действовало в Тамбове, 3 – в Козлове и 1 – в Моршанске.

Самым крупным торговым домом, а также наиболее старым по году основания являлся торговый дом «Емельяна Платицына сыновья», основанный в 1884 г. в Моршанске потомственными почетными гражданами, купцами 1 гильдии – братьями Петром, Михаилом и Иваном Платицыными для торговли хлебом и другими товарами. Размер капитала фирмы, составивший 450 тыс. руб., являлся довольно крупным для своего времени.

Большая часть торговых домов губернии, как и в общероссийском масштабе (729 фирм, или 55,5 % от их общего числа), располагала капиталами, не превышавшими 25 тыс. руб., и только 43 фирмы (3,3%) владели капиталами от 250 до 500 тыс. руб. (подсчеты автора по: [6, с. 5]).

Клан Платицыных вообще был одним из самых богатых и влиятельных в г. Моршанске во второй половине XIX в. Купцы 1 гильдии, потомственные почетные граждане, братья Емельян и Андрей Захаровичи Платицыны владели двумя салотопными заводами, годовой оборот каждого из которых составлял около 20 тыс. руб. [8, с. 171; 9, л. 95].

В Козлове две фирмы были открыты в 1888 г. – «Александра Полянского сыновья» и «Ивана Кожевникова сыновья» и одна в 1890 г. – «Бородин и Воронов».

Таблица 1

Сведения о торговых домах, действовавших
в Тамбовской губернии на 1 января 1893 г.

Название товарищества	Владельцы	Год основания	Сумма капитала
Товарищества полные			
Торговля хлебом и другими товарами «Емельяна Платицына сыновья»	Потомственные почетные граждане Петр, Михаил и Иван Емельяновичи Платицыны (Моршанск, 1 гильдия)	1884	450.000
Торговля хлебом и другими товарами «Ивана Кожевникова сыновья»	Потомственные почетные граждане Василий Иванович и Иван Яковлевич Кожевниковы (Козлов, 2 гильдия)	1888	6.000
Торговля бакалейными и москательными товарами и русскими и иностранными винами «Братья В. и И. Мокроусовы в Тамбове»	Временные тамбовские купцы Василий и Иван Михайловичи Мокроусовы (Тамбов, 2 гильдия)	1892	10.000
Торговля винами, бакалейными и другими товарами «Братья Василий, Петр и Михаил Николаевы»	Тамбовские купцы Василий, Петр и Михаил Борисовичи Николаевы (Тамбов, 2 гильдия)	1890	3.000
Торговля винами «А.А. Егоров, П.И. Мелентьев»	Тамбовский купец Андрей Алексеевич Егоров и крестьянин Рязанской губернии Пронского уезда Столпянской волости села Лучинска Петр Иванович Мелентьев (Тамбов, 2 гильдия)	1892	20.000
Торговля железными и другими товарами «Бородин и Воронов»	Козловские 2 гильдии купцы Алексей Иванович Бородин и Михаил Иванович Воронов (Козлов, 2 гильдия)	1890	14.000
Торговля мануфактурными, галантерейными, пушными и другими товарами «Александра Полянского сыновья»	Козловские 2 гильдии купцы Федор, Дмитрий и Сергей Александровичи Полянские (Козлов, 2 гильдия)	1888	15.000
Товарищества на вере			
Торговля мануфактурными товарами «И. Молчанов и К ^о »	Временный тамбовский купец Иван Дмитриевич Молчанов и купец Израиль Иосифович Гимпельсон (Тамбов, 2 гильдия)	1892	10.000

Примечание: таблица составлена по: [6, с. 175-176].

Наиболее состоятельным из них являлось товарищество братьев Федора, Дмитрия и Сергея Полянских с размером капитала 15 тыс. руб. Фирма была учреждена для торговли мануфактурным, галантерейным, пушным и другим товаром. Собственные магазины Полянских были расположены на Монастырской и Московской улицах. Годовой оборот фирмы доходил до 180 тыс. руб. [10, с. 1930; 11, с. 89].

Братья Дмитрий и Сергей также владели паровой мельницей в Козлове, оснащенной 35-сильным паровым двигателем, на которой трудилось 25 рабочих [10, с. 1929].

Потомственные почетные граждане, козловские 2 гильдии купцы Кожевниковы торговали хлебом и другими товарами под фирмой «Ивана Кожевникова сыновья» задолго до официального учреждения торгового товарищества. Еще в 1881 г. Иван Иванович

Кожевников на имя фирмы получил билет 2 гильдии на право торговли от Козловской городской управы [12, л. 46].

Существовавшая в России предпринимательская практика, не имевшая под собой законодательной основы и опиравшаяся исключительно на предпринимательскую традицию, разрешала отдельному хозяину «при обширности торговых оборотов употреблять фирму (т. е. название) «торговый дом» [7, с. 93].

Несмотря на тот факт, что семейство Кожевниковых было одной из самых известных купеческих фамилий г. Козлова, учрежденный в 1888 г. торговый дом относился к числу мелких торговых предприятий – капитал фирмы составлял всего 6 тыс. руб.

Козловские 2 гильдии купцы Алексей Иванович Бородин и Михаил Иванович Воронов основали фирму для торговли желез-

ными и другими товарами, размер капитала которой составлял 14 тыс. руб.

В Тамбове одна фирма была зарегистрирована в 1890 г. и три фирмы в 1892 г.

В документах Тамбовской городской управы сохранилась копия фирменного договора тамбовских 2 гильдии купцов братьев Василия, Петра и Михаила Николаевых об учреждении торгового дома. Из договора следует, что торговый дом был основан в 1890 г. в форме полного товарищества. Срок действия товарищества не был определен, капитал фирмы составлял 3 тыс. руб. [3, д. 2911, л. 1]. Годовой оборот вино-бакалейной торговли товарищества братьев Николаевых, которую они вели в двух магазинах, расположенных на Носовской улице, составлял 20 тыс. руб. [3, д. 3672, л. 56].

Братья Василий и Иван Мокроусовы, основавшие торговый дом в 1892 г. с размером складочного капитала 10 тыс. руб., также торговали винами, бакалейными и москательными товарами. Также как и братья Николаевы, купцы 2 гильдии Мокроусовы владели двумя магазинами с ренсковыми погребами в своих домах, расположенных на 1-ой Долевой улице [3, д. 3672, л. 71]. Журнал проверки торговых заведений г. Тамбова за 1886 г. показал, что отец братьев Мокроусовых – крестьянин Михаил Иванович – владел четырьмя лавками в разных местах города, где вел торговлю вином, хлебом, табаком, бакалейными и колониальными товарами. Годовой оборот двух его лавок составлял 102 тыс. руб., что свидетельствует о довольно крупных объемах организованной им розничной торговли [3, д. 3672, л. 5].

Также для торговли винами было образовано в 1892 г. товарищество под фирмой «А.А. Егоров, П.И. Мелентьев», складочный капитал которой составил 20 тыс. руб.

Тамбовский купец 2 гильдии Андрей Алексеевич Егоров владел водочным заводом, оптовым складом вина и спирта с ренсковым погребом, размещавшимися в его доме на Театральной улице, а также лавкой на Варваринской улице [3, д. 1272, л. 4-5; д. 3071, л. 119, 120, 216].

Крестьянин Рязанской губернии Петр Иванович Мелентьев, с 1898 г. зачисленный в состав тамбовского купечества, владел двумя трактирами, расположенными на Гим-

назической улице и Базарной площади [3, д. 3073, л. 141].

Обращает на себя внимание тот факт, что П.И. Мелентьев указан также в составе другой фирмы – «Товарищество П.И. Мелентьев, И.П. Моусаков, А.А. Андреев, М.П. Лоскутова», зарегистрированной в журнале генеральной проверки торговых и промышленных заведений Тамбова за 1898 г. Данные журнала подтверждают, что все члены товарищества владели относительно крупными объектами винной торговли.

На основании того факта, что в 1897 г. бездетный А.А. Егоров умер, можно предположить, что П.И. Мелентьев, потеряв компаньона, решил стать членом нового товарищества [3, д. 3073, л. 125].

К сожалению, копий фирменных договоров того или другого товарищества, которые могли бы пролить свет на данное обстоятельство, не сохранилось.

Торговый дом «И. Молчанов и К^о», основанный в 1892 г. в Тамбове, являлся в данный период единственным в губернии товариществом на вере.

Учреждение товарищества на вере предполагало финансовое участие в делах фирмы не только «полных товарищей», несших неограниченную личную и имущественную ответственность за дела предприятия, но и вкладчиков, обязательства которых ограничивались вложением финансовых средств.

Относительно предпринимательской деятельности тамбовского временного купца Ивана Дмитриевича Молчанова в предшествовавший созданию фирмы период сведений не сохранилось.

Израиль Иосифович Гимпельсон был выходцем из тверских мещан, в 1892 г. он был зачислен в тамбовское купечество [3, д. 3944, л. 70]. На Гимназической улице у Гимпельсона был магазин и лавка, где они с братом торговали готовым платьем [3, д. 3134, л. 8, 14].

Молчанов и Гимпельсон основали дело для совместного ведения торговли мануфактурными товарами с размером капитала в 10 тыс. руб.

В целом следует отметить, что торговые дома, зарегистрированные в губернии в конце XIX в., в основном являлись небольшими семейно-родственными торговыми предприятиями. Преобладание торговой деятельности

над промышленной было характерной чертой провинциального предпринимательства.

Торговые дома были зарегистрированы только в трех городах губернии, в основных исторически сложившихся транспортных узлах и главных торговых центрах – Тамбове, Моршанске и Козлове. Территория деятельности товариществ, как правило, не выходила за пределы места их регистрации.

Поскольку главной сферой деятельности товариществ была торговля, являвшаяся основным купеческим сословным занятием, то и основным элементом в среде владельцев торговых домов вплоть до начала XX в. оставалось купечество.

С одной стороны, процессы социально-экономической модернизации страны в полной мере прослеживаются на примере развития торговых домов Тамбовской губернии. С другой стороны, данные процессы, отражая местную специфику развития сельскохозяйственного региона, происходили в провинции медленнее, чем в экономически развитых центрах России.

1. Боханов А.Н. Деловая элита России. М., 1994.
2. Диктяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.
3. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 17. Оп. 1.
4. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов / под ред. В.А. Дмитриева-Мамонova. Спб., 1905. Т. 1; 2.
5. Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг., 1915.
6. Сведения о торговых домах, действовавших в России в 1892 г. Спб., 1893.

7. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992.
8. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Спб., 1887.
9. ГАТО. Ф. 159. Оп. 11. Д. 23.
10. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. 1902 г. Спб., 1902. Отдел III.
11. Всероссийский адрес-указатель мануфактурно-галантерейных торговых домов. М., 1896.
12. ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 104.

1. Bokhanov A.N. Delovaya elita Rossii. M., 1994.
2. Dikhtyar G.A. Vnutrennyaya trgovlya v dorevolutsionnoy Rossii. M., 1960.
3. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). F. 17. Op. 1.
4. Ukazatel' deystvuyushchikh v Imperii aktsionnykh predpriyatii i trgovykh domov / pod red. V.A. Dmitrieva-Mamonova. Spb., 1905. T. 1; 2.
5. Sbornik svedeniy o deystvuyushchikh v Rossii trgovykh domakh (tovarishchestvakh polnykh i na vere). Pg., 1915.
6. Svedeniya o trgovykh domakh, deystvovavshikh v Rossii v 1892 g. Spb., 1893.
7. Bokhanov A.N. Krupnaya burzhuaziya Rossii. Konets XIX v. – 1914 g. M., 1992.
8. Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii i Tsarstva Pol'skogo. Spb., 1887.
9. GATO. F. 159. Op. 11. D. 23.
10. Vsyta Rossiya. Russkaya kniga promyshlennosti, trgovli, sel'skogo khozyaystva i administratsii. Adres-kalendar' Rossiyskoy imperii. 1902 g. Spb., 1902. Otdel III.
11. Vserossiyskiy adres-ukazatel' manufakturno-galantereynykh trgovykh domov. M., 1896.
12. GATO. F. 158. Op. 1. D. 104.

Поступила в редакцию 17.11.2014 г.

UDC 94(470.326):658.871

TRADE HOUSES OF TAMBOV PROVINCE IN THE END OF 19th CENTURY

Natalia Valentinovna RYABIKINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Head of Educational Work Department, Competitor, of Russian History Department, e-mail: ryanata68@mail.ru

Were explored the theme of the so-called “trading houses” as a special form of business organization in pre-revolutionary Russia, which process of origin in the Tambov province was at the end of 19th century. On the basis of previously unexplored archival materials and published official nationwide statistical abstracts the features of the development of entrepreneurship at the regional level are identified. The legislative basis of functioning of the trading houses, the dynamics of their foundation at the end of 19th century is researched. The main directions of commercial activity, reveals the largest trading houses by the size of capital, determines the composition of the founders (numerical and estates), the placement of trading houses in the cities and counties within the province is defined. Special attention is paid to the study of individuals, families, clans – the owners of trading houses.

Key words: social and economic history; trading houses; commercial and industrial companies; entrepreneurship.

УДК 94«15/18»

МОРШАНСКИЕ КУПЦЫ ТЮЛЮКИНЫ В XIX в.

© **Марина Константиновна АКОЛЬЗИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории, e-mail: akolmarina@yandex.ru

В настоящее время значительно усилился интерес к изучению социально-экономической истории России, одним из перспективных направлений которой является история купечества провинциальных городов. Это объясняется прежде всего тем, что в первой половине XIX в. в российских городах шло формирование новых, прежде всего предпринимательских, слоев населения. Изучение механизма этого процесса имеет несомненную актуальность и привлекает постоянное внимание современных ученых-историков. Изменение численности купечества приводило к качественному изменению состава купечества, изменению социального содержания этого понятия. На протяжении первой половины XIX в. происходило уменьшение притока в купечество из других сословий, его консолидация. Важным фактором пополнения моршанского купечества были миграции, особенно выходцев из волго-окских городов России, которых привлекали возможности хлебного рынка и пристаней Моршанска. Кроме того, увеличился приток в купечество из вольноотпущенных крестьян, уже тесно связанных с рынком и имевших необходимые средства для объявления капитала. Новизна нашего исследования определяется микроисторическим подходом к изучению корпоративно-родственных связей торгово-предпринимательских слоев малых городов России, обращением к восстановлению истории конкретных семей. Наиболее интересными для раскрытия темы являются корпоративно-родственные отношения семей купцов, потомков отпущенных на волю крестьян, ставших в первой половине XIX в. политико-экономическими кланами, самыми богатыми и влиятельными в провинциальных городах, являвшихся не только центром экономической жизни города, но и имевших общероссийское значение.

Ключевые слова: купечество; торгово-предпринимательская среда; корпоративно-родственные связи; социальная и территориальная мобильность; семья; политико-экономический клан.

Изучение истории провинциального города, повседневной жизни городского населения является одним из приоритетных направлений в современной отечественной историографии. Исследование истории представителей конкретных семей торгово-предпринимательских слоев городского населения актуально с точки зрения практики сегодняшней муниципальной деятельности, позволяет выявить ресурсы, методы и средства активизации местного предпринимательства, развития благотворительности и меценатства, формирования местного гражданского сообщества, региональной политической и экономической элиты.

До настоящего времени исследователи в основном рассматривали социально-экономические отношения в торгово-предпринимательской среде, но именно корпоративно-родственные связи, включенность во властные структуры города, поддержка местной

администрации и бывших помещиков определяли экономическое положение семьи, ее место в хозяйственной жизни города.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить влияние корпоративно-родственных связей на процессы социальной и территориальной мобильности населения провинциальных городов России в первой половине XIX в. на примере Моршанска Тамбовской губернии. Этот город в изучаемый период являлся крупным центром транзитной торговли сельскохозяйственной продукцией российского масштаба.

Пополнение моршанского купечества было результатом не только вертикальной восходящей мобильности местного населения, но и перемещения сюда купцов из других территорий. В связи с частными ухудшениями экономической ситуации или усилением налогового пресса правительства на купцов представители этого сословия Моршанска совершали нисходящее движение по социальной лестнице, хотя обычно не опускались ниже уровня мещан. Особым способом выживания купеческого сословия города в условиях активизации в 1820-е гг., а затем

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Формирование культуры корпоративных связей торгово-предпринимательских слоев русского провинциального города в первой половине XIX в.», проект РГНФ № 14-01-00384а.

кризиса хлебной торговли середины 1850-х гг. стали клиентарные отношения с дворянами, помещиками и чиновниками, семейно-деловая консолидация и территориальная мобильность.

В первой половине XIX в. в Моршанске в системе родственных связей податных сословий уже просматривалась корпоративная структура, хотя в целом сохранялись характерные для аграрного общества родственные связи.

Наиболее интересными для раскрытия темы являются корпоративно-родственные отношения семьи Тюлюкиных, потомков отпущенного на волю крестьянина г-на Нарышкина Дмитрия Ефимовича Тюлюкина. Клан Тюлюкиных был одним из самых богатых и влиятельных в Моршанске. На торговой площади города располагалась четырехпрестольная каменная двухприходная Вознесенская церковь, построенная на средства моршанского купца Алексея Тюлюкина в 1799 г. Ими же финансировалась постройка освященной в 1831 г. каменной теплой Федоровской кладбищенской церкви; каменная теплая Казанская церковь в с. Таракса (имение Александра Львовича и Льва Александровича Нарышкина) была возведена на средства купца Тюлюкина «при помощи Дмитрия Нарышкина и прихожан». Епископ Тамбовский и Шацкий Феофилакт во время посещения города Моршанска в 1821 г. останавливался в доме купца 2 гильдии Ермила Тюлюкина. С 1829 г. Ермил Тюлюкин занимал должность городского головы и пользовался поддержкой городничего полковника барона Александра Фитингофа, родственника Нарышкиных [1, с. 382-384]. Современники отмечали, что «с определения в Моршанск городничим полковника Фитингофа родились всевозможные злоупотребления. Как человек искательного и вкрадчивого характера, он выманил доверенность к себе гражданского губернатора и губернских чиновников, управляет городом с деспотическим притеснением... удалив лучших граждан, заставил избрать почти противу желания в головы Ермила Тюлюкина – человека, пользующегося весьма посредственной репутацией» [2].

Основателем большой купеческой семьи был Федор Тюлюкин, занимавшийся вместе с братом Алексеем скупкой и крупными поставками зерна из Моршанска [3]. В Мор-

шанске наиболее крупными торговцами были купцы-судовладельцы. В составе моршанского каравана 1811 г. купцами Тюлюкиными с пристани Шацкие Барки (владение А.Л. Нарышкина, бывшего владельца крепостных Тюлюкиных) была отправлена гусанка с грузом около 2,5 т до Рыбинска и далее до Санкт-Петербурга. За одну путину можно было очень хорошо подняться. Братья занимались не только перевозкой сельскохозяйственных грузов, но и их переработкой. В 1810–1820-е гг. в содержании у Алексея Тюлюкина находились две крупные оброчные мельницы при селе Давыдове на речке Серп. Вместе с Карпом Смесовым Алексей Тюлюкин длительное время содержал две мукомольные мельницы, принадлежавшие помещикам Томилиным. Одновременно купцы получили право на владение землей, принадлежавшей мельницам. В собственности у Федора Тюлюкина были салотопенные заводы и склады, «береговые места», использовавшееся для складирования сплавляемого хлеба [4]. В Борисоглебском уезде проходила дорога Борисоглебск–Усмань по земле, находившейся во владении моршанского купца 2 гильдии Алексея Дмитриевича Тюлюкина «на коей поселян хутор». Недалеко, в селе Завьялово Балашовского уезда Саратовской губернии, находилась вотчина его бывшего господина А.Л. Нарышкина, куда в 1812 г. были перевезены крепостные крестьяне из села Заметчино Тамбовской губернии. И у Алексея, и у Федора Тюлюкиных были дворовые. Об этом мы узнаем опосредованно, через записи в метрических книгах (больше никакие документы наличие дворовых у купцов не зафиксировали).

Дети Тюлюкиных занимались уже другими видами коммерческой деятельности, владели салотопенными предприятиями с наемными работниками [5]. Зато в 1826 г. зафиксированы сведения о будущих родственниках Тюлюкиных. «Моршанский купецкий брат Алексей Морозов и судотправитель брат его Яков Морозов» были первыми из 583 владельцев судов цнинского каравана. Первые из каравана раньше других приходили к началу хлебных торгов и получали самую выгодную цену за свой товар. Для этого нужно было иметь очень хорошие связи с представителями городских властей и местной бизнес-элиты.

Жилые дома братьев Тюлюкиных, впрочем, как и других купцов, в т. ч. и их родственников, располагались в непосредственной близости от предприятий, пристани и складских помещений, на берегу реки Цны. Это представляло опасность для судоходства в случае пожара [6].

В 1834 г. в Департаменте разных податей и сборов министерства финансов Российской империи разбиралось дело «относительно раздельного акта, учиненного моршанскими купцами Тюлюкиными». После смерти отца Федора Тюлюкина братья – Ермил, купец 2 гильдии, Иван-старший, Иван-младший, Трифон и Агафон (купцы 3 гильдии) – «разделились между собой, жили в разных домах, капитал объявили порознь и производили торг особо, не составляя общего торгового дома». Старший брат, Ермил Тюлюкин, «производя отдельно от братьев своих обширный торг, скупил на свое имя в разных губерниях более 12 тыс. десятин земли и лесных дач», несколько мельниц и домов, всего на огромную по тем временам сумму в 500 тыс. руб. (для сравнения: 42 крестьянских двора «с разным надворным построением, хлебом и имуществом» оценивались в 14485 руб.) [7].

В сохранившихся ревизских сказках г. Моршанска зафиксировано несколько малых семей клана Тюлюкиных: братьев Трифона, Ермила, Агафона Федоровичей, и братьев Ивана, Афанасия и Николая Ивановичей (племянники Ермила), а также семья родственника Трифона Тюлюкина Алексея Герасимовича Морозова, причисленного из купцов Гавриловского посада Владимирской губернии к моршанскому мещанскому обществу в 1825 г., а в 1827 г. – к купеческому (брат Якова Герасимовича Морозова, деда А.П. Чехова) (подробнее о семье Морозовых в Моршанске см.: [8, с. 120-127]).

Для того чтобы утвердиться в высококонкурентной торгово-предпринимательской среде Моршанска, Тюлюкины использовали не только патронат бывшего помещика, но и выдвижение и укрепление во властных структурах города, а также семейно-родственные связи.

Предпринимательская деятельность определяла особенности социальной мобильности и демографического поведения купечества. Несмотря на то, что город был крупным

торговым центром, имевшим постоянные связи со многими губерниями России, невест выбирали «своих», из хорошо знакомых семей, скорее всего, из-за общих хозяйственных интересов.

Корпоративно-родственные связи семьи Тюлюкиных хорошо прослеживаются по материалам метрических книг. Как в деловой, так и личной жизни представители семьи предпочитали контакты с выходцами из окско-волжских городов, «нужными» людьми. Так, в одном только 1811 г. Ермил Федорович Тюлюкин был восприемником, т. е. крестным, у детей влиятельных моршанских купцов Умниковых, Городковых и Смесовых [9].

В семье Тюлюкиных очень ответственно относились к выбору супругов. Об определенной сословной замкнутости брачного поведения членов семьи свидетельствует то, что жен братья выбирали из богатых и влиятельных семей, с которыми были налажены (или предполагались) экономические связи, что позволяло проникать и в сферу управления городом, роднились с «нужными» людьми. Также это было связано с высокой конкуренцией между принадлежавшими купцам одготипными перерабатывающими предприятиями и с опасностью разорения в связи с изменявшимися условиями торговли в середине XIX в. Существует вероятность, что эти семьи принадлежали к старообрядчеству.

После того, как 5 февраля 1830 г. умерла от чахотки Агафья Фомина 32 лет, жена купеческого брата Алексея Герасимовича Морозова, уже 21 апреля 1830 г. состоялось бракосочетание вдовца купца Алексея Герасимовича Морозова и купеческой дочери девицы Татьяны Трифоновны Тюлюкиной. Поручителями (свидетелями) были регистратор Ларион Бардин, купец Афанасий Гаврилович Юсов (причисленный в моршанское купечество из ковровских купцов в 1833 г.; его сын купец Николай Афанасьев Юсов в 1859 г. был гласным городской думы) и купеческий сын Тимофей Емельянов Евтеев (отмеченный в исповедных росписях Троицкого собора Моршанска как приверженец «старообрядческой секты толка поповщины») [10]. Вероятнее всего, знакомство Тюлюкиных и Морозовых состоялось не без участия господ Нарышкиных, поскольку только среди их крепостных, переведенных в 1810-е гг. из Владимирской и Московской губерний,

встречаются крестьяне с фамилиями Юсовы, Мясоедовы, Морозовы и Тюлюкины. Да и брак купеческого брата Федора Герасимовича Морозова, поручителем на свадьбе которого был его брат Яков Герасимович Морозов, был заключен с «отпущенной на волю помещиком Александром Львовичем Нарышкиным девицей» Анной Петровной Щелкалиной [11].

Женитьба братьев Тюлюкиных, «чужих» для моршанского купечества, занимавшегося однотипными видами деятельности, на представительницах богатых и влиятельных «местных» семейств позволяла им войти в сферу провинциальной административной и бизнес-элиты. Так, только путем заключения браков из 30 владельцев самого крупного в Моршанске салотопенного производства в 1830-е гг. 11 были родственниками Тюлюкиных. Это представители семей купцов, зафиксированных уже в ревизии 1782 г., первой после получения Моршанском статуса города, Алексеевых, Медведевых, Смесовых, Шубиных, Сливиных, Золотовых, Кожиных. Среди 28 моршанских купцов, вытапливавших говяжье и баранье сало, вошедших в Список фабрикантов и заводчиков Российской империи 1832 г., были Тюлюкины Алексей, Федор и Ермил и их родственники купчиха Медведева, Сливин Иван, Смесовы Карп и Егор, купчиха Шубина Пелагея [12, с. 759-768]. Четверо из них, в т. ч. и купец 2 гильдии Карп Ильич Смесов, тесть Ермила Тюлюкина, владелец прядильной фабрики, одного из самых крупных предприятий Моршанска, имевших общероссийское значение, Дорофей Кожин, которого сменил Ермил Тюлюкин на посту городского головы, были включены в алфавитный список потомственных почетных граждан Российской империи [13, с. 130, 157, 322; 14, с. 258, 261, 277].

Свою дочь Пелагею Ермил Тюлюкин выдал замуж за представителя еще одного влиятельного семейства Моршанска, купца 2 гильдии Тимофея Сергеевича Медведева. Другая дочь, Екатерина, стала женой тамбовского купца Никиты Григорьевича Куприянова. В большой разветвленной семье в 1850 г. в слободе Кочетовке проживала Наталья Ермиловна с мужем Григорием Филипповичем Марковым 33 лет. Главой этой семьи, состоявшей из семи малых семей сыновей и вну-

ков (братьев и племянников мужа Натальи Тюлюкиной) и насчитывавшей 23 человека, была Матрена Петровна Маркова, вдова 71 года [15].

Первой женой Трифона Тюлюкина была Евдокия Самсоновна Сливина, представительница одного из самых известных на протяжении всего XIX – начала XX в. моршанского рода. В 1828 г. моршанский мещанин Сливин Самсон Евсеевич (тесть Трифона Тюлюкина) «имел в своем содержании две мукомольные удельного ведомства мельницы». Уже в 1801 г., будучи купцом, Самсон Сливин имел дворовых.

Вторая жена происходила также из хорошего купеческого семейства. Семья ее отца принадлежала к «старобрядческой секте толка поповщины». Брат Ирины, купец Савелий Михайлович Фомин, в 1866 г. был гласным городской думы [16]. У братьев купцов Лукьяна и Василия Фоминых (шуринов Трифона Тюлюкина) были торговые места на базарной площади в с. Алгасово. Поскольку торговля в Моршанске носила в основном транзитный характер и ярмарка реально не существовала, с. Алгасово, удачно расположенное на тракте Тамбов–Щацк, было основным местом торговли для моршанских купцов и мещан. Содержание лавок в этом селе экономически было более выгодно по сравнению с торговлей в самом городе. Места на базаре имели удельные крестьяне не только самого с. Алгасово, но и других сел, и даже сел Владимирской губернии [17]. Когда в 1869 г. в Моршанске начало действовать благотворительное общество попечения о бедных «с целью облегчить участь беднейших жителей», в состав учредителей вошли и купцы Кирилл и Савелий Фомины [18].

Агафон Тюлюкин выдал свою 16-летнюю дочь Евдокию за 31-летнего вдовца купца Андрея Ивановича Алексеева, представителя крупного и влиятельного семейства. Его дядя, моршанский купец 1 гильдии Павел Савинович Алексеев, имел собственную постоянную торговлю в столице, «магазин Алексева, изделие шелковых шляп, близ Казанского моста по Каналу в доме Копосова № 45. Круглые от 15 до 25 руб., форменные от 30 до 35 руб.» [19]. В 1836 г. был отмечен как «второстатейный» купец, занимавшийся торговлей в г. Моршанске [20, с. 49]. Купец Петр Алексеевич Алексеев в 1866 г. был

маклером депутации Моршанского цнинского судоходства.

Кумовья и крестные семьи Тюлюкиных, так же как и «поезжане» (т. е. свидетели на свадьбах), были из очень узкого круга «нужных» людей, куда входили дворяне-чиновники, включая городничего, выходцы из окско-волжских городов и отпущенники от господ Нарышкиных. Среди них выделяются Никита Яковлевич Новиков, крестьянин графа П.И. Кутайсова (управляющий известной мельницей), купцы и купчихи Медведевы. В 1847 г. купец 2 гильдии Иван Сергеев Медведев с сыновьями Николаем, Александром, Николаем и Михаилом были «перечислены» в тамбовские купцы; купец 2 гильдии Иван Сергеев Медведев перечислен в балашовские купцы. Другой моршанский купец Иван Медведев в 1850-е гг. имел 200 десятин в Балашовском и 196 десятин в Сердобском уездах Саратовской губернии, сдавал их в аренду и ежегодно получал доход по 200 и 160 руб. серебром, соответственно. Внук одного из бывших крепостных господ Нарышкиных, сын моршанского купца 3-й гильдии, Никифор Мясоедов, «по окончании полного курса учения в Санкт-Петербургском университете поступил на службу». Это единственный случай такого продвижения за всю первую половину XIX в.

Записи в метрических книгах отражают территориальную мобильность членов семьи. Так, при заключении одного из браков поручителями были «по жениху Саратовской губернии города Балашова купец Трифон Тюлюкин, моршанский купец Иван Тюлюкин, а по невесте Костромской губернии города Рыбенска купецкий сын Дормидонт Иконников и моршанский купец Иван Иванов» [21].

С середины XIX в. в южных уездах Тамбовской губернии стала вновь активно развиваться торговля зерном и другими сельскохозяйственными продуктами по притокам Дона: рекам Ворона и Воронеж. В 1840 г. по этим рекам было отправлено в Таганрогский порт хлеба на 250 тыс. руб. [22, с. 79]. Это отразилось и на купеческом бизнесе, и на направлениях предпринимательской миграции. Тюлюкины–Морозовы переселились в южные города. Так, во второй половине 1830-х гг. Трифон Федорович Тюлюкин был приписан к купечеству города Балашова Саратовской губернии, хотя и проживал с семь-

ей в Моршанске. Яков Герасимович Морозов выбыл «в таганрогские купцы в 1834 г.».

В ревизских сказках г. Моршанска за 1857 г. с фамилией Тюлюкиных зафиксированы только мещане Федор и Александр Агафоновичи Тюлюкины 16 и 9 лет. В 1899 г. в городе была основана «раздаточная контора по выделке куля и рогож». Ежегодно это заведение, на которое работало 100 рабочих «на стороне», перерабатывало 15000 пудов мочала на сумму 21500 руб. Владелец конторы был, судя по всему, последний представитель рода по мужской линии Константин Александрович Тюлюкин [23, с. 231].

Таким образом, на примере одной большой семьи мы проследили корпоративно-родственные связи и выяснили, что они были не только фактором социальной и территориальной мобильности торгово-предпринимательских слоев провинциального города, но и способом выживания в трудных условиях конкуренции на хлебном рынке России в первой половине XIX в.

1. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов, 2004.
2. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1049. Оп. 4. Д. 2350. Л. 3-5, 9об.
3. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 289.
4. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-2об.; Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 29-31об.
5. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 681; Д. 728. О. ц. Л. 60-92об., 106-131.
6. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-2об.
7. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 946. Л. 146-148об.
8. Акользина М.К. Моршанск – хлебный порт России. Тамбов, 2011.
9. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 1518. Л. 2; Д. 1519. Л. 13об.
10. ГАТО. Д. 2767. Л. 13об.
11. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 2936. Л. 21.
12. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 г. / сост. в Департаменте мануфактур и внутренней торговли: в 2 ч. Спб., 1833. Ч. 2.
13. Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. СПб., 1816.
14. Петров А. Памятная книжка Российской промышленности на 1843 год. М., 1843.
15. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1373. Л. 90.
16. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 г. Тамбов, 1866.
17. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 94. Л. 80об.; Д. 100. Л. 79об.-81об.
18. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1915. О. ц. Л. 1-36.

19. Кишкин-Жгерский В. Коммерческий указатель г. Санкт-Петербурга на 1831 год. Спб., 1831 (рукописный).
20. Кишкин-Жгерский В. Торговый адрес-календарь или Всеобщий коммерческий указатель Российского государства на 1836 г. Спб., б. г.
21. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3950. Л. 45об.-46.
22. Черменский П.Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961.
23. Список фабрик и заводов Европейской России. Спб., 1903.
12. Spisok fabrikantam i zavodchikam Rossiyskoy imperii 1832 g. / sost. v Departamente manufaktur i vnutrenney trgovli: v 2 ch. Spb., 1833. Ch. 2.
13. Vedomosti o manufakturakh v Rossii za 1813 i 1814 gg. SPb., 1816.
14. Petrov A. Pamyatnaya knizhka Rossiyskoy promyshlennosti na 1843 god. M., 1843.
15. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1373. Л. 90.
16. Pamyatnaya knizhka Tambovskoy gubernii na 1866 g. Tambov, 1866.
17. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 94. Л. 80об.; Д. 100. Л. 79об.-81об.
18. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1915. О. ts. Л. 1-36.
19. Kishkin-Zhgerskiy V. Kommercheskiy ukazatel' g. Sankt-Peterburga na 1831 god. Spb., 1831 (rukopisnyy).
20. Kishkin-Zhgerskiy V. Torgovyy adres-kalendar' ili Vseobshchiy kommercheskiy ukazatel' Rossiyskogo gosudarstva na 1836 g. Spb., b. g.
21. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3950. Л. 45об.-46.
22. Chermenskiy P.N. Proshloe Tambovskogo kraya. Tambov, 1961.
23. Spisok fabrik i zavodov Evropeyskoy Ros-sii. Spb., 1903.
1. Tambovskaya entsiklopediya / gl. nauch. red. L.G. Protasov. Tambov, 2004.
2. ГАТО (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). Ф. 1049. Оп. 4. Д. 2350. Л. 3-5, 9об.
3. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 289.
4. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-2об.; Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 29-31об.
5. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 681; Д. 728. О. ts. Л. 60-92об., 106-131.
6. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-2об.
7. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 946. Л. 146-148об.
8. Akol'zina M.K. Morshansk – khlebnyy port Rossii. Tambov, 2011.
9. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 1518. Л. 2; Д. 1519. Л. 13об.
10. ГАТО. Д. 2767. Л. 13об.
11. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 2936. Л. 21.

Поступила в редакцию 14.10.2014 г.

UDC 94«15/18»

MERCHANT FAMILY OF TYULYUKINS FROM MORSHANSK IN 19th CENTURY

Marina Konstantinovna AKOLZINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian General History Department, e-mail: akolmarina@yandex.ru

At present vastly increased the interest to study social-economic history to Russia, which one of the perspective directions is a history merchant's provincial city. This is explained first of all that that in the first half 19th century in Russian city went shaping new, first of all business layers of the population. The Study of the mechanism of this process has undoubted urgency and attracts constant attention modern scientist-historian. Change to number merchants brought about qualitative change the composition merchants; change the social contents of this notion. The reduction of the influx occurred on length of the first half of 19th century in the merchants from the other class, its consolidation.

The Important factor of the renewing merchants of Morshansk were migration, particularly inhabitants from Volga-Oka's cites to Russia, which attracted the possibility bread market and piers Morshansk. Besides, increased the influx in the merchants from released to will rural inhabitants, already closely in accordance with the market and having necessary facilities for announcement of the capital. Novelty of our study is defined by micro-historic approach to study corporative-related relationships trade-business layers small city to Russia, address to recovering the histories concrete family. The most interesting for opening the subject are corporative-related relations family merchant, descendant отпущенных to will крестьян, became in the first half of 19th century by politician-economic clan, the rich and influential in provincial city, shown not only by centre to economic life of the city, but also having whole Russia importance.

Key words: merchants; trade-business ambience; corporative-related relationship; social and territorial transportability; family; politician-economic clan.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ТАМБОВЩИНЫ

УДК 94"19

ТАМБОВ – ТОЛНА: ОБЛАСТИ-ПОБРАТИМЫ. 1971–1989 (по материалам российских архивов)

© Арутюн Гургенович АЙРАПЕТОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории, e-mail: airahist@mail.ru

Рассматриваются разносторонние связи двух породненных областей – Тамбовской в РСФСР и области Толна в Венгерской Народной Республике (ВНР) – в период вступления человечества в информационную цивилизацию и исторического отставания мировой системы социализма при внешне кажущейся ее стабильности. Особое внимание уделяется роли партийных руководителей областей-побратимов в осуществлении дружественных связей между двумя регионами, исследуются проблемы побратимского сотрудничества и пути их разрешения. Отмечается, что константой побратимского сотрудничества был поиск методов и форм повышения эффективности двусторонних деловых и досуговых мероприятий. Раскрываются механизмы укрепления доверия и теплых дружественных отношений между трудовыми коллективами двух регионов. Предметом анализа стал обмен производственным опытом коллективов промышленных, сельскохозяйственных, торговых и других предприятий, учебных заведений, партийных, профсоюзных, спортивных и культурных организаций. Охарактеризована деятельность Тамбовского областного отделения и первичных организаций всесоюзного Общества советско-венгерской дружбы, в частности коллектива преподавателей и студентов Тамбовского государственного педагогического института, установившего прямые связи с Сексардским педагогическим институтом. Обращается внимание на характер и познавательную ценность информации, содержащейся в документах партийных органов, отчетах делегаций трудовых коллективов, общественных организаций двух областей. Дается оценка значения побратимских отношений.

Ключевые слова: области-побратимы; обмен производственным опытом; культурные связи; первый секретарь обкома партии; коллективные члены Общества советско-венгерской дружбы.

После окончания Второй мировой войны на протяжении сорока с лишним лет в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе под эгидой СССР сложилось и развивалось содружество социалистических стран. Оно основывалось на двусторонних и многосторонних межпартийных и межгосударственных отношениях, производственно-профессиональных и гуманитарных контактах между общественными организациями, трудовыми коллективами предприятий и учреждений, ученическими и студенческими коллективами, между семьями и отдельными гражданами. Мировой практике был известен феномен регионов-побратимов – установление тесных братских связей между породненными городами, областями, краями, республиками.

В начале 1970-х гг., в обстановке разрядки международной напряженности и относительной стабильности внутривнутриполитического положения социалистических стран, ЦК коммунистических и рабочих партий этих стран инициировали расширение побратимских связей городов, областей, краев и республик СССР с соответствующими регионами зарубежных соцстран.

В Записке советского посла в Венгрии В.Я. Павлова, направленной 21 октября 1971 г. заведующему Отделом социалистических стран ЦК КПСС К.В. Русакову, делался упор на предметное изучение опыта руководства Венгерской Социалистической Рабочей Партией (ВСРП) развитием всех сфер жизни венгерского общества, на значительное расширение прямых контактов между породнен-

ными областями и городами СССР и ВНР. При этом посол сослался на авторитетное для советских руководителей мнение Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара, считавшего, что связи по линии областей и городов-побратимов, а также поезда дружбы, специализированные туристские группы позволяют обеспечивать непосредственные контакты рабочих, крестьян, интеллигенции, различных категорий партийного, советского, хозяйственного актива [1].

3 апреля 1972 г., в канун 27-й годовщины освобождения Венгрии от фашизма, в Тамбове было создано областное отделение всесоюзного Общества советско-венгерской дружбы (ОСВД). Эмоциональным было выступление на учредительном собрании начальника отдела областного автотранспортного управления В.В. Хмельницкого. Напомнив, что их управление уже давно поддерживает деловые и дружеские связи с венгерской фирмой, выпускающей хорошо известные тамбовцам автобусы «Икарус», он поделился своими впечатлениями от недавней поездки в Венгрию: «Я видел новую Венгрию, ее трудолюбивый, жизнерадостный народ. Он поднял страну из руин, залечил раны войны, и теперь успешно строит социалистическое общество. Нас радуют и восхищают эти успехи». На собрании было избрано правление областного отделения ОСВД, его председателем стал ректор Тамбовского института химического машиностроения, доцент, кандидат технических наук В.В. Власов [2; 3]. Спустя полгода упомянутое отделение объединяло коллективы 13 промышленных и сельскохозяйственных предприятий, научных учреждений и высших учебных заведений, в 1988 г. отделение имело свои комитеты уже на 40 предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, в которых работало и училось свыше 50 тыс. человек [4].

В январе 1972 г. посольство СССР в Будапеште предложило своему руководству поддержать пожелания венгерской стороны о подборе «советских партнеров, родственных по экономическому и культурному профилю для областей Дьер-Шопрон и Толна с целью установления братских связей» [1, л. 168]. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 18 января 1972 г. были установлены постоянные дружественные связи Армянской ССР с областью Дьер-Шопрон и по преимуществу

аграрной Тамбовской области (РСФСР) с областью Толна (ВНР), которая прочно занимала 2–3-е места в Венгрии по показателям сельскохозяйственного производства. 18 мая 1972 г. первый секретарь Толненского обкома ВСРП Й.К. Папп направил первому секретарю Тамбовского обкома КПСС В.И. Черному письмо, в котором выразил удовлетворение в связи с установлением побратимских отношений между двумя областями [3, л. 25-26].

Принципиальные вопросы двусторонних отношений рассматривались в ходе встреч партийных делегаций обеих областей. В посылаемых в ЦК КПСС Отчетах (Информациях) руководства Тамбовского обкома КПСС о пребывании партийных делегаций области Толна в Тамбовской области и партийных работников Тамбовской области в Толне большей частью перечислялись мероприятия, в которых приняли участие гости из Толны либо из Тамбовской области. Краткая информация о текущей работе и минимум анализа общественных процессов содержится в письмах первых секретарей обкомов партий по случаю государственных праздников. К указанной группе документов можно отнести и поздравительную телеграмму Тамбовского обкома КПСС Й.К. Паппу в день его 50-летия (14 марта 1974 г.), поздравительные письма первых секретарей Толненского обкома ВСРП тамбовским коллегам по случаю избрания В.И. Черного членом ЦК КПСС (1976 г.) или избрания Е.М. Подольского на должность первого секретаря Тамбовского обкома КПСС (1985 г.) [5].

Побратимские связи двух областей развивались в соответствии с согласованными обоими обкомами партий двухлетними планами (начиная с 1972 г.) «основных мероприятий по осуществлению дружественных связей партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, местных Советов Тамбовской области и соответствующих структур области Толна». В Информациях Тамбовского обкома КПСС, посылаемых в Москву, редко раскрывалось содержание бесед членов венгерской делегации с тамбовскими партийными и хозяйственными руководителями, трудящимися и учащимися. Так, в Информации о пребывании партийной делегации области Толна во главе с первым секретарем обкома ВСРП Й.К. Паппом в

Тамбовской области в период с 5 по 10 июля 1972 г. кратко сообщалось, что в ходе бесед «венгерские товарищи задали ряд вопросов... Особый интерес венгерских товарищей вызвала практика планирования социального развития сельских коллективов» [6]. Неформальный разговор состоялся 6 июля 1972 г., во время посещения делегации из Толны государственной племенной птицефабрики «Арженка» в поселке Рассказово, в 80 км от Тамбова. Описывая эту встречу, корреспондент газеты «Тамбовская правда» отмечал, что на вопрос гостей о быте и досуге арженцев заведующая цехом К.В. Полуэктова отвечала просто, но с достоинством: «Живем в достатке. Если раньше думали о приобретении холодильников, то теперь они имеются у многих. Ныне у нас велик спрос на личные автомобили. А отдыхаем чаще всего сообща – ездим в областной центр в театр, посещаем свой Дом культуры» [7]. В свою очередь, делегация партийных работников Тамбовской области во главе с первым секретарем обкома КПСС В.И. Черным, находившаяся в Толне 14–19 августа 1972 г., назвала достижением венгерских кооперативов и госхозов высокую культуру земледелия, применение передовой технологии, бережное использование техники, повседневную «экономическую работу» аграриев [8].

Следует выделить два ключевых тренда в отношениях между областями-побратимами, которые нашли отражение уже в первых документах двустороннего сотрудничества. Речь идет об укреплении деловых связей между областями и об интернациональном воспитании жителей двух регионов. Под этим углом зрения бюро Тамбовского обкома КПСС при обсуждении двухгодичных планов межобластного сотрудничества рекомендовало коллективным членам Общества советско-венгерской дружбы регулярно отмечать годовщины подписания первого советско-венгерского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (18 февраля), Освобождения Венгрии от фашизма (4 апреля).

Со своей стороны, Толненский обком ВСРП предложил организациям Общества венгеро-советской дружбы, трудовым и учебным коллективам провести в 1973-м и последующие годы мероприятия, посвященные двум вышеназванным событиям, а также 30-летию Сталинградской битвы, Дню Совет-

ской Армии, дню памяти В.И. Ленина, Дню Победы над фашизмом, очередной годовщине установления побратимских связей между Толной и Тамбовской областью, Дню венгерской конституции, годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции.

В календаре жителей Тамбовской области к советским праздникам добавились венгерские памятные даты. Каждый такой праздник скреплял узы дружбы советского и венгерского народов. Этим чувством прониклись и дети, и взрослые. Так, никого из присутствовавших 4 апреля 1978 г. в Тамбове, на вечере по случаю 33-й годовщины Освобождения Венгрии от фашизма, не могло оставить равнодушным исполнение учениками Новолядинской средней школы Тамбовского района разученных венгерских народных танцев и стихов венгерских поэтов [9]. Председатель первичной организации ОСВД в Тамбовском педагогическом институте профессор, заведующий кафедрой российской истории Л.Г. Протасов рассказал на страницах областной газеты, как студенты и преподаватели педагогического института отмечают праздник венгерского Освобождения. Студенты исторического факультета проводят беседы со школьниками, приглашая на эти встречи венгерских студентов, обучающихся в тамбовских вузах. Преподаватели с удовольствием посещают городской кино клуб «Контакт» (руководитель – доцент Тамбовского педагогического института В.А. Монастырский), где демонстрируются и обсуждаются лучшие советские и зарубежные художественные фильмы, в т. ч. ленты З. Фабри, М. Янчо [10]. В свою очередь, в Венгрии велик был интерес мадьяр к русскому языку и литературе. Жители Толны активно участвовали в общевенгерском читательском движении «Нужна хорошая книга!», призванном знакомить детей и взрослых с лучшими произведениями мадьярской и русской литературы. Руководители Толны с удовлетворением сообщали тамбовским товарищам, что в 1972 г. Толна заняла первое место в Венгрии по результатам проведенной кампании. В 1987 г. в небольшой по численности населения области Толна русский язык изучало около 21 тыс. учащихся средних школ. Еще 2600 человек обучались русскому языку в специальных школах [11, с. 3].

Информация о Тамбовской области помещалась на страницах газеты Толненского обкома ВСРП «Непуйшаг» («Народная газета»), а новости под рубрикой «Вести из области Толна» – ежеквартально в печатном органе Тамбовского обкома КПСС, газете «Тамбовская правда». В интересах более полного взаимного ознакомления с пороченной областью в Толне была опубликована на венгерском языке книга «Наша область – побратим Тамбов», а на русском языке вышли очерки «Область Толна: вчера, сегодня, завтра» (Тамбов, 1975). В 1984 г. в Будапеште увидел свет сборник очерков «Далекое города – близкие друзья», инициированный отделом агитации и пропаганды Общества венгеро-советской дружбы. Спустя год в Тамбове была напечатана книга «Тамбов – Толна. По пути дружбы», подготовленная корреспондентами газет «Непуйшаг» и «Тамбовская правда». Материалы этой книги были опубликованы параллельно на русском и венгерском языках. О труде, учебе и отдыхе жителей областей-побратимов рассказывалось также на страницах региональных молодежных (комсомольских) и центральных газет и журналов, в передачах местного радио и телевидения.

Прямые дружественные связи между трудовыми коллективами имели свою логику развития. Ее можно проследить, например, по материалам Отчета первичной организации ОСВД при Тамбовском аграрно-промышленном объединении (агропром), ставшим в мае 1973 г. коллективным членом ОСВД и установившим прямые связи с Далмандским государственным хозяйством области Толна. Первоначально производственные проблемы решались посредством писем. Стремясь, однако, «придать складывавшимся двусторонним отношениям доверие и теплоту», тамбовские аграрники пригласили друзей и коллег из Толны в Тамбов. С того времени руководители и рядовые работники двух предприятий стали регулярно встречаться и обмениваться опытом решения производственных проблем и организации отдыха. Далмандцам были предоставлены документация и фотографии свиначника-автомата. Представители Тамбовского агропрома, в свою очередь, заимствовали у венгерских коллег и друзей технологию производства гранулированных кормов. Венгерские

друзья передали тамбовскому предприятию семена кукурузы с наиболее коротким вегетационным сроком созревания початков. «Если после первых посещений друг друга делегации двух хозяйств говорили о положительных впечатлениях, то уже после второго посещения стали говорить и о недостатках, мешающих развитию производства» [12].

Действительно, как и во всякой живой работе, в побратимском сотрудничестве наряду с позитивом появлялся и негатив. По оценкам тамбовского областного руководства, уже в первые полгода двусторонних связей выявились недоработки различных инстанций в осуществлении запланированных мероприятий. Бюро Тамбовского обкома КПСС своим постановлением от 11 сентября 1972 г. предложило «отделам обкома, горкомам, райкомам КПСС, облисполкому, областному совету профсоюзов (облсовпрофу), обкому ВЛКСМ принять меры по повышению эффективности дружественных связей, улучшить подбор и подготовку кадров, выезжающих за рубеж» [13]. Во исполнение этого постановления ответственные партийные работники стали уделять особое внимание качественному (классово-партийному) составу туристских групп, направляемых в ВНР. К примеру, осенью 1972 г. была сформирована группа из 35 человек, в т. ч. из 15 рабочих, 4 колхозников, 16 партийных, комсомольских работников, представителей научной и художественной интеллигенции; 29 человек являлись членами КПСС (курсив наш. – А. А.). Проблема эффективности двустороннего сотрудничества вновь рассматривалась бюро Тамбовского обкома КПСС в ноябре 1975 г. Как и прежде, ставилась задача обеспечения «тщательной (курсив наш. – А. А.) подготовки приема и направления делегаций и групп» [14].

Выполнение планов мероприятий по укреплению побратимских связей зависело не только от тамбовцев. По мнению тамбовского руководства, в частности первого секретаря областного комитета КПСС В.И. Черного, которое он высказал в Информации, отправленной в ноябре 1972 г. в ЦК КПСС, «венгерские товарищи еще робко делают ответные шаги для развития и укрепления дружественных связей». Он сослался на факты не присылки материалов для тематических газетных полос и фотовыставок о жизни тру-

дящихся Толны, неезд лектора обкома ВСРП [15]. В то же время В.И. Черный списал невыполнение тамбовской стороной обязательств издать в 1974 г. брошюру об области Толна и осуществить постановку в тамбовском областном драматическом театре пьесы венгерского драматурга на трудности перевода с венгерского языка [16].

Со своей стороны, первый секретарь Толненского обкома ВСРП И.К. Папп, оценивая план мероприятий по осуществлению побратимских связей на 1974–1975 гг., отмечал, что пока не удалось договориться об обмене кинематографистов-любителей для создания фильмов о Толне и Тамбовской области, а также установлении партнерских связей между органами здравоохранения родственных областей [17].

23 февраля 1975 г. в газете «Правда» в изложении было опубликовано постановление ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации», которое, наверняка, по информационным каналам дошло и до Толны. В.И. Черный в своем письме кратко, в контексте задач, которые решают коммунисты Тамбовской области, информировал об этом документе И.К. Паппа: «Вам, очевидно, известно, что Центральный Комитет КПСС рассмотрел вопрос «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации». Всесторонний глубокий анализ положения дел в области, конструктивные выводы и задачи, изложенные в постановлении ЦК КПСС, открыли большую перспективу в работе по повышению эффективности производства и усилению коммунистического воспитания трудящихся... Обсуждая постановление ЦК КПСС, партийные организации намечают конкретные меры, направленные на решительное устранение вскрытых недостатков, развитие творческой инициативы и активности коммунистов и всех трудящихся...» [18]. Ограничившись общими фразами и штампами, В.И. Черный не стал раскрывать конкретные недостатки в партийном руководстве экономикой области, воспитании партийных и хозяйственных кадров.

Приоритетной задачей побратимского сотрудничества считался обмен производственным опытом. Как недостаточную оценивали работу «по изучению и обобщению опыта венгерского народа в хозяйственном и

культурном строительстве» секретарь Мичуринского райкома КПСС А. Кожевников (октябрь 1976 г.), руководство толненского кооператива «Цветок пшеницы» (июнь 1977 г.), другие участники побратимского сотрудничества [19]. Вместе с тем были и позитивные примеры. О том, как добиваться эффекта в двустороннем производственном сотрудничестве, убедительно свидетельствовал опыт Тамбовского домостроительного комбината и Государственного строительного предприятия области Толна. В ноябре 1976 г. в Толне побывала группа тамбовских партийных работников и строителей. Выделив в качестве позитивных моментов в хозяйственной деятельности венгерского строительного предприятия возведение жилых домов по неоднотипным проектам с разнообразной архитектурной отделкой, а также ритмичность в работе бригад, тамбовские специалисты обратили внимание и на то, что технология изготовления железобетонных изделий и конструкций требует повышенных затрат труда, и в частности ручного. Гости рассказали о тамбовском опыте домостроительства. Руководители венгерского строительного предприятия объяснили сохранение ручного труда экономическими соображениями. Тамбовские строители высказали и другие предложения, но, как сообщает в отчете группы ее руководитель, заведующий Отделом промышленности и транспорта Тамбовского горкома КПСС Ю.Н. Блохин, они «не вызвали особого интереса у венгерских товарищей». Иной была реакция сексардских (г. Сексард – административный центр области Толна) строителей на рассказ гостей об организации, технологии изготовления и строительства фундаментов жилых домов из сборных железобетонных конструкций. На встрече было решено включить в план мероприятий двустороннего сотрудничества пункт о распространении в области Толна тамбовского опыта изготовления и строительства фундаментов жилых домов. Тамбовские партнеры сочли целесообразным для себя изучить опыт использования на Сексардском государственном строительном предприятии рычагов материального воздействия (оплаты труда) на нарушителей трудовой дисциплины и возможностей применения этой практики в Тамбове [20].

Перестройка в СССР 1985–1991 гг. затронула и побратимские связи. В ноябре 1986 г. в Тамбове состоялся принципиальный разговор между руководством Тамбовской области во главе с первым секретарем обкома КПСС Е.М. Подольским и делегацией области Толна, руководителем которой был первый секретарь Толненского обкома ВСРП доктор С. Петер. Собеседники высказали общую неудовлетворенность недостаточно высоким уровнем эффективности побратимских связей, выразили озабоченность тем, что «не во всех партийных организациях Тамбовщины и Толны есть ясное представление о перспективах местных связей, кое-где они застыли на достигнутом уровне, не развиваются». Руководители двух областей полагали, что речь должна идти о переводе традиционных, культурно-ознакомительных дружественных контактов между трудовыми коллективами в производственные связи, о совместном поиске новых форм и методов партийного руководства процессами модернизации в СССР и ВНР. По мнению партийных лидеров, вертикаль управления побратимскими связями нуждалась в корректировке путем расширения самостоятельности трудовых коллективов, установивших прямые партнерские контакты [21].

Были предприняты усилия по увеличению числа коллективных членов Тамбовского отделения Общества советско-венгерской дружбы. В состав отделения вошел коллектив Тамбовского государственного педагогического института, установившего производственные и дружественные связи с Сексардским филиалом педагогического института в г. Капошваре. Коллективы двух вузов заключили соглашение, в соответствии с которым тамбовские филологи оказали практическую помощь венгерским друзьям в оснащении кабинетов русского языка учебниками и методическими пособиями. В июне–июле 1989 г. преподаватели Тамбовского государственного педагогического института, доценты Н.Г. Агаркова и Л.А. Каримова, прочитали лекции и провели семинарские занятия в Сексарде с венгерскими коллегами по проблемам педагогики и методики начального обучения. Для обмена опытом научно-исследовательской работы и участия в теоретических и научно-практических конференциях в Толну и Тамбовскую область выезжали де-

легации двух названных вузов, а также Тамбовского музыкального училища им. С. Рахманинова и Сексардской музыкальной школы им. Ф. Листа. Венгерские преподаватели, представители других профессий проявляли живой интерес к политическим реформам в СССР, процессам, протекавшим среди советской художественной интеллигенции. Их волновали также проблемы экологии, интернационального и нравственного воспитания молодежи [22].

3 сентября 1988 г. Тамбовский обком КПСС провел семинар секретарей первичных парторганизаций, партпропагандистов, на котором с основным докладом выступил заведующий Отделом пропаганды и агитации обкома партии И.П. Журавлев. По традиции сказав вначале несколько слов об успехах в деле сотрудничества Тамбовщины и Толны, он большую часть своего выступления отвел нелицеприятной критике партийных организаций. Докладчик указал на эпизодический, нерегулярный обмен делегациями, нередко сводимый к обыкновенному туризму, на безынициативность и утрату уже налаженных дружественных связей с отдельными венгерскими трудовыми и учебными коллективами, на недооценку «возможности использования опыта друзей в области градостроительства, благоустройства, развития социально-бытовой сферы, организации досуга». Касаясь пресловутой эффективности побратимского сотрудничества, И.П. Журавлев призвал организаторов приемов венгерских гостей тщательно готовить свои выступления, а не импровизировать, и применять технические средства пропаганды, графики и т. п. Практика побратимских связей выявила некомпетентность части кадров и актива, осуществляющих прямые связи с партнерами и друзьями из Толны. Докладчик рекомендовал первичным организациям пересмотреть состав кадров и актива и подобрать толковых и заинтересованных людей. Досталось и средствам массовой информации. Журналисты, по оценкам докладчика, освещают межобластные побратимские связи «в основном протокольно, причесанно, беспроблемно» [23].

Во второй половине 1980-х гг. руководство Тамбовской области во главе с первым секретарем обкома партии, энергичным, открытым новациям А.А. Хомяковым при поддержке ЦК КПСС и Совета Министров

РСФСР приступило к реконструкции г. Тамбова и масштабному строительству на селе. И здесь весьма пригодился опыт проектирования и застройки населенных пунктов Толны, сохранения исторической сферы в зоне застройки, применения новых отделочных материалов. «Особый интерес, – говорится в отчете тамбовской делегации, направленной в июне 1988 г. в Толну, – вызвало знакомство с работой домостроительного предприятия г. Сексарда, а затем – посещение объектов жилищного строительства и комплекса спортивного центра. При встрече в городском Совете Сексарда подробно рассмотрели основные положения генерального плана областного центра, принципы формирования планировочной структуры, вопросы взаимодействия нового строительства и исторической среды». Был также изучен опыт сельского Совета по благоустройству села Батасек [24].

Реформирование советской экономики требовало развертывания в СССР кооперативного движения. В сентябре 1985 г. делегация кооператоров из Толны прибыла в Тамбовскую область для ознакомления с состоянием кооперативной торговли. Венгерские гости с удовлетворением отмечали техническую модернизацию торговых предприятий, широкий ассортимент и высокое качество товаров в магазинах коопторга. Венгерские кооператоры посоветовали расширить ассортимент товаров, реализуемых через систему самообслуживания. В июле 1988 г. делегация Тамбовского облпотребсоюза имела возможность ознакомиться с практикой кооперативной торговли в области Толна. Тщательно изучив опыт торговой кооперации в г. Пакш и других населенных пунктах Толны, тамбовские кооператоры в своем отчете, переданном в Тамбовский обком КПСС, высоко оценили организацию торговли и культуру обслуживания населения. Успехи венгерских кооператоров достигнуты, по наблюдениям гостей из Тамбовской области, «прежде всего на основе профессиональной грамотности, высокого трудолюбия, честности исполнения своих обязанностей всех работников» [25].

В обстановке преобразования советской политической системы и намечаемых кардинальных экономических реформ актуализировалась проблема мотивов и стимулов производительного труда. Непосредственное

отношение к этой проблеме имели профсоюзы. В мае 1989 г. состоялась ознакомительная поездка в Толну делегации Тамбовского областного совета профсоюзов. Внимание тамбовских гостей привлекла позиция венгерских профсоюзных организаций и комитетов в вопросе о коллективных договорах, в особенности о разделах этих документов, касающихся оплаты труда работников. На материалах Сексардского государственного строительного комбината (из 2000 рабочих и ИТР комбината 96 % были членами профсоюза), других предприятий Толны тамбовчане констатировали, что профсоюзные комитеты в большинстве случаев добиваются от администрации повышения зарплаты. Они активно участвуют в улучшении условий труда работников. В отчете тамбовской делегации зафиксировано, что рабочий день на венгерских предприятиях начинается с 6 часов утра и продолжается до 14 часов без обеденного перерыва. Обедают работники «в хорошо оборудованной столовой в 14 часов. В течение рабочего дня трудящиеся получают на своих рабочих местах кофе и бутерброды. Многие сами приносят легкий завтрак из дома. Все работающие и администрация довольны таким распорядком дня. Силами специально созданной второй смены (небольшая группа ИТР и рабочих) администрация имеет возможность подготовить все необходимое и доставить на рабочие места материалы для производительного труда следующего дня». Советские профсоюзные работники отметили, что высокий уровень организации труда обеспечивает хорошие заработки: от 500 до 1000 руб. в месяц у рабочих средней и высокой квалификации. Тамбовчан не могло не впечатлить отсутствие на Сексардском комбинате очереди на получение квартиры. Нуждающиеся в жилье должны были внести в кассу предприятия 50 % сметной стоимости квартиры (остальную часть они выплачивают в течение 10 лет) и заказать по договору ее планировку, размеры и интерьер. Примерно через год заявитель получал ключи от квартиры с отличным, по мнению тамбовских гостей, исполнением всех строительных работ» [26].

Обмен культурными ценностями предполагал, в частности, постановку в 1975 г. на сцене областного драматического театра в Тамбове пьесы современного для тех лет

венгерского драматурга Каталины Бенедек «Город под нами». Премьера спектакля состоялась 3 апреля 1975 г. Пьеса другого венгерского драматурга Дьюлы Урбана «Голубой щенок» была поставлена в 1981 г. на сцене Тамбовского областного театра кукол. В сентябре 1976 г. в Тамбове была организована выставка работ художников Толны [27]. В 1972–1987 гг. самодеятельные коллективы Тамбовщины трижды участвовали в фольклорном фестивале придунайских народов, который проводился в области Толна. С большим успехом прошли в Венгрии, и в частности в Сексарде 4–12 ноября 1973 г., концерты «Ивушки» – народного ансамбля песни и пляски учащихся профтехучилищ Тамбовской области. На концертах «Ивушки» побывало 15 тыс. жителей и гостей Толны. Она была признана лучшим творческим коллективом среди 33 ансамблей и групп, участвовавших в фестивале 1978 г. Высокую оценку профессионализму и моральному облику ансамбля «Ивушка» дал первый секретарь Толненского обкома ВСРП Й.К. Папп в отдельном письме своему коллеге А.А. Хомякову. В августе 1973 г. заслуженно удостоились похвалы выступления в Тамбовской области Сексардского ансамбля песни и танца. «Самобытное искусство коллектива буквально покорило зрителей», – писал В.И. Черный Й.К. Паппу [28].

Между областями-побратимами сложилась практика обменов сборными командами по велоспорту для участия в соревнованиях на «Большой приз Геменца» в Сексарде и приз им. Героя Советского Союза Зои Космодемьянской в г. Тамбове. В октябре 1988 г. в Толну выезжала тамбовская футбольная команда «Спартак», которая провела три товарищеских матча. В двух играх победили гости, в Сексарде победу одержали хозяева. Тамбовским спортсменам и их руководителям была предоставлена возможность ознакомиться с организацией спортивной работы в области Толна. С чувством «белой зависти» тамбовские гости констатировали, что венгерские «стадионы имеют по два футбольных поля, оба в отличном состоянии. В области Толна города с населением 15–30 тыс. человек (в Тамбовской области к январю 1989 г. в этот диапазон попадала только Жердевка, в которой проживало 19,2 тыс. человек. Население городов Моршанск, Ми-

чуринск, Тамбов составляло, соответственно, 50,0 тыс., 109,0 тыс., 304,6 тыс. человек. – А. А.) берутся за содержание команд мастеров по различным видам спорта...». Руководство футбольной команды «Спартак» «досконально» изучило опыт работы спортивного клуба, опекавшего футбольную команду г. Сексарда [29].

Уже отмечалось, что побратимские отношения предполагали завязывание дружеских связей между отдельными гражданами двух областей. Так, за время традиционных соревнований велосипедистов Толны и Тамбовской области (1977–1986 гг.) стали друзьями братья Халас и С. Буданов, С. Петров; П. Шайя и А. Ломакин, В. Шелудяков [30].

Вместе с тем в 1989 г. наметилось «замораживание» двустороннего сотрудничества областей-побратимов. Указав на эту негативную тенденцию, первый секретарь Тамбовского обкома КПСС Е.М. Подольский, тяготевший к консервативному крылу КПСС, связал ослабление побратимского сотрудничества с кризисными процессами, охватившими, по его мнению, Венгерскую Республику и правящую Венгерскую Социалистическую партию. В подтверждение своих оценок Е.М. Подольский привел ряд фактов. Несмотря на приглашение, не состоялся приезд в Тамбов нового партийного лидера области Толна Д. Яноши. По просьбе венгерской стороны была отложена на неопределенное время поездка в Толну группы лекторов Тамбовского обкома КПСС. Безрезультатно закончились переговоры об установлении дружественных связей между Тамбовским областным комитетом ДОСААФ и Толненским комитетом Венгерского оборонного союза. Е.М. Подольский обращал внимание на нерешенность многих вопросов по созданию совместных предприятий. К сказанному надо добавить еще одно наше наблюдение. По случаю Первомайского праздника (1988 г.) Е.М. Подольский получил поздравление от тогдашнего партийного руководителя Толны С. Петера, которое заметно отличалось стилистикой от прежних поздравлений. Ратуя за продолжение побратимских связей Толны с Тамбовской областью, С. Петер пожелал трудящимся Тамбовщины «успехов... в ответственной работе строительства общества». Невольно возникает вопрос: «Почему слово «общества» без привычного определе-

ния — «социалистического» или «коммунистического»? Что это: случайный недосмотр или деликатное умолчание в условиях противоречивой советской перестройки? Скорее второе: еще раньше, в июне 1987 г., С. Петер в письме Е. Подольскому пожелал успехов «в ответственном деле строительства общества» [31].

Тамбовские руководители сохраняли надежду на нормализацию побратимских связей с областью Толна. Они, говорилось в Информации обкома КПСС, направленной в ЦК КПСС, «проводят работу по согласованию с венгерскими друзьями планов сотрудничества на 1990–1991 гг...» [32].

Несмотря на то, что уже нет СССР, а в России и Венгрии сменился общественно-политический строй, не приходится сомневаться в искренности многочисленных, содержащихся практически в каждом документе заверений в дружбе между советским и венгерским народами, пожеланий укреплять побратимские отношения между областью Толна и Тамбовской областью. Конечно, в документах много штампов и клише, рожденных в кабинетах партийных функционеров, которые затем тиражировались и «усваивались» рядовыми гражданами. Но за этими идеологемами, клишированными оценками стояли реальные теплые человеческие чувства и отношения.

В ноябре 1987 г. по случаю празднования 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 15-летия побратимских отношений был организован поезд дружбы «Толна–Тамбов» в составе 130 толненцев. Этот поезд стал символом сложившихся, имевших как подъемы, так и спады, но далеко не исчерпавших себя дружественных отношений между двумя областями-побратимами.

1. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Отдел организационно-партийной работы. Оп. 63. Д. 64. Л. 155-159.
2. Связям крепнуть // Тамбовская правда. 1972. 4 апреля.
3. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 9019 Партийный архив Тамбовского обкома КПСС. Оп. 1. Д. 1169. Л. 1-8.

4. ГАСПИТО. Ф. 1045 Тамбовский обком КПСС. Оп. 12. Д. 40. Л. 88; Оп. 55. Д. 231. Л. 9.
5. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 40. Д. 246. Л. 34-35; Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1501. Л. 28; Ф. 1045. Оп. 40. Д. 246. Л. 39-40; Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1713. Л. 4.
6. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 12. Д. 40. Л. 62, 63.
7. Гости знакомятся с областью // Тамбовская правда. 1972. 7 июля.
8. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 12. Д. 40. Л. 90.
9. Наш общий праздник // Тамбовская правда. 1978. 5 апреля.
10. Протасов Л. Наш общий праздник // Тамбовская правда. 1984. 4 апреля.
11. Вести из области Толна // Тамбовская правда. 1987. 4 апреля.
12. ГАСПИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1648. Л. 19-22.
13. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 12. Д. 21. Л. 130.
14. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 12. Д. 40. Л. 91; Оп. 16. Д. 24. Л. 17.
15. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 12. Д. 40. Л. 91, 92.
16. ГАСПИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1174. Л. 129.
17. ГАСПИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1453. Л. 35.
18. ГАСПИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1501. Л. 44-45.
19. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 19. Д. 80. Л. 13; Д. 204. Л. 8.
20. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 19. Д. 80. Л. 40-42.
21. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 55. Д. 231. Л. 18, 19.
22. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 55. Д. 50. Л. 3, 4; Оп. 56. Д. 160. Л. 16, 61.
23. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 55. Д. 231. Л. 21-32.
24. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 55. Д. 50. Л. 2; Оп. 55. Д. 228. Л. 81.
25. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 40. Д. 246. Л. 28; Оп. 55. Д. 228. Л. 45-46.
26. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 56. Д. 160. Л. 15-19.
27. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 16. Д. 19. Л. 115; Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1594. Л. 10; Ф. 1045. Оп. 16. Д. 24. Л. 52.
28. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 55. Д. 231. Л. 17; Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1159. Л. 2; Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1596. Л. 2; Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1501. Л. 25.
29. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 56. Д. 160. Л. 62; Ф. 1045. Оп. 40. Д. 246. Л. 54-55; Ф. 1045. Оп. 55. Д. 228. Л. 87-88.
30. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 44. Д. 316. Л. 63.
31. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 56. Д. 160. Л. 9; Оп. 47. Д. 282. Л. 48.
32. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 56. Д. 160. Л. 63.

1. РГАНИ (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii). Ф. 5. Otdel organizatsionno-partiynoy raboty. Op. 63. D. 64. L. 155-159.
2. Svyazyam krepnut' // Tambovskaya pravda. 1972. 4 aprelya.
3. GASPITO (Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti).

- F. 9019 Partiyyny arkhiv Tambovskogo obkoma KPSS. Op. 1. D. 1169. L. 1-8.
4. GASPITO. F. 1045 Tambovskiy obkom KPSS. Op. 12. D. 40. L. 88; Op. 55. D. 231. L. 9.
 5. GASPITO. F. 1045. Op. 40. D. 246. L. 34-35; F. 9019. Op. 1. D. 1501. L. 28; F. 1045. Op. 40. D. 246. L. 39-40; F. 9019. Op. 1. D. 1713. L. 4.
 6. GASPITO. F. 1045. Op. 12. D. 40. L. 62, 63.
 7. Gosti znakomyatsya s oblast'yu // Tambovskaya pravda. 1972. 7 iyulya.
 8. GASPITO. F. 1045. Op. 12. D. 40. L. 90.
 9. Nash obshchiy prazdnik // Tambovskaya pravda. 1978. 5 aprelya.
 10. Protasov L. Nash obshchiy prazdnik // Tambovskaya pravda. 1984. 4 aprelya.
 11. Vesti iz oblasti Tolna // Tambovskaya pravda. 1987. 4 aprelya.
 12. GASPITO. F. 9019. Op. 1. D. 1648. L. 19-22.
 13. GASPITO. F. 1045. Op. 12. D. 21. L. 130.
 14. GASPITO. F. 1045. Op. 12. D. 40. L. 91; Op. 16. D. 24. L. 17.
 15. GASPITO. F. 1045. Op. 12. D. 40. L. 91, 92.
 16. GASPITO. F. 9019. Op. 1. D. 1174. L. 129.
 17. GASPITO. F. 9019. Op. 1. D. 1453. L. 35.
 18. GASPITO. F. 9019. Op. 1. D. 1501. L. 44-45.
 19. GASPITO. F. 1045. Op. 19. D. 80. L. 13; D. 204. L. 8.
 20. GASPITO. F. 1045. Op. 19. D. 80. L. 40-42.
 21. GASPITO. F. 1045. Op. 55. D. 231. L. 18, 19.
 22. GASPITO. F. 1045. Op. 55. D. 50. L. 3, 4; Op. 56. D. 160. L. 16, 61.
 23. GASPITO. F. 1045. Op. 55. D. 231. L. 21-32.
 24. GASPITO. F. 1045. Op. 55. D. 50. L. 2; Op. 55. D. 228. L. 81.
 25. GASPITO. F. 1045. Op. 40. D. 246. L. 28; Op. 55. D. 228. L. 45-46.
 26. GASPITO. F. 1045. Op. 56. D. 160. L. 15-19.
 27. GASPITO. F. 1045. Op. 16. D. 19. L. 115; F. 9019. Op. 1. D. 1594. L. 10; F. 1045. Op. 16. D. 24. L. 52.
 28. GASPITO. F. 1045. Op. 55. D. 231. L. 17; F. 9019. Op. 1. D. 1159. L. 2; F. 9019. Op. 1. D. 1596. L. 2; F. 9019. Op. 1. D. 1501. L. 25.
 29. GASPITO. F. 1045. Op. 56. D. 160. L. 62; F. 1045. Op. 40. D. 246. L. 54-55; F. 1045. Op. 55. D. 228. L. 87-88.
 30. GASPITO. F. 1045. Op. 44. D. 316. L. 63.
 31. GASPITO. F. 1045. Op. 56. D. 160. L. 9; Op. 47. D. 282. L. 48.
 32. GASPITO. F. 1045. Op. 56. D. 160. L. 63.

Поступила в редакцию 17.11.2014 г.

UDC 94"19

TAMBOV – TOLNA: TWIN CITIES AREA. 1971–1989 (based on russian archives)

Arutyun Gurgenevich AIRAPETOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor, Professor of General History Department, e-mail: airahist@mail.ru

Two-sided communication Sister areas – Tambov region of the RSFSR and Tolna in the Hungarian People's Republic (HPR) – during the entry of humanity in the information civilization and historical backwardness of the world system of socialism with outwardly seeming to its stability is considered. Particular attention is paid to the role of party leaders of regions in the implementation of friendly relations between the two regions, studies the problems of sister-city cooperation and ways to resolve them. It is noted that the sister-city cooperation has been a constant search for methods and forms increase the efficiency of bilateral business and leisure activities. The mechanisms of building of trust and warm friendly relations between the two regions labor collectives are disclosed. The subject of the analysis was the exchange of production experience collectives of industrial, agricultural, commercial and other enterprises, educational institutions, party, trade union, sports and cultural organizations. The activities of the Tambov regional branch of the All-Union and the primary organizations of the Soviet-Hungarian friendship, in particular the team of teachers and students of Tambov State Pedagogical Institute in order to establish a direct connection with Seksardskiy Pedagogical Institute are described. The attention is drawn to the nature and the cognitive value of the information contained in the documents of the party, reports the delegations of labor collectives, public organizations of the two regions. The value of amicable relations is given.

Key words: twin cities area; exchange of production experience; cultural ties; first secretary of the regional party committee; collective members of the Soviet-Hungarian friendship.

ДЕРЖАВИНОВЕДЕНИЕ

УДК 930 (092)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1785–1788 гг.). ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ГУБЕРНАТОРСТВО В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

© **Нина Сергеевна ЦИНЦАДЗЕ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории государства и права, e-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

Освещается многогранная деятельность знаменитого поэта Г.Р. Державина в системе местного управления Российской империи последней трети XVIII в. Анализ деятельности Державина-губернатора на Русском Севере проводится на основе изучения архивных и опубликованных источников, в т. ч. записок и предложений, опубликованных Я.К. Гротом. Обращается внимание на малоизученные аспекты административной деятельности Державина-губернатора в Олонецком крае. В частности, анализируются его предложения, направленные Олонецкому наместническому правлению, написанные им во время путешествия по губернии с июля по сентябрь 1785 г. Подробно изучаются журналы заседаний Олонецкого наместнического правления, отразившие многоаспектную деятельность Г.Р. Державина в Олони. Раскрывается проблема взаимоотношений с местным чиновничеством. Делается вывод о том, что Г.Р. Державин многое успел сделать в Олонецкой губернии за время своего губернаторства: основал г. Кемь, открыл первую больницу, аптеку, способствовал благоустройству г. Петрозаводска, создал народные училища, губернский архив, почтовую службу, решал проблемы, связанные с переделом земель государственных крестьян, обеспечивал рекрутские наборы, разбирал многочисленные жалобы местного населения, по заданию Академии наук составил топографическое и этнографическое описание губернии, составил административные уставы и правила для ряда учреждений.

Ключевые слова: Г.Р. Державин; государственная деятельность; местное управление; губернатор; Олонецкая губерния; чиновничество Российской империи.

В служебной карьере Г.Р. Державина административная деятельность в системе местного управления Российской империи последней трети XVIII в. занимает особое место. Эта «особость» объясняется широтой его замыслов, неординарностью подхода к практической их реализации, а также высоким накалом борьбы Державина-губернатора с коррумпированным чиновничеством. Опыт управления губерниями был востребован Гавриилом Романовичем на последующих государственных должностях. Можно сказать, что Г.Р. Державин пришел в большую имперскую политику с губернаторского властного уровня и с уже сформированным стилем служебного поведения. Несмотря на «ершистость» характера, принципиальность и законопослушность, Г.Р. Державин, однако, был востребован верховной властью в тех случаях, когда такие качества были необхо-

димы в борьбе с лукавыми и вороватыми подчиненными.

В данном исследовании мы именуем Г.Р. Державина губернатором, следуя двум соображениям. Во-первых, согласно ст. 3 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., должность руководителя губернии называлась «правитель наместничества или губернатор», поэтому закон вполне позволяет употреблять эти два слова как синонимичные [1]. Во-вторых, Г.Р. Державин в деловой документации предпочитал называть себя именно губернатором.

Известно, что Г.Р. Державин был губернатором в Олонецкой и Тамбовской губерниях. В первой статье мы рассмотрим его административную деятельность в Карелии. Хотя пробыл он там всего лишь один год, но очень много успел сделать для развития края,

жители которого и по сей день с благодарностью вспоминают своего первого губернатора – устроителя и просветителя Олони.

Назначение Г.Р. Державина в Олонец губернатором было повышением, но незначительным (или, как называет М.Л. Гольденберг, «ответственной командировкой») [2, с. 110]. Объяснялось это следующим. В числе последних губерний по губернской реформе в 1784 г. в Карелии, на Русском Севере, была создана Олонецкая. Она вместе с Архангельской губернией образовала наместничество во главе с генерал-губернатором Т.И. Тутолминым, непосредственным начальником Г.Р. Державина. Тимофей Иванович Тутолмин, типичный представитель екатерининской гражданской администрации, являлся бывшим кадровым офицером, успел до этого послужить вице-губернатором в г. Твери и губернатором в г. Екатеринославле (ныне – г. Днепропетровск). Как отмечали современники, он был довольно образован, хотя несколько груб и ограничен во взглядах, при этом не лишен тщеславия.

Карелия (или Олонь) хоть располагалась недалеко от Петербурга, но была самой настоящей дикой глушью: непроходимые тундровые леса, болота, отсутствие дорог (пароходное сообщение со столицей появится только в 1860 г.), обширная, но малозаселенная территория. Единственными градообразующими предприятиями Петрозаводска – столицы наместничества – являлись Петровский медеплавильный и Александровский пушечный заводы. Основную часть населения губернского и немногочисленных уездных городов составляли купцы, мещане и рабочие заводов. Петрозаводск был полностью застроен деревянными постройками, улицы его были немощеными и неосвещенными, не было ни лечебных, ни учебных, ни культурных учреждений. Да и административных учреждений там еще толком не было. Четыре уездных города (Олонец, Каргополь, Повенец и Вытерга) мало чем отличались от больших деревень [3, с. 107]. Одним словом, для энергичного поэта-администратора было предоставлено широкое поле для деятельности «с нуля».

Сорокалетний Г.Р. Державин, несмотря на явные трудности, все же с активностью и энтузиазмом взялся за «отправление» своей новой должности. Он переправил водным

путем в Петрозаводск свою библиотеку, насчитывающую 3 тыс. томов книг и журналов, которая стала в городе первой крупной частной библиотекой, а также купленную на личные средства мебель для канцелярских учреждений, взял с собой трех молодых помощников: Н.Ф. Эмина (впоследствии стал губернатором Финляндии), А.М. Грибовского (будущий статс-секретарь Екатерины II) и Ф.Г. Поспелова. За свое 13-месячное пребывание в губернии (с сентября 1784 г. по ноябрь 1785 г.) Г.Р. Державин основал г. Кемь, открыл первую больницу, аптеку, способствовал благоустройству г. Петрозаводска, создал народные училища, губернский архив, почтовую службу, решал проблемы, связанные с переделом земель государственных крестьян, обеспечивал рекрутские наборы, разбирал многочисленные жалобы местного населения, по заданию Академии наук, членом которой он, кстати, являлся с 1783 г., составил топографическое и этнографическое описание губернии, составил административные уставы и правила для ряда учреждений [3, с. 109-111].

При этом его деятельность встречала всяческие препоны в лице местного несведущего чиновничества, недовольного вводимыми им жесткими порядками, необходимостью соблюдения законных рамок работы. В своей принципиальности и активности Г.Р. Державин не мог не столкнуться с властолюбивым и не терпящим новшеств Т.И. Тутолминым. Вновь, как и в случае с П.И. Паниным и А.А. Вяземским, Г.Р. Державин вступил с ним в открытый и непримиримый конфликт, окончившийся, как известно, отставкой Г.Р. Державина.

По справедливому мнению Е.М. Эпштейна, основания для спора с Т.И. Тутолминым у Г.Р. Державина были: во-первых, введенный Т.И. Тутолминым «канцелярский обряд» (правила ведения делопроизводства, составленные им самим) явно противоречил закону, запрещавшему генерал-губернаторам собственное правотворчество, к тому же делал неэффективным делопроизводство; во-вторых, его указание о лесонасаждении явно было лишним в тундровых лесах Онеги и Ладоги; в-третьих, сделанное накануне Т.И. Тутолминым описание Олонецкой губернии пестрило грубыми ошибками и приписками [3, с. 109].

ИНИЦИАТИВНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Не дублируя сведения из монументального биографического труда Я.К. Грота, авторитетных исследований Е.М. Эпштейна [3] и О.Г. Левенштейна [4] о карельском периоде деятельности Г.Р. Державина, обратим внимание на малоизученные аспекты административной деятельности Державина-губернатора в этом крае. В частности, проанализируем его предложения, направленные Олонецкому наместническому правлению, которые появились в результате обнаруженных Г.Р. Державиным там недостатков, просчетов и нарушений. Данные предложения были написаны им во время путешествия по губернии с июля по сентябрь 1785 г., во время которого он их составлял, как говорится, по горячим следам и отправлял нарочным в наместническое правление. Как сообщает Я.К. Грот, подлинные записки были утрачены в архиве Петрозаводска в середине XIX в., однако один из чиновников губернии А.И. Иванов успел снять с них копии, которые теперь хранятся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Всего за три месяца Г.Р. Державиным было составлено 39 предложений, опубликованных академиком Я.К. Гротом в 7-м томе «Сочинений» Г.Р. Державина. Помимо того, что эти предложения содержат ценные сведения о конкретной деятельности Державина-губернатора, они еще дают представление о чиновничьем быте той поры.

Систематизировав все предложения Г.Р. Державина, мы сгруппировали их в семь направлений: вопросы делопроизводства и служебной дисциплины; хозяйственные вопросы; борьба с коррупцией; волокита в судах; межевание земель; рекрутские наборы; социальная сфера (выдача жалований, прием в гражданство иностранных граждан, восстановление сгоревших домов и пр.). Данные замечания мы проанализируем в контексте архивных материалов из журналов заседаний Олонецкого наместнического правления за 1785 г., а также иных опубликованных деловых бумаг Г.Р. Державина [5].

Так, в феврале 1785 г. Г.Р. Державин выявил нарушение в деятельности губернского магистрата, которое заключалось в том, что бургомистр Каратяев не отпускал мещанина

И. Мартьянова в Петербург на мраморные работы, связанные со строительством Исаакиевского собора. Он мотивировал свой отказ выдать мещанину паспорт наличием ложного предписания магистрата не выдавать паспортов на отлучку из губернии без согласия на то отцов заявителей. Однако Г.Р. Державин обнаружил, что такого указания вовсе не было, и рапорт бургомистра был основан на несуществовавших документах. В связи с этим предложение Г.Р. Державина сводилось к тому, чтобы все чиновники наместничества составляли рапорты на основе подлинных документов и в соответствии с законами. А нерадивого бургомистра Каратяева повелел наказать так: наложить на него штраф и «шесть месяцев в каждый субботний день магистратскому стряпчему читать ему высочайшие узаконения и толковать оные, дабы поучение сие могло ему послужить на предбудущее время в спасительное средство избежать от вящшаго наказания за преступление законов и утеснение челобитчиков» [6, с. 45].

Вообще свое предназначение как правителя губернии Г.Р. Державин видел в обеспечении соблюдения закона «и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатств совести и правды не помрачали и не притесняли бы бедность и невинность разных дел проволочками, привязками и нападками» [6, с. 47]. Он разрешил людям любого сословия обращаться к нему лично даже в нерабочее время с жалобами на притеснения и обиды со стороны чиновников. Он считал, что отношение к таким просьбам должно быть максимально чутким [7, л. 69-72].

Много предложений и замечаний было сделано Г.Р. Державиным по *правилам ведения делопроизводства*. Так, он предписывал наместническому правлению не указывать его в журналах заседаний во время фактического отсутствия на заседаниях; во время его отлучки извещать его обо всех происшествиях в губернии через курьеров [6, с. 51, 53-54]. За наложение неправильных резолюций Г.Р. Державин вводил взыскания, как, например, в случае с вытегорской нижней расправой, игнорировавшей предписания вышестоящей инстанции и незаконно требовавшей «справки о справках» [6, с. 75]. К тому же губернский прокурор, советники и судьи палаты гражданского суда не вовремя и непра-

вильно подписывали («крепили») журналы, с чем Г.Р. Державин терпеливо боролся, принося их следовать указаниям закона [5, л. 13-17, 21об.-25].

Губернатором было замечено, что казенная палата нарушала субординацию и раздавала циркуляры судебным ведомствам, что было только в компетенции губернатора [6, с. 78-79]. В некоторых присутственных местах Г.Р. Державин вскрыл случаи неправильного и медленного производства дел (в нижнем земском суде было 119, а в нижней расправе – 38 нерешенных судебных дел). В ряде документов (в ревизских сказках) он обнаружил подчистки и исправления [6, с. 83-85].

Были и случаи наглой клеветы на Г.Р. Державина со стороны чиновников наместнического правления (Соколова, например). Однако Г.Р. Державин великодушно прощал своих обидчиков, а коменданту Михайлову предписывал строго следить за состоянием преступности в городах [6, с. 51-53].

Обращал он внимание и на *упущения в сфере финансов*. В частности, он заметил в д. Янишполь, что откупа отдавались в оброк не на четыре года, как это было закреплено в законе, а на 30 (!) лет без переоборочки. В связи с этим он предписывал директору экономии составить списки всех оброчных статей и привести их в соответствие с требованиями закона [6, с. 54].

К *хозяйству губернии* Г.Р. Державин проявлял недюжинный интерес и рачительность. В этом смысле интересно проанализировать его «Мнение о казенных хлебных магазинах», составленное им в апреле 1785 г. Запасные хлебные магазины устраивались в каждой губернии на случай неурожая и иных бедствий, чтобы помогать крестьянам путем выдачи им займы под небольшой процент семян на посев или хлеба на пропитание. Проведя ревизию ведомостей запасных хлебных магазинов, Г.Р. Державин обнаружил в них путаницу, исправления, недомки, «полное запущение дел», связанных с пополнением складов.

В связи с нехваткой хлеба в данных магазинах он сомневался в целесообразности списания крестьянских долгов, полагая, что это будет способствовать росту крестьянской лени. Хотя губернатор учитывал суровые климатические условия и неплодородие почв края, он предлагал выдавать хлеб бесплатно

только неимущим, а всем остальным продавать его за деньги [6, с. 96-98]. Г.Р. Державин считал, что свободный заем хлеба приумножал долги, т. к. крестьяне на него «беспечно надеялись» и ничего сами не хотели делать. Они, получив в долг хлеб, не довозили до дома (расстояния были велики), продавали в пунктах его выдачи, а деньги пропивали. В то время как финны, замечал Г.Р. Державин, обходились и без хлеба, питаясь «рыбою, ужом корнем и сосновым хлебом» [6, с. 101].

Г.Р. Державин предлагал распоряжаться хлебными запасами по-хозяйски: поставить выдачу хлеба под контроль наместнического правления, директора экономии, нижнего земского суда; раздавать хлеб только деревенским старостам под расписку. Директор экономии, по плану Г.Р. Державина, должен был требовать от старост данные о посевах хлеба, о распоряжении семенным фондом, выданным в долг. В случае утайки и неправильных данных считал нелишним наказывать старост путем отправки их в работный дом. Старосты должны были заботиться об увеличении урожайности хлебов. Для того чтобы занять местное население и дать возможность заработать им деньги, Г.Р. Державин предлагал также развивать промыслы [6, с. 102-103].

Продумал Г.Р. Державин и случаи возможного злоупотребления: покупку дешевого хлеба купцами для последующей перепродажи. Он предлагал выдавать хлеб только по подтвержденным свидетельствам от нижнего земского суда, а всем остальным продавать его на 12 % дороже. По его подсчетам, на вырученные деньги можно было бы вновь пополнить магазины необходимыми запасами. В связи с большими расстояниями, бездорожьем и трудностями дороги, Г.Р. Державин считал целесообразным назначить удобное время для раздачи хлеба – апрель и ноябрь. Предписывал, чтобы крестьяне приезжали за ним целыми семьями, а ответственность за доставку хлеба в селения в целостности возлагалась на старост. В случае неурожая у одной части селения другая должна была помогать ей, т. е. Г.Р. Державин предлагал создать наряду с государственными хлебными магазинами и крестьянские складочные магазины, которые приучили бы крестьян к трудолюбию и бережливости [6, с. 104-105]. Подумал он и о том, как исполь-

зывать оставшийся монастырский хлеб: он предлагал выбрать из зажиточных крестьян ларечного, который бы раздавал и продавал бы его своим собратьям [6, с. 107].

Отдельно Г.Р. Державин указывал на необходимость обязательного взыскания с крестьян процентов за выданный хлеб по принципу круговой поруки, чтобы было на что закупать новые запасы. Согласно его плану, приходно-расходные книги из магазинов должны были два раза в год присылаться в казенную палату для проверки [6, с. 105-106].

Этот довольно продуманный в хозяйственном отношении план так и не был реализован: посланный Т.И. Тутолмину он остался без ответа.

Находясь в Олони, Г.Р. Державин заинтересовался *вопросом обеспечения страны собственной солью*. В 1785 г. он составил «Примечание о поморских соляных варницах». Он подробно изучил историю зарождения этого промысла на Белом озере, состояние варниц, технологию выварки соли, устройство варниц и порядок поставки соли в города. Г.Р. Державин сообщал, что до того как в 1775 г. монастырские хозяйства перешли в ведение коллегии экономии, соляные варницы принадлежали Соловецкому монастырю и местным крестьянам. Объемы поставки соли не были четко регламентированы, и ее поставляли, сколько выварят. Потом монастырские варницы стали казенными и были переданы Главной соляной конторе, которая передала их под непосредственное руководство Олонецкому соляному комиссариату. Все бывшие монастырские варницы и сопутствующее к промыслу имущество были переданы крестьянам. Однако состояние варниц оставляло желать лучшего: «уповательно, нигде никаких фабрик и заводов, так худо устроенных и в таком нерадении содержанных, не находится, каковы наши морские соляные варницы». «Все похожи бедностью строений, нечистотой, сором, варницы больше походят на скотские хлевы, чем на строения. Соль производится в яме на сковороде, примитивно. Сушат соль в ларях, похожих на собачьи конуры. Амбары тоже неказистые, не имеют толком ни дверей, ни замков. Печатей не имеют, хотя их нетрудно сделать», — описывал устройство варниц Г.Р. Державин [6, с. 647-650].

Изучив историю и состояние Медвежьегорских *золотых и серебряных приисков*, Г.Р. Державин считал необходимым увеличить ассигнования на развитие этой отрасли промышленности в интересах государства [8].

Особой головной болью губернатора были *рекрутские наборы*. Г.Р. Державин указывал нижним земским судам разыскивать уклонявшихся от службы мещан и крестьян и принуждать их к военной службе [6, с. 54-55].

Не оставались в стороне от внимания губернатора и *экологические вопросы*: он запрещал устраивать заколы на реках, которые препятствовали бы рыбной ловле и судоходству по рекам [6, с. 55].

Много предложений касалось *урегулирования споров между государственными крестьянами* в результате проведения Генерального межевания земель. Г.Р. Державин предписывал директору экономии самолично объезжать спорные участки и улаживать несоответствия на месте [6, с. 56]. Однако он превышал свои полномочия. И вместо того чтобы собрать сведения и составить на их основе предложения о размежевании земель между крестьянами, издавал противоречащие друг другу приказы крестьянским старостам. По словам Г.Р. Державина, они вызвали в Вытегорском уезде раздоры и драки, «близкие к смертоубийству и междоусобному возмущению» [6, с. 59]. Об этом Г.Р. Державин в октябре и ноябре 1785 г. написал рапорты в Сенат как ответ на жалобы на него генерал-губернатора [6, с. 87-93]. Он оправдывался за свои действия по усмирению взбунтовавшихся крестьян, отмечая, что пытался исправить необдуманные действия директора экономии, устроил суд в г. Пудоже на месте волнений, т. к. нижняя расправа находилась в г. Вытерге, а он знал (по опыту подавления Пугачевского восстания), что медлить в таких делах было нельзя.

Забываясь об освоении края и *привлечении иностранных специалистов* («как это требуют здравый рассудок и польза государственная»), Г.Р. Державин предлагал распространить льготы не только на тех иностранцев, которые переселялись в Россию целыми семьями, но и поодиночке, как в случае со шведами Авраамом Егоровым и Павлом Падеровым [6, с. 65-66, 77-78].

Есть распоряжения Г.Р. Державина и о *строительстве казенных зданий в новых го-*

родах [6, с. 58]. Уделял внимание он и *правильной застройке улиц*, предписывал соблюдать утвержденные градостроительные планы. Так, он наказывал земским нижним судам и капитан-исправникам следить за тем, чтобы сгоревшие или ветхие крестьянские дома вновь выстраивались по городскому плану, соблюдая направление улиц. Для этого он советовал заранее выдавать крестьянским старостам копии планов городской застройки [6, с. 74-75].

СТОЛКНОВЕНИЯ С ОЛОНЕЦКИМ ЧИНОВНИЧЕСТВОМ

Особенное возмущение вызывали у Г.Р. Державина коррупционные случаи. Так, из предложения о командировании стряпчего верхнего земского суда Бидберга в г. Каргополь для расследования дела о тамошних взятках мы узнаем, что все судьи, секретари, стряпчие и канцелярские служащие, кроме новоизбранных магистратских и сельских заседателей, неискушенных в административном деле, а также городничего Дернова, оказались взяточниками и находились под судом. Расследовать это дело попросту было некому, т. к. все были замешаны в коррупции и имели заинтересованность в деле. Однако губернский прокурор Грейц запретил посылать стряпчего Бидберга в Каргополь, ссылаясь на обилие судебных дел в Петрозаводске. На что Г.Р. Державин возражал, указывая на то, что Бидберг уже полгода сидел без дела. Он напоминал прокурору и то, что для введения Тутолминского «канцелярского обряда» по уездам время у стряпчих нашлось, а для независимого расследования фактов взяточничества – нет [6, с. 67-69]. К тому же Г.Р. Державин жаловался на Грейца за то, что тот «слабо исполнял свои обязанности», незаконно содержал более трех недель колодников, не допрашивая их. В ведомстве прокурора, по сообщению Г.Р. Державина, находилось много нерешенных дел, давность которых исчислялась десятками лет [5, л. 21].

Боролся Г.Р. Державин с губернским прокурором и советником Соколовым за выдачу заслуженного жалованья секретарю наместнического правления Сафонову за дополнительную работу и выполнение отдельных поручений губернатора [6, с. 70-72]. Он напоминал губернским чиновникам, что в

силу закона он, как губернатор, имел право доплачивать деньги своим подчиненным за выполненные поручения сверх штата, не выходя за рамки отведенной суммы на жалование канцелярским служащим.

Столкновение с советником Соколовым было вызвано тем, что Г.Р. Державин понуждал его к добросовестному исполнению обязанностей, а тот всячески тому противился, отказывался подписывать протоколы и журналы собраний наместнического правления, мотивируя нежеланием подчиняться младшему по возрасту и по должности секретарю Сафонову [6, с. 75-77]. Дело началось еще в июле 1785 г., когда Соколов, проявив неуважение к губернатору, не стал подписывать протокол собрания наместнического правления, сказавшись больным. На дому он тоже не стал ничего подписывать, хотя по закону он это мог и должен был делать. Г.Р. Державин решил провести медицинское освидетельствование заболевшего. Г.Р. Державин предписывал строптивому советнику в случае его несогласия с губернаторскими решениями сообщать ему об этом письменно, напоминая о том, что все приказы губернатора следует исполнять [5, л. 1-4об.].

Из-за въедливости и стремления контролировать подчиненных Г.Р. Державин вступил в противоречие с губернским прокурором, который жаловался Т.И. Тутолмину на то, что губернатор рассматривает те дела, которые адресованы прокурору. Г.Р. Державин отвечал, что смотрел копии прокурорских бумаг и заметил неправильное применение статей закона: стряпчий и губернский прокурор необоснованно затягивали решения многих судебных дел. Г.Р. Державин подчеркивал, что он как правитель наместничества имел право знакомиться с этими документами и понуждать нерадивых чиновников к более быстрому и объективному рассмотрению дел в судах. Более того, Г.Р. Державин предлагал приобрести для губернского прокурора столы, шкафы, стулья, специальные сейфы для хранения протоколов и журналов [5, л. 5об.-8].

Такую заботу судебские чиновники не оценили и, как следует из журнала заседания Олонецкого наместнического правления за июль 1785 г., писали неположенные резолюции и не уведомляли губернатора о ходе рассмотрения дел. Г.Р. Державин настойчиво

вел свою линию: предписывал всем ведомствам сохранять узаконения наместнического правления, «чтобы правосудие и истина во всех судебных и подчиненных ему местах обитали и чтоб ни знатность вельмож ни сила богатых совести и правды помрачить, и бедность вдов и сирот тщетно проливая слезы в делах справедливых утеснена не была» [5, л. 10-10об.].

Итог такого противостояния был предсказуем. Г.Р. Державин в ноябре 1785 г. выехал из губернии под предлогом осмотра двух уездов. Сам же направился в Петербург искать заступничества Сената и императрицы. Он написал возражения на все обвинения Т.И. Тутолмина. В них он критиковал введенный Т.И. Тутолминым «канцелярский обряд» [6, с. 109-110, 112]. Его исполнения Т.И. Тутолмин, по мнению Г.Р. Державина, требовал как сенатских указов, «возомня себя законодателем» [6, с. 115]. Г.Р. Державин возражал также против стремления начальника собрать все свои узаконения в единую книгу, считая это прерогативой Сената. В свою очередь Г.Р. Державин предлагал вести реестр всех указов и распоряжений императрицы и Сената в хронологическом порядке, записывая в нем их краткое содержание и сравнение со старыми законами. Распоряжения же губернских властей необходимо было собирать в отдельном перечне, не смешивая с вышестоящими узаконениями. Подлинные указы с подписью императрицы Г.Р. Державин советовал хранить в отдельном ковчеге и выставлять на специальном столе в губернском правлении. Г.Р. Державин вспоминал при этом беспрецедентную в истории страны работу Уложенной комиссии, членом которой он тоже был. Она, по его словам, являлась «неслыханным примером снисхождения угождать подданным, а не то, чтобы подданные раболепствовали своенравию монарха» [6, с. 644-646].

Г.Р. Державин обвинял Т.И. Тутолмина во введении новых сборов по губернии, ущемлении его прав как правителя наместничества, в то время как он «скромно переносил сделанные ему неуважения» [6, с. 111, 114]. Указывал он и на личные предпочтения генерал-губернатора местным чиновникам: покровительство советнику Шишкову (он его защищал от нападок Г.Р. Державина), прокурору верхнего земского суда, который за

«ревностную» службу (ничего не делал и отсутствовал на рабочем месте в течение полугода) был награжден очередным чином, губернскому казначею Дациевичу, который совершал махинации с казенными деньгами при строении присутственных мест (видимо, как предполагал Г.Р. Державин, за это был награжден аж тремя чинами сразу) [6, с. 119]. Т.И. Тутолмин, по сведениям Г.Р. Державина, как будто и не видел всех беспорядков и ничего не предпринял по их устранению [6, с. 120]. Генерал-губернатор сам нарушал законы, хотя был поставлен для их исполнения и защиты. В частности, он составил «черненный своей рукой судебный приговор», принятый впоследствии к исполнению [6, с. 121].

В письме к поэту и другу В.В. Капнисту от 29 апреля 1785 г. Г.Р. Державин не без иронии замечал, что Т.И. Тутолмин – «негодный стихоткач, как и худой законодатель» [9, с. 409]. В письме к императрице Г.Р. Державин писал о том, что он только один во всей Олонецкой губернии посмел противиться «самовластью» Т.И. Тутолмина, последовательно насаждавшего свой «канцелярский обряд». Он жаловался царице, что 4 месяца терпел стыд и унижение от самодура-начальника. Он действовал в соответствии с губернаторскими предписаниями, где было зафиксировано, что его обязанность была бороться с не порядками и злоупотреблениями [9, с. 413-414].

Т.И. Тутолмин тоже не сидел сложа руки, обвиняя Г.Р. Державина в попустительстве и «недоброхотстве» по должности. Даже уже спустя 7 лет после отъезда Г.Р. Державина из Олонецкой губернии он в письме от 20 июня 1792 г. к фавориту императрицы П.А. Зубову просил его содействия в споре с Г.Р. Державиным. Настаивал на прекращении сбора документов сенатским чиновником Медером в губернии по инициативе Г.Р. Державина. Он писал, что никогда никто на него не жаловался прежде [10, л. 204-205об.].

Таким образом, недолгое присутствие беспокойного поэта во главе Олонецкого наместнического правления оставило глубокий след в памяти современников и потомков. Надо отдать должное Г.Р. Державину, который, не имея ни малейшего представления о сущности губернаторской должности, необходимого опыта и помощников (в правлении

работали даже дети и подростки, мало-мальски знавшие грамоту), смело и уверенно стал развивать губернию [3, с. 107]. Вопреки устоявшимся предвзятым мнениям (С.А. Приклонского [11], П.И. Иванова [12] и прочих), Г.Р. Державин действовал вполне продуманно, адекватно обстоятельствам и духу времени, все его предложения были разумны и при должных условиях в случае их реализации принесли бы немало выгод Олонецкому краю. Конечно, нельзя не заметить напористость, фееричную энергию, своеволие, прямолинейность при воплощении задуманных мер, мешавшие в служебных и личных отношениях с начальством и подчиненными. Некоторые предложения опережали свое время, не находя понимания и поддержки у современников (например, систематизация законодательства была проведена только в первой трети XIX в., создание негосударственных запасных хлебных магазинов произошло только после отмены крепостного права и пр.).

Несмотря на сопротивление со стороны подчиненных, с низким моральным уровнем которых он вынужден был бороться, проблемы с материальным обеспечением (нехватка средств на обустройство присутственных мест), перебои с выплатами жалования чиновникам (например, в протоколе заседания Олонецкого наместничества за март 1785 г. упоминалось, что в последний раз служащие получали жалование в декабре 1784 г.), усилиями Г.Р. Державина в Олонецкой губернии были заложены основы государственной службы, профессиональных традиций и кадров, качественно отличившихся от петровского времени. Г.Р. Державин не избегал ответственности: лично возглавил работу Приказа общественного призрения. На строительство первой в губернии больницы Г.Р. Державин пожертвовал из личных средств 100 руб., притом что его годовое жалование составляло 3 тыс. руб. [13].

Не играло лишь на руку активному губернатору его ярое, чрезмерное стремление следовать закону [14]. Было наивно полагать, что в отдаленной глухой губернии, где местное начальство было ближе и почиталось выше столичного, процветали законность и справедливость. Характерно, что взятый служебный стиль поведения не корректировался в зависимости от обстоятельств и лю-

дей [15]. Г.Р. Державин бросал вызов системе и отчаянно ей сопротивлялся.

1. Полное собрание законов Российской империи: в 20 т. № 14 392. Спб., 1830. Т. 20.
2. Гольденберг М.Л. Г.Р. Державин: у истоков Олонецкой губернии // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции (13–15 июля 2010 г.). Казань, 2010. С. 109–114.
3. Эпштейн Е.М. Г.Р. Державин в Карелии // Север. 1985. № 8. С. 106–112.
4. Левенштейн О.Г. Державин. Государственная деятельность (1784–1796 гг.) Казань, 2008.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1400. Оп. 1. Д. 690.
6. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Спб., 1872. Т. 7. Сочинения в прозе.
7. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 96. Оп. 3. Д. 8.
8. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 693.
9. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Спб., 1869. Т. 5. Переписка 1773–1793 гг.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 247. Оп. 1. Т. 20.1.
11. Лонский (Приклонский) С.А. Державин в Петрозаводске // Русская мысль. 1883. № 10. С. 175–212; № 11. С. 235–265.
12. Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. Спб., 1863.
13. Гольденберг М.Л. Г.Р. Державин – основатель государственной службы в Олонецкой губернии // Державинский сборник-2010 / отв. ред. О.П. Лурье, М.Л. Гольденберг. Петрозаводск, 2010. С. 32–36.
14. Цинцадзе Н.С. Политико-правовые и общественные взгляды Г.Р. Державина // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 6 (134). С. 235–239.
15. Цинцадзе Н.С. Феномен Г.Р. Державина в государственно-политической жизни России последней трети XVIII – начала XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 4 (132). С. 199–208.

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: v 20 t. № 14 392. Spb., 1830. T. 20.
2. Gol'denberg M.L. G.R. Derzhavin: u istokov Olonetskoy gubernii // G.R. Derzhavin i dialektika kul'tur: materialy Mezhdunarodnoy

- nauchnoy konferentsii (13–15 iyulya 2010 g.). Kazan', 2010. S. 109-114.
3. *Epshteyn E.M.* G.R. Derzhavin v Karelii // Sever. 1985. № 8. S. 106-112.
4. *Levenshteyn O.G.* Derzhavin. Gosudarstvennaya deyatel'nost' (1784–1796 gg.) Kazan', 2008.
5. RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). F. 1400. Op. 1. D. 690.
6. Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grot: v 9 t. Spb., 1872. T. 7. Sochineniya v proze.
7. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom) RAN. F. 96. Op. 3. D. 8.
8. RGIA. F. 1400. Op. 1. D. 693.
9. Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grot: v 9 t. Spb., 1869. T. 5. Perepiska 1773–1793 gg.
10. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. F. 247. Op. 1. T. 20.1.
11. *Lonskiy (Priklonskiy) S.A.* Derzhavin v Petrozavodske // Russkaya mysl'. 1883. № 10. S. 175-212; № 11. S. 235-265.
12. *Ivanov P.I.* Opyt biografii general-proku-rorov i ministrov yustitsii. Spb., 1863.
13. *Gol'denberg M.L.* G.R. Derzhavin – osnovatel' gosudarstvennoy sluzhby v Olonetskoy gubernii // Derzhavinskiy sbornik-2010 / otv. red. O.P. Lur'e, M.L. Gol'denberg. Petrozavodsk, 2010. S. 32-36.
14. *Tsintsadze N.S.* Politiko-pravovye i obshchestvennye vzglyady G.R. Derzhavina // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2014. Vyp. 6 (134). S. 235-239.
15. *Tsintsadze N.S.* Fenomen G.R. Derzhavina v gosudarstvenno-politicheskoy zhizni Rossii posledney treti XVIII – nachala XIX v. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2014. Vyp. 4 (132). S. 199-208.

Поступила в редакцию 10.11.2014 г.

UDC 930(092)

ACTIVITY OF G.R. DERZHAVIN IN SYSTEM OF LOCAL GOVERNANCE OF RUSSIAN EMPIRE (1785–1788). FIRST PART. GOVERNORSHIP IN OLONETSK PROVINCE

Nina Sergeyevna TSINTSADZE, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of History of State and Law Department, e-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

The manifold activities of the famous poet G.R. Derzhavin in the system of local government of the Russian Empire in the last third of the 18th century are highlighted. Analysis activities of G.R. Derzhavin as the governor in the Russian North is based on a study of archival and published sources, including notes and proposals published by Y.K. Grot. The attention is paid to the lesser known aspects of the administration of G.R. Derzhavin as the governor in Olonetsk region. In particular, it examines the proposals submitted to Olonetsk province administration, written him while traveling through the province from July to September 1785. Journals of sessions of Olonetsk province administration, reflecting multifaceted Derzhavin's activities in Olon are studied. The problem of relations with local officials is disclosed. It is concluded that G.R. Derzhavin did a lot in Olonetsk province during his governorship, founded the city of Kem, opened the first hospital, drugstore, promoted improvement of Petrozavodsk, created the national schools, provincial archives, the postal service, to solve problems associated with redistribution of lands of state peasants, provided the conscription, understands the numerous complaints of the local population, on the instructions of the Academy of Sciences created topographical and ethnographical description of the province, drawn up administrative regulations and rules for a number of institutions.

Key words: G.R. Derzhavin; state activity; local governance; the governor; Olonetsk province; bureaucracy of the Russian Empire.

ИНФОРМАЦИЯ

УДК 82-83

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ ДИАЛОГ ФИЛОЛОГОВ

© **Лидия Ивановна ШИШКИНА**

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
кандидат филологических наук, профессор Северо-Западного
института управления, e-mail: lidia_shishkina@mail.ru

© **Кира Дмитриевна ГОРДОВИЧ**

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор Северо-Западного института печати, e-mail: lidia_shishkina@mail.ru

В отклике известных петербургских ученых приведена аналитическая информация о международном конгрессе литературоведов «Первые российско-украинские филологические чтения «Диалог славянских культур», прошедшем в рамках Договора о сотрудничестве Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина). Обоснована актуальность и значимость этой стратегии международного культурного взаимодействия.

Ключевые слова: современная социокультурная ситуация; международный российско-украинский «Диалог славянских культур»; миссия русской и украинской литератур.

2014 г. ознаменован тремя значительными литературными юбилеями: 200-летием со дня рождения М.Ю. Лермонтова (1814–1841) и Т.Г. Шевченко (1814–1861), 130-летием со дня рождения Е.И. Замятина (1884–1937). Им был посвящен международный конгресс литературоведов, проходивший 1–4 октября в двух старинных городах центральной России – Тамбове и Ельце. В нем приняли участие более 120 филологов. Если лермонтовская и шевченковская даты широко отмечены в разных городах России и Украины, то тамбовско-елецкий форум стал самым масштабным мероприятием в память об авторе романа «Мы».

Тамбов давно получил всероссийскую и международную известность как авторитетный центр изучения творчества Евгения Замятина. Начиная с 1992 г., в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина регулярно проводятся Замятинские чтения, собирающие известных литературоведов нашей страны, дальнего и ближнего зарубежья. Их результатом стали 15 томов материалов, объединенных под общим назва-

нием: «Творческое наследие Е.И. Замятина: взгляд из сегодня». В университете создан и продуктивно работает Международный научный центр изучения творческого наследия Замятина с филиалами в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина, социально-педагогическом институте Мичуринского государственного аграрного университета и представительствами в Ягеллонском (г. Краков, Польша), Лозаннском (Швейцария) университетах. Блестящим подтверждением плодотворности коллективных усилий в изучении определенного круга проблематики стала научная школа замятиноведения, созданная бессменным руководителем центра, его душой и генератором творческих идей – заслуженным деятелем науки РФ, доктором филологических наук, профессором Л. Поляковой. Именно ее творческая самоотдача, организаторский дар объединяют, вдохновляют и молодых исследователей, ныне докторов и кандидатов наук, во многом определяющих культурное лицо Центрально-Черно-земного региона. Дух преемственности, без которой не может существовать нау-

ка, всегда ощутим в атмосфере Замятинских чтений. На наших глазах возникла традиция включения в общую программу конференций международного конкурса научных работ нового поколения исследователей. На этот раз он назывался «Русская литература в современном мире: взгляд молодых» (председатель жюри – профессор ТГУ им. Г.Р. Державина Н. Желтова).

В этом году традиционный формат Замятинских чтений был изменен. Встреча литературоведов проходила в рамках Первых российско-украинских филологических чтений «Диалог славянских культур». Его организаторами, наряду с Тамбовским и Елецким университетами, стали Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина), с которым у ТГУ им. Г.Р. Державина заключен Договор о сотрудничестве, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Финансовую поддержку конгрессу, кроме ТГУ им. Г.Р. Державина и ЕГУ им. И.А. Бунина, оказали фонд «Русский мир», администрация Тамбовской области и Тамбовское отделение Сбербанка России.

Следует особо сказать об актуальности и значимости избранной стратегии международного культурного взаимодействия. В современной социокультурной ситуации проблема диалога является одной из важнейших. Ее уникальность заключается в том, что в сегодняшнем мире водоразделом становится не столько политика и идеология, сколько культура как хранительница духовного опыта нации и носительница сложившейся системы ценностей; побеждает тот, кто имеет возможность контроля над культурными моделями развития. Ответом на «культурный шок» глобализма стало стремление к национальной и культурной самоидентификации, повышенное внимание к своей национальной принадлежности, языку, религии, обычаям. Столкновения этих тенденций обусловили главный конфликт нового тысячелетия, который американский социолог и публицист С. Хантингтон обозначил как «столкновение цивилизаций». Способом разрешения многочисленных цивилизационных конфликтов, ставящих современный мир на грань катастрофы, может быть только диалог культур. На конгрессе ярко прозвучало приветственное послание одного из ведущих отечественных

текстологов, специалиста по творчеству Замятина М. Любимовой, подчеркнувшей роль славистических съездов. Они, «начиная с первого Пражского съезда 1929 г., стали влиятельными международными научными форумами. На этих съездах обсуждались кардинальные проблемы, важные в теоретическом отношении не только для славистики... На славистических конгрессах специалисты всего мира могли обмениваться опытом и оценками. Благодаря этому в периоды политических кризисов и военных конфликтов создавался альтернативный путь для общения и взаимопонимания наций... Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина и Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина в течение более двух десятилетий последовательно осуществляют образовательные, исследовательские и издательские проекты в области литературоведения, лингвистики и краеведения... Авторитет тамбовского научного центра признан мировым научным сообществом».

В этом контексте вновь актуализируется традиционная идея о миссии русской культуры. Особенности русского сознания – «всемирная отзывчивость русской души», о которой говорил Ф.М. Достоевский, толерантность, готовность принять и осмыслить «иные» ценности – всегда делали его открытым для диалога. Литература, зеркало и «код культуры» более всего предоставляют эту возможность. И когда на конгрессе известная украинская исследовательница О.В. Червинская вдумчиво, с тонким проникновением в текст анализировала стихотворение М.Ю. Лермонтова «Молитва», то обнажались те самые общечеловеческие проблемы, которые во все времена волнуют и объединяют людей всех национальностей, независимо от внешних обстоятельств и политической конъюнктуры.

Международный конгресс в Тамбове–Ельце наглядно явил целесообразность российско-украинского культурного диалога. Интерес к нему славистов из разных стран не случаен. Кроме российских литературоведов, представлявших научные школы Москвы, Петербурга, Саратова, Смоленска, Саранска, Томска и некоторые другие, в нем приняли участие ученые из Великобритании, Италии, Китая, США, Узбекистана, Швейцарии, Япо-

нии. Состоялся видеомост с Парижем, участников приветствовал один из ведущих русистов, профессор Лозаннского университета и Сорбонны М. Геллер, неоднократный участник Замятинских чтений в Тамбове. В адрес научного форума поступило приветствие от известного немецкого слависта, профессора университета в Майнце Р. Гольдта. «Дорогая Лариса Васильевна... По собственному опыту я знаю уровень тамбовских конгрессов и могу утверждать: Вам есть чем гордиться! Конгресс проходит под знаменем «русско-украинских филологических чтений» в трудные дни распри и братоубийства, которые вместе с Вами болезненно переживает вся европейская общественность. Хотелось бы надеяться, что Ваша чудесная идея «диалога славянских культур» станет воистину чудотворной, человечность – вечной. *Желаю Вам успехов в нашем общем деле! Бажаю Вам успіхів в нашій загальній справі!*» В программе конгресса заявлено 16 докладов украинских ученых из Национальной академии Украины (Киев), университетов Луцка, Житомира, Черновцов, Донецка, Славянска. В силу обстоятельств не все смогли приехать, но их статьи опубликованы, они демонстрируют высокий уровень современного украинского литературоведения.

Естественно, что столь представительное мероприятие предполагает подведение определенных итогов, расстановку акцентов и определение перспектив. Необходимо дальнейшее совершенствование заявленной проблематики, методологии ее исследования, углубление предложенных идей и решений. Представленные на конференции доклады отличались разнообразием подходов. Это были и традиционные историко-литературные исследования, и прочтение текста на основе современных постмодернистских концепций, и попытки синтетического философского, психологического и литературоведческого анализа в докладах профессоров Техасского университета Б. Кука, одного из основателей современной школы биопозитики, О. Табачниковой (Smith) (Великобритания), исследующей замятинский роман «Мы» в контексте европейского иррационализма, Л. Поляковой об историсофской концепции Замятина. Особый интерес вызвали результаты архивных разысканий, позволяющие вводить в научный оборот новые

материалы. Сложную историю издания «Мы» на русском языке на основе изучения Бахметевского архива Колумбийского университета и архивных материалов Гуверского института Стэнфордского университета восстановил Юкио Накано (Япония); исследователь из Петербурга И. Ерыкалова обнаружила один из вариантов финала трагедии «Атилла»; Н. Замятина, внучатая племянница писателя (Липецк), познакомила с результатом многолетней работы по восстановлению генеалогического древа рода Замятиных.

Разнообразием отличалась и тематика докладов. Некоторые из них были весьма неожиданными, позволяющими посмотреть, в частности, на хорошо знакомый текст романа «Мы» с новой стороны: «Аутизм в романе «Мы» (Б. Кук, США) или «Шаманизм в романе «Мы» (О. Муллер Кук, США). С другой стороны, продолжилось характерное и для предшествующих Замятинских конференций соотношение творческого метода писателя с художественными поисками его современников. Вызвали интерес параллели Е. Замятина и М. Горького (Т. Давыдова, И. Шайтанов, Москва), Е. Замятина и А. Куприна (И. Шайтанов), Е. Замятина и А. Белого (О. Муллер Кук, Техас, США), Е. Замятина и Л. Андреева (Л. Шишкина, Санкт-Петербург.). Значимо в современном контексте прозвучал доклад Н. Комлик (Елец) «Русь изначальная в романе «Мы».

Тематика конгресса значительно расширилась за счет обсуждения теоретических проблем, таких как место компаративистики в современном литературоведении (А. Эсалнек, Москва) и проблемы перевода (О. Мещерякова, Елец), особой роли литературных явлений «второго ряда» (Д. Московская, Москва) и методологии восприятия текста (Б. Иванюк, Елец). Все заявленные доклады опубликованы в двух объемных томах издания «Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности» (более 80 п. л.). Первый том, посвященный Замятину, вышел в Тамбове; второй, включающий доклады по другим писательским персоналиям и вопросам общего литературоведения, – в Ельце.

Неоценима роль участников международных встреч в обогащении научно-исследовательской базы российских научных центров, прежде всего вузовских. На этот раз

Б. Кук в дар Тамбовскому университету передал не только свою монографию «Человеческая природа в утопии»: «Мы» Замятина» (“Human Nature in Utopia: Zamyatin’s We”. Northwestern University Press, 2002), специальный выпуск авторитетного североамериканского журнала *Canadian-American Slavic Studies* (2011. Вып. 45, № 3-4), представляющего собой подготовленную Б. Куком своеобразную антологию по роману «Мы», включающую и составленную им библиографию. Тамбовский университет получил от американского профессора копию авторской машинописи первой редакции романа «Мы», хранящуюся в библиотеке университета Олбани (Нью-Йорк). Значение этого раритета можно оценить в полной мере лишь хорошо зная сложную историю издания романа на русском языке, в которой до сих пор не поставлена точка.

Расширенная программа конгресса включила в себя проведение двух мастер-классов. Профессор В. Агеносов (Москва) познакомил участников конференции и студентов-филологов с малоизвестными фактами из судеб русских литераторов второй волны эмиграции. Мастер-класс, проведенный профессором А. Ванюковым (Саратов), был посвящен еще одному культурному юбилею – столетию выхода в свет монументального труда С.А. Венгерова «Русская литература XX века».

Одна из важнейших функций культуры – коммуникативная. Значимость встреч, подобных российско-украинским чтениям, заключается не только в обмене научными идеями во время слушания докладов, но и в тех оживленных дискуссиях, которые продолжались в кулуарах во время непосредственного дружеского общения. В них прояснялись позиции, и не только научные, рушились стереотипы, устанавливались контакты. Неоспорима их роль в сохранении культурной памяти, без которой невозможно существование народа и нации. Во многом благодаря авторитету регулярно проходящих в Тамбове и Ельце Замятинских чтений, на родине Замятина в тамбовской Лебедяни (ныне Липецкая область) был воссоздан Дом-музей писателя и установлен его бюст. Пять лет назад во время традиционной итоговой поездки в Лебедянь участники конгресса стали свидетелями торжественного открытия му-

зея. Каждый из них оказался причастным к восстановлению не только дома, но и знаменитого замятинского сада, о плодах которого писатель неоднократно с восторгом вспоминал в своих письмах. Каждый из них посадил яблоньку. Яблоньки прижились, подросли, некоторые дали плоды. Старый дом ожил, в нем создана интереснейшая экспозиция, многое делается для того, чтобы он стал культурным центром Лебедяни. Отдавая должное энтузиазму музейных работников, имеющих большие планы по расширению музейного пространства, вниманию и пониманию лебедянской администрации, нельзя не отметить стоящих перед ними проблем по сохранению культурного наследия. В срочной реставрации нуждается дом, в котором останавливался Андрей Белый, достойны памятного знака другие дома: и тот, в котором жил близкий друг Замятина художник Б. Кустодиев, и тот, где М. Булгаков работал над своим «Театральным романом». Уникальная природа Лебедяни, ее архитектурный облик, сохранивший старинные постройки, имена ее уроженцев – писателя Замятина и композитора К.Н. Игумнова, которыми гордятся лебедянцы, и их знаменитых современников – все это может стать залогом превращения «маленькой точки на карте», как назвал Лебедянь в своей автобиографии Замятин, в место, привлекательное для поклонников культурного туризма.

Осталось ощущение, что прошедший конгресс – не просто очередная литературоведческая конференция, каких сейчас проводится довольно много. Мы (участники) еще раз убедились, что в Тамбове действительно плодотворно работает научный центр по изучению русской литературы, и прежде всего творческого наследия Замятина. Он помогает Тамбовскому университету держать высокую планку сотрудничества с мировым гуманитарным сообществом. Закономерно, что в дни конгресса составлено соглашение между руководством университета и представителем Великобритании об обмене студентами. Одна из участниц конгресса, профессор Ольга Смит, представляла университет Центрального Ланкашира, который проявил интерес к установлению сотрудничества с ТГУ им. Г.Р. Державина. В 2014/2015 учебном году в университете Центрального Ланкашира ввели программу бакалавра по

русскому языку. В соответствии с программой на третьем году обучения студент должен пройти включенное обучение в течение двух семестров в одном из вузов России. Была достигнута договоренность о том, что площадкой для реализации программы включенного обучения студентов университета Центрального Ланкашира станет Тамбовский университет.

Замечательным завершением работы конгресса стал концерт двух музыкально-хореографических коллективов – известных ансамблей «Казачи России» и песни и пляски Черноморского флота. Все присутствующие получили и эстетическое удовольствие, и заряд патриотизма.

В 1923 г. в своей программной статье «О литературе, революции, энтропии и о про-

чем» Е. Замятин написал знаменательные слова о пророческой роли русской литературы: «Живая литература живет не по вчерашним часам, и не по сегодняшним, а по завтрашним. Это – матрос, посланный вверх, на мачту, откуда ему видны гибнущие корабли, видны айсберги и мальстремы, еще не различимые с палубы... Матрос на мачте нужен в бурю. Сейчас – буря, с разных сторон – SOS...» «Матросом на мачте» сегодня воспринимается и прошедший в Тамбове–Ельце международный конгресс «Диалог славянских культур».

Поступила в редакцию 5.11.2014 г.

UDC 82-83

RUSSIAN-UKRAINIAN DIALOGUE OF PHILOLOGISTS

Lidia Ivanovna SHISHKINA, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russian Federation, Candidate of Philology, Professor of Northwest Institute of Management, e-mail: lidia_shishkina@mail.ru

Kira Dmitriyevna GORDOVICH, Saint-Petersburg State University of Technology and Design, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Northwest Institute of Print, e-mail: lidia_shishkina@mail.ru

In response of renowned St. Petersburg scientists it is stated about analytical information about the International Congress of literature "The first Russian-Ukrainian philological readings "Dialogue of Slavic Cultures", held in the framework of the Cooperation Agreement of Tambov State University named after G.R. Derzhavin and Lesya Ukrainka Eastern European National University (Lutsk, Ukraine). The urgency and importance of this strategy for international cultural cooperation is disclosed.

Key words: contemporary socio-cultural situation; international Russian-Ukrainian "Dialogue of Slavic Cultures"; mission of Russian and Ukrainian literature.